„ЗЕМЛЯ — НАРОДУ“.

№ 12.

Н. Л. Огановскій.

ЗАКОНОМѢРНОСТЬ АГРАРНОЙ ЭВОЛЮЦІИ.

(Выдержки изъ трехтомнаго изслѣдованія).

МОСКВА.
Тип. Т-ва „ЗАДРУГА“ Воздвиженка, Крестовоздвиженскій пер., д 9.
1917.

Общій ходъ и фазисы аграрной эволюціи *).

I.

Эволюція сельско-хозяйственнаго производства.

Цѣль с.-хоз. производства—удовлетвореніе продовольственныхъ и нѣкоторыхъ другихъ потребностей всего населенія данной страны, или группы странъ, связанныхъ между собой міровымъ товарообмѣномъ.

Продукты с.-хоз. производства, служащіе для удовлетворенія этихъ потребностей, получаются въ результатѣ или дѣятельности одной природы, или совмѣстной дѣятельности природы съ дѣятельностью человѣка.

Дѣятельность природы заключается въ выработкѣ изъ элементовъ земли и атмосферы, т. сказать, изъ сырыхъ матеріаловъ, живыхъ организмовъ растеній и животныхъ. Дѣятельность человѣка состоитъ въ приспособленіи творческой работы природы для основной цѣли с.-хоз. производства—добыванія продуктовъ, необходимыхъ для человѣчества.

Съ возрастаніемъ населенія, а слѣдовательно, съ возрастаніемъ потребностей въ продуктахъ сельскаго хозяйства, усиливается дѣятельность человѣка въ сельско-хозяйственномъ производствѣ. Человѣкъ можетъ воздѣйствовать на творческую работу природы только въ границахъ производительности земли—атмосферы ему недоступна; поэтому—*эволюція сельско-хозяйственнаго производства состоитъ въ развитіи производительности земли.* Производительность земли должна всегда стоять на такомъ уровнѣ, чтобы сумма продуктовъ, получаемыхъ отъ сельскаго хозяйства, находи-

*) Заключительная глава I-го тома.

лась въ равновѣсіи съ суммой потребностей населенія въ этихъ продуктахъ

Въ связи съ ростомъ населенія, эволюція сельско-хозяйственнаго производства переживаетъ три фазиса

Въ первомъ *до-земледѣльческомъ фазисѣ* населеніе настолько рѣдко, что человѣкъ не нуждается въ развитіи производительности земли посредствомъ ея обработки, а довольствуется тѣми продуктами природы, которыя она даетъ *безъ* участія человѣческаго труда. Это фазисъ звѣроловнаго и пастушескаго быта.

При дальнѣйшемъ увеличеніи населенія является необходимость къ переходу на земледѣліе, т. е къ развитію производительности земли въ прямомъ смыслѣ этого слова. Развитіе производительности земли, сообразно съ плотностью населенія, достигается двумя способами, двумя системами земледѣлія: расширеніемъ эксплуатаціи даровыхъ запасовъ природы вообще и почвы въ частности и планомѣрнымъ постояннымъ развитіемъ естественнаго плодородія почвы. Такъ какъ запасы природныхъ благъ ограничены, то первая система возможна лишь до извѣстныхъ предѣловъ, за которыми, при дальнѣйшемъ возрастаніи населенія, она неизбѣжно должна смѣниться второй.

Эпоху преобладанія первой системы мы называемъ *экстенсивнымъ фазисомъ* эволюціи сельско-хозяйственнаго производства, эпоху преобладанія второй *—интенсивнымъ* фазисомъ.

Въ экстенсивномъ фазисѣ развитіе производительности земли достигается посредствомъ **расширенія** *площади* обрабатываемой территоріи до возможныхъ предѣловъ. Этотъ фазисъ дѣлится на два періода: въ первомъ періодѣ пространство свободной и удобной для обработки земли, *ограничено*, и господствуютъ *переложныя* системы полеводства, при которой засѣвается, maximum, третья часть пахатныхъ угодій, а двѣ трети остаются отдыхать въ видѣ залежи (подѣльковъ); эта отдыхающая отъ посѣвовъ земля служитъ естественнымъ регуляторомъ плодородія почвы.

Во второмъ періодѣ удобныя земли уже отведены подъ пашню, пространство для расширенія пашни ограничено, и площадь посѣвовъ расширяется за счетъ залежи, которая, превращаясь изъ многолѣтней въ однолѣтнюю паръ, сжимается до $^1/_3$ площади пашни. При такомъ незначительномъ

естественномъ регуляторѣ плодородія, трехпольную систему безъ удобренія могутъ долго выдержать лишь черноземныя почвы лучшаго качества; почвы глинистыя и песчаныя изъ-подъ выкорчеваннаго лѣса, покрывавшаго въ началѣ среднихъ вѣковъ значительную площадь на востокѣ и въ центрѣ Европы, подвергаются быстрому истощенію и поэтому уже въ средніе вѣка начинается удобреніе золой и навозомъ. Но степень удобренія при трехполья не идетъ далѣе поддерживанія плодородія почвы на одномъ уровнѣ.

На этой ступени — ступени консервативнаго возстановленія плодородія почвы и *трехпольной* системы полеводства, сельское хозяйство Европы застываетъ на многія сотни лѣтъ до тѣхъ поръ, пока быстрый приростъ населенія въ концѣ XVIII в. и въ началѣ XIX в. не нарушаетъ равновѣсія между суммой продуктовъ, доставляемыхъ сельскимъ хозяйствомъ и суммой потребностей населенія. Нарушенное равновѣсіе возстанавливается переходомъ европейскаго земледѣлія въ интенсивный фазисъ развитія производительности земли *вглубь* и колонизаціей заокеанскихъ, рѣдко населенныхъ странъ. Соединенные Штаты, благодаря быстрому заселенію, проходятъ въ сотню лѣтъ экстенсивный фазисъ развитія производительности земли *вширь*, который Европа проходила въ теченіе почти двухъ тысячелѣтій.

Въ интенсивномъ фазисѣ плодородіе почвы не только возстанавливается, но и развивается, что въ теченіи столѣтія его существованія въ Европѣ отразилось повышеніемъ урожайности, приблизительно, въ 2—2½ раза. Паръ совершенно исчезаетъ, и человѣкъ беретъ на себя заботу о плодородіи почвы, развивая его посредствомъ усиленія удобренія и усложненія сѣвооборота. Рядомъ съ обычными зерновыми культурами на поляхъ появляются корнеплоды, масличныя, кормовыя травы и т. д. и вмѣсто однообразныхъ „пшеничныхъ полей на 30 километровъ“, возможныхъ только при перелогѣ и отчасти при трехполья, каждое поле представляетъ изъ себя шахматную доску, покрытую пестрыми разноцвѣтными культурами. Исчезаютъ рѣзкіе подъемы и паденія урожаевъ, человѣкъ перестаетъ зависѣть отъ капризовъ климата и вмѣстѣ съ этимъ избавляется отъ страха голодовокъ. Въ минувшемъ году, когда Германію постигла небывалая засуха, когда обнажились „голодные камни“ на Рейнѣ, не открывавшіеся въ теченіи 60 лѣтъ со времени

послѣдней голодовки 40-хъ годовъ—урожаи понизились противъ нормальныхъ всего на 10%.

Взявши на себя въ интенсивномъ фазисѣ развитіе плодородія почвы, человѣкъ пересталъ эксплоатировать безплатно запасы природныхъ благъ, и тѣмъ самымъ не только оградилъ себя отъ ихъ истощенія и отъ случайныхъ колебаній атмосферныхъ вліяній, надъ которыми онъ не властенъ, но и проложилъ себѣ широкую дорогу въ таинственную лабораторію природы, въ которой она вырабатываетъ живые организмы.

Отнынѣ „законъ убывающаго плодородія" ему не страшенъ: человѣкъ-становится дѣйствительно „царемъ природы", и въ его рукахъ находится рычагъ равновѣсія между дѣятельностью природы и потребностями человѣка.

Но природа не даромъ служитъ человѣку: она требуетъ взамѣнъ отъ человѣка не упрощенія, не механизаціи, а усложненія и, „оживленія" его труда. Всѣ процессы труда въ сельскомъ хозяйствѣ раздѣляются на три стадіи: стадію подготовки почвы (физико-химическую), стадію ухода за животными и растеніями (органическую), и стадію обработки мертвыхъ продуктовъ (механическую). Третью стадію, какъ оторванную отъ земли, мы исключаемъ изъ сферы чистаго сельскаго хозяйства. Элементами производства, кромѣ данныхъ природой почвы и атмосферы, служатъ: а) орудія труда, б) пріемы живого труда человѣка и в) сырые матеріалы (сѣмена, удобреніе).

Орудія труда (живой и мертвый инвентарь) могутъ одинаково примѣняться въ любомъ фазисѣ эволюціи. Степень совершенства мертваго инвентаря (механическихъ орудій) зависитъ не отъ уровня развитія производительности земли, а отъ уровня культурности населенія. Механизація производства скорѣе обратно пропорціональна его интенсификаціи. Наоборотъ, *пріемы* живого труда человѣка, преобладающіе во второй стадіи, развиваются и усложняются вмѣстѣ съ развитіемъ производительности земли, и вторая органическая стадія производства занимаетъ замѣтное мѣсто лишь при интенсивномъ фазисѣ. То же надо сказать и относительно сырыхъ матеріаловъ.

Орудія труда составляютъ *постоянный* капиталъ производства; пріемы труда и сырье—*перемѣнный*. Поэтому, въ противоположность индустріи, эволюція сельско-хозяйствен-

наго производства связана съ *относительнымъ развитіемъ переменнаго капитала и относительнымъ сокращеніемъ постояннаго*, каковая эволюція и создаетъ не раздѣленіе, а *усложненіе* человѣческаго труда въ сельскомъ хозяйствѣ. Усложняется подготовка почвы, удобреніе, уходъ за растеніями и животными, усложняются самыя системы земледѣлія и скотоводства, сѣвообороты, и все это усложненіе происходитъ на томъ же самомъ мѣстѣ въ одномъ и томъ же хозяйствѣ; всѣ усложнившіеся процессы труда производятся однимъ и тѣмъ же человѣкомъ. Этотъ специфическій характеръ эволюціи сельско-хозяйственнаго производства отражается въ XIX в. на *эволюціи распредѣленія* средствъ производства, главное изъ которыхъ—*земля*.

II.

Эволюція распредѣленія средствъ производства.

Эволюція распредѣленія въ сельскомъ хозяйствѣ гораздо сложнѣе, чѣмъ въ индустріи, т. к. въ этой послѣдней она зависитъ, главнымъ образомъ, отъ техническихъ и экономическихъ факторовъ производства, между тѣмъ, какъ въ сельскомъ хозяйствѣ, кромѣ нихъ, на распредѣленіи отражаются факторы совсѣмъ иного порядка—политическіе и психологическіе.

Политическіе факторы дѣлятся на прямые и косвенные. Прямые—военное завоеваніе и раздача земель господствующимъ классамъ; косвенные—власть надъ трудовымъ крестьянскимъ населеніемъ, приведшая къ экспропріаціи значительной доли продуктовъ и труда въ пользу господствующихъ классовъ (феодализмъ, крѣпостное право).

Эволюцію распредѣленія можно раздѣлить на эволюцію *внутреннюю*, *органическую и внѣшнюю, надъ-органическую*, не находящуюся въ прямой связи съ эволюціей производства и хозяйственныхъ отношеній вообще. Подъ внутренней эволюціей мы разумѣемъ измѣненія въ распредѣленіи средствъ производства, происходящія отчасти въ зависимости отъ семенныхъ отношеній и психологическихъ причинъ, отчасти отъ хозяйственныхъ факторовъ, но непремѣнно *внутри* даннаго общества, класса, племени, рода. Внѣшней эволюціей

мы называемъ тѣ измѣненія, которыя производитъ въ распредѣленіи постороняя данной коллективности сила, вторгающаяся въ нее *извнѣ* и совершенно независимая отъ экономическихъ факторовъ—сила насилія—faustrecht, возникающая благодаря политическимъ факторомъ. Тѣ измѣненія, которыя она производитъ въ распредѣленіи, могутъ иногда расходиться съ ними, но сила эта всегда является самодовлѣющей..

Въ первомъ до-земледѣльческомъ фазисѣ сельскаго хозяйства внѣшніе политическіе факторы, какъ постоянная сила, отсутствуютъ. Но внутренняя органическая эволюція распредѣленія въ этомъ фазисѣ такова, что она приводитъ къ наибольшей имущественной дифференціаціи. Происходитъ это явленіе оттого, что, при максимальной неограниченности пространства, здѣсь сильнѣе всего развивается захватное право (семейное или трудовое) *).

Наблюденія надъ кочевымъ киргизскимъ бытомъ показываютъ, что, чѣмъ ниже плотность населенія, чѣмъ меньше даетъ себя знать ограниченность пространства, тѣмъ больше развивается дифференціація.

Съ того времени, какъ человѣчество сформировалось въ коллективности, благодаря этой неограниченности пространства и тѣмъ незначительнымъ затратамъ труда, которыя людямъ надо было производить для пріобрѣтенія *движимаго* имущества (въ данномъ случаѣ, скота) внутри этихъ коллективностей неизбѣжно обнаруживалась максимальная дифференціація.

Когда сгущеніе населенія заставило людей перейти на земледѣліе, то самый фактъ осѣданія обозначалъ уже нѣкоторое ограниченіе пространства, а съ нимъ захватнаго права.

Въ первомъ періодѣ экстенсивнаго фазиса—при переложной системѣ, когда расширеніе пашни совершается на счетъ нетронутой дѣвственной территоріи, возникаетъ новый видъ имущественной дифференціи—дифференціація *недвижимой собственности—земли*. Но эта новая внутренняя дифференціація уже слабѣе той, которая возникаетъ при ко-

*) До этой мысли, какъ ни странно, додумался г. Масловъ, который говоритъ, что „при земельномъ просторѣ богатому есть гдѣ развернуться и завести большое хозяйство.“

чевомъ бытѣ. Вслѣдствіе трудности обработки земли, принципъ, господствующій въ эту эпоху внутри общины—всякій захватываетъ земли, сколько сможетъ обработать, производитъ меньшее разслоеніе, чѣмъ принципъ, господствующій въ кочевомъ быту—всякій пріобрѣтаетъ столько движимаго имущества—скота, сколько сможетъ добыть при помощи даровыхъ силъ природы.

Надо еще принять въ разсчетъ, что средняя и восточная Европа въ эпоху осѣданія на землю была покрыта лѣсами; и первоначальные земледѣльцы или ютились на лѣсныхъ полянахъ, или имъ приходилось врубаться въ первобытные лѣса, что, конечно, было сопряжено съ большими затратами труда. Такимъ образомъ, сама природа въ ту эпоху сокращала возможность неограниченнаго захвата земли.

Но въ то же время, въ эпоху великаго переселенія народовъ, навстрѣчу внутренней органической дифференціаціи выдвигается внѣшній *военный захватъ*, основанный не на трудовомъ правѣ, а на правѣ силы. Путемъ завоеваній и раздачи земель сверху формируется извнѣ надъ трудовой массой классъ крупныхъ владѣльцевъ—феодаловъ, сливающійся съ верхними слоями, образовавшимися внутри первобытной общины. Этотъ классъ къ IX—XI—XVI в. в. въ разныхъ государствахъ захватываетъ незанятую, необработанную и отчасти обработанную землю и выдѣляется въ замкнутую сословную группу, обладающую значительными политическими правами. Опираясь на эти права, на физическую силу, на имущественное богатство, этотъ господствующій классъ въ теченіе среднихъ вѣковъ постепенно закабаляетъ также обособленный и все болѣе замыкаемый сословными ограниченіями классъ трудовыхъ крестянъ.

Обладая съ самого начала капиталомъ въ видѣ нетронутыхъ земель и часто запасами орудій производства и рабочаго скота, феодалы подчиняютъ своей власти тѣхъ изъ крестьянъ, которые выдѣляются безъ имущества, благодаря разложенію родовой общины и семейнымъ раздѣламъ. Въ Россіи—эти ролейные закупы, на западѣ зависимые арендаторы—колоны и литы. Но затѣмъ власть помѣщиковъ переходитъ и на землю, принадлежащую общинамъ, и создается институтъ крѣпостного права. Внутри феодальнаго класса продолжаются захваты земли и силой и милостью монарховъ и крупное землевладѣніе продолжаетъ дифференциро-

ваться и концентрироваться въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ. Но внутри крестьянскаго класса дифференціація, вслѣдствіе ограниченности пространства, возникшей послѣ захвата свободныхъ территорій господствующими классами, смѣняется относительной *нивеллировкой* или скорѣе общей *подвижкой внизъ*—общимъ обѣднѣніемъ. Этотъ процессъ нивеллировки происходитъ и въ тѣхъ общинахъ, гдѣ семейно-захватное право смѣнилось уравнительно-передѣльнымъ механизмомъ и въ тѣхъ, гдѣ оно перешло въ подворно-чрезполосное владѣніе на частно-правовыхъ началахъ. Благодаря все возрастающей ограниченности пространства, имущественное положеніе крестьянъ должно было оказаться гораздо менѣе дифференцированнымъ на исходѣ среднихъ вѣковъ и при освобожденіи отъ крѣпостного права, чѣмъ въ ихъ началѣ, когда трехполье только что начало вростать въ переложную систему и семейно-родовая община разлагалась на отдѣльныя ячейки—дворы.

Итакъ, въ концѣ XVIII и началѣ XIX в., когда для сельскаго хозяйства Европы наступилъ неизбѣжный переходъ въ интенсивный фазисъ, въ Европѣ существовало два рѣзко обособленныхъ класса: сильно дифференцированный классъ крупныхъ не трудовыхъ землевладѣльцевъ—дворянъ и значительно уравненный въ имущественномъ положеніи трудовой классъ крестьянъ—хлѣбопашцевъ. Быстрый ростъ населенія въ этомъ классѣ, истощеніе земли и голодовки—вмѣстѣ съ тяжелымъ гнетомъ заставляютъ его стремиться расширить свое землевладѣніе посредствомъ обратнаго отвоеванія земли у дворянъ. Происходятъ революціи, благодаря которымъ крестьянство получаетъ политическія права и часть земли.

Послѣ политической борьбы между обоими классами въ третьемъ фазисѣ продолжается борьба за землю, но уже на *экономической* почвѣ. Перевѣсъ того или другого класса зависитъ теперь, въ значительной мѣрѣ, отъ техническихъ преимуществъ *мелкой* трудовой или *крупной* нетрудовой формы хозяйства.

Кромѣ этихъ старыхъ формъ, въ XIX в. за океаномъ, и на территоріи Соединенныхъ Штатовъ, въ Европѣ—въ Великобританіи и отчасти въ Бельгіи возникаетъ новая форма полутрудового фермерскаго хозяйства, *среднихъ* размѣровъ, цѣль котораго—капиталистическое производство. Мелкое и

среднее хозяйство имѣетъ каждое свои техническія преимущества. Преимущества мелкаго заключаются, главнымъ образомъ, въ запасахъ живого труда лучшаго качества и въ небольшихъ размѣрахъ площади; преимущества средняго—въ раціональномъ примѣненіи нѣкоторыхъ усовершенствованныхъ орудій (сѣялокъ, молотилокъ, жнеекъ и т. п.); эти орудія, для раціональнаго использованія ихъ силы требуютъ площади среднихъ размѣровъ и соединенія въ группы небольшого числа работниковъ—(3—10 человѣкъ). Всѣ процессы сельско-хозяйственнаго производства распадаются на двѣ группы: 1) требующіе *индивидуальнаго* производства—каковы вспашка, бороньба, удобреніе и уходъ за животными и растеніями и 2) требующіе, при примѣненіи усовершенствованныхъ машинъ *„общественнаго производства въ малыхъ размѣрахъ“*: посѣвъ, уборка, молотьба. Индивидуальное производство можетъ быть малыхъ, среднихъ и крупныхъ размѣровъ. Крупнаго *общественнаго* производства, *крупной кооперации* въ сельскомъ хозяйствѣ—**нѣтъ**. Крупное предпріятіе представляетъ изъ себя внѣшне связанный общимъ владѣніемъ и общимъ управленіемъ агрегатъ самостоятельныхъ индивидуальныхъ и малыхъ общественныхъ типовъ производства и потому легко доступно раздробленію.

Такимъ образомъ, у крупной формы хозяйства нѣтъ почти *никакихъ техническихъ преимуществъ*. *) потому что крупной кооперации въ сельскомъ хозяйствѣ мы не имѣемъ.

Мелкое хозяйство, обладая всегда наибольшимъ количествомъ работниковъ, лично заинтересованныхъ въ производствѣ и наименьшей площадью, при извѣстной культурности и нѣкоторомъ запасѣ денежныхъ средствъ, будетъ всегда *интенсивнѣе* средняго и крупнаго.

Среднее хозяйство имѣетъ передъ мелкимъ, кромѣ раціональнаго использованія машинъ, еще нѣсколько преимуществъ 1) мелкое хуторское хозяйство тратитъ больше земли и средствъ на межи, изгороди и постройки, 2) мелкое подворно-чрезполосное сверхъ того затрачиваетъ много труда при вспашкѣ на непроизводительные повороты плуга. При

---

*)Расходы на администрацію не составляютъ преимущества крупнаго хозяйства, потому что ни у мелкаго, ни у средняго таковыхъ совсѣмъ нѣтъ: экономія въ постройкахъ существуетъ, но она незначительна и съ избыткомъ компенсируется одними расходами на администрацію.

одной и той же ширинѣ полосы, эти затраты на гектаръ обходятся (по Шишкину).

При	длинѣ	участка	въ	400	метровъ	въ	1 р.	36 к.
„	„	„	„	300	„	„	1 р.	82 к.
„	„	„	„	200	„	„	2 р.	73 к.
„	„	„	„	100	„	„	4 р.	45 к.
„	„	„	„	50	„	„	10 р.	90 к.

3) Разнообразіе культуръ доступнѣе среднему хозяйству; при этомъ разнообразіи и при большей площади легче избѣжать сплошныхъ неурожаевъ всѣхъ растеній. Упорство, съ которымъ на западѣ Европы во многихъ районахъ крестьяне не хотятъ разставаться съ подворно-черезполосным владѣніемъ, подчеркиваетъ это преимущество.

Передъ крупнымъ хозяйствомъ среднее имѣетъ громадное преимущество въ *сокращеніи пространства*, которое, при подвижности всѣхъ процессовъ сельско-хозяйственнаго производства, очень сильно удорожаетъ издержки въ крупномъ хозяйствѣ. Другое преимущество средняго отсутствіе расходовъ на администрацію.

Въ общемъ итогѣ, по детальнымъ разсчетамъ кн. Кудашева*), среднее хозяйство даетъ наибольшую прибыль, иначе говоря, оно самое *выгодное*.

Слѣдовательно, съ технической стороны мелкое хозяйство является самымъ интенсивнымъ, среднее - самымъ выгоднымъ. Вотъ почему въ экономической борьбѣ, происходившей во вторую половину XIX в. мелкое или среднее хозяйство всюду начинаютъ вытѣснять крупное.

Эта экономическая борьба неизбѣжна при возрастаніи населенія, все равно, городского или сельскаго: и въ Европѣ, и въ Соединенныхъ Штатахъ, и въ Россіи она приводитъ къ большей равномѣрности въ общемъ распредѣленіи земли между всѣмъ населеніемъ, занятымъ въ сельско-хозяйственномъ производствѣ.

Итакъ, три фазиса эволюціи производства сопровождались тремя фазисами въ распредѣленіи земли и средствъ производства: внутренняя дифференціація, внѣшній захватъ земли господствующими классами и обратное завоеваніе зем-

*) См. „Аграрный вопросъ съ сельско-хозяйственной точки зрѣнія".

ли у этихъ классовъ трудовымъ мелкимъ и полутрудовымъ среднимъ хозяйствомъ, благодаря техническимъ преимуществамъ этихъ послѣднихъ.

Общій выводъ будетъ таковъ: чѣмъ ограниченнѣе пространство, чѣмъ гуще населеніе (городское и сельское), тѣмъ *равномѣрнѣе* должна распредѣляться земля между населеніемъ, занятымъ въ производствѣ, независимо отъ политическихъ факторовъ и отъ той или иной формы собственности. Если политическіе факторы противодѣйствуютъ этой равномѣрности—рано или поздно они сметаются исторіей.

Такова естественная органическая эволюція распредѣленія земли.

III.

Предпосылки ближайшаго будущаго.

Въ XIX в. міровое сельско-хозяйственное производство эволюціонировало въ предѣлахъ обоихъ земледѣльческихъ фазисовъ: въ то время, какъ на континентѣ Европы шло интенсивное развитіе производительности земли *вглубь*, въ заокеанскихъ странахъ и Россіи—происходило (въ нѣкоторыхъ районахъ происходитъ и теперь), экстенсивное развитіе производительности земли *вширь*. Каковъ долженъ быть характеръ эволюціи производства въ XX вѣкѣ?

Территорія Америки и Австраліи служила до сихъ поръ колонизаціоннымъ фондомъ для западной Европы; для Россіи—ея азіатскія владѣнія. Въ концѣ XIX-го и началѣ XX в. къ странамъ, изъ которыхъ изливался потокъ эмигрантовъ, прибавляются двѣ азіатскія державы—Японія и Китай. За 1898—900 г. г. изъ Японіи эмигрировало 108 тыс.; теперь вѣроятно, болѣе милліона. Китайскихъ переселенцевъ въ Соедин. Штатахъ, южной Азіи, Австраліи на тихоокеанскихъ островахъ и въ другихъ мѣстахъ къ 1903 г. было 7642,6 тыс. чел. И для Японіи и для Китая, послѣ того какъ культурныя страны поставили преграды для ихъ эмиграціи, вслѣдъ за послѣдней войной открылся клапанъ на дальнемъ Востокѣ (Манчжурія, Корея и пр.).

Изъ странъ, служившихъ колонизаціоннымъ фондомъ, повидимому, скоро выйдутъ Соединенные Штаты, въ которыхъ выселеніе уже перевѣсило иммиграцію въ концѣ 1907 года.

Во многихъ районахъ Соединенныхъ Штатовъ, а также Россіи уже закончился періодъ экстенсивнаго расширенія территоріи пахатныхъ земель. Соединенные Штаты, Россія и Остъ-Индія—главные поставщики хлѣба въ Европу. По разсчетамъ г. Діонео въ 1925 г. Соединенные Штаты прекратятъ хлѣбный экспортъ, если ихъ населеніе къ этому времени дойдетъ до 120 милліоновъ. Дѣло въ томъ, что хотя тамъ и есть въ наличности еще большое количество незаселенныхъ земель, но безводіе, какъ и въ нашихъ азіатскихъ степяхъ и въ Австраліи, является *пока* неопреодолимымъ препятствіемъ для ихъ обращенія подъ пашню. Что касается до Россіи и Остъ-Индіи, то теперь земледѣльческое населеніе этихъ странъ отчуждаетъ свой хлѣбъ „*по нуждѣ*", а не „отъ избытка". Надо думать, что въ XX в. личное потребленіе земледѣльческаго населенія въ этихъ странахъ повысится, и если заграничный экспортъ, благодаря интенсификаціи, не упадетъ, то хлѣбныя цѣны, вѣроятно, пойдутъ вверхъ.

Мы не будемъ разбирать вопроса о томъ, какое количество удобныхъ незаселенныхъ земель имѣется въ Южной Америкѣ, Канадѣ и Африкѣ: но относясь даже вполнѣ оптимистически къ этимъ странамъ, надо признать, что сокращеніе колонизаціоннаго фонда и хлѣбнаго экспорта, а также повышеніе цѣнъ въ прежнихъ „житницахъ" Европы не сможетъ не отразиться какъ на сельско-хозяйственномъ производствѣ, такъ и на распредѣленіи земли въ этой послѣдней.

Въ 70-хъ г. г. населеніе Европы составляло 316 милліоновъ; въ 1900 г.—383 мил.; за 30 лѣтъ оно увеличилось на 21,5%. Приростъ населенія, въ виду того, что войны теперь уже не отражаются на немъ такъ губительно, что ни моръ, ни голодъ, ни крѣпостное право Европѣ не грозятъ, по крайней мѣрѣ, въ первой трети XX вѣка, возможно будетъ такимъ же, какъ въ послѣдней трети XIX в. и къ 1930 г. здѣсь можно ожидать населенія въ 465 милліоновъ.

Естественный приростъ земледѣльческаго населенія въ Европѣ отливалъ до сихъ поръ не столько въ колоніи, сколько въ города. Ростъ городовъ былъ связанъ съ гигантскимъ ростомъ индустріи, въ сильной степени зависѣвшимъ отъ *расширенія внѣшнихъ рынковъ*.

Только за 1884—96 г. г. колоніи Франціи увеличились

на 2,7 мил. кв. миль, Англіи—2,6 мил., Германіи—болѣе чѣмъ на 1 мил.; Бельгіи—около этого, Италіи—на 0,5 мил., а всего за 12 лѣтъ на 7,8 мил. На земномъ шарѣ почти всѣ рынки уже захвачены Европой. Если допустимо сравненіе индустріи съ сельскомъ хозяйствомъ, то можно сказать, что въ XIX в. происходило экстенсивное развитіе рынка для индустріи *вширь*. Необычайное развитіе индустріи и торговли такъ же, какъ необычайный расцвѣтъ экстенсивнаго земледѣлія въ Соединенныхъ Штатахъ, въ минувшемъ вѣкѣ происходили: первый, при существованіи неограниченнаго простора еще не захваченныхъ рынковъ, второй—неограниченнаго простора еще не обработанныхъ земель. Въ XX в. экстенсивное развитіе рынковъ *вширь*, врядъ ли возможно и должно произойти возрастаніе рынковъ *вглубь*, зависящее отъ роста потребленія продуктовъ индустріи населеніемъ тѣхъ странъ, которыя уже захвачены рынкомъ. Вмѣсто захвата новыхъ свободныхъ рынковъ будетъ развиваться между промышленными странами борьба изъ-за старыхъ. Въ этой борьбѣ должна побѣдить та страна, которая будетъ изготовлять наиболѣе дешевые, доброкачественные и соотвѣтствующіе вкусамъ народныхъ массъ продукты. Большая дешевизна въ индустріи достигается механизаціей производства, т. е. вытѣсненіемъ живого труда машинами; въ торговлѣ—оптовой, массовой торговлей—сокращеніемъ арміи посредниковъ. Относительному сокращенію милліоновъ торговыхъ посредниковъ будетъ содѣйствовать развитіе коопераціи, которая ни въ одной области не развивалась такъ быстро, какъ въ области кредита и обмѣна. Поэтому мы думаемъ, что въ XX вѣкѣ мировое развитіе индустріи и торговли, если не пойдетъ впередъ болѣе медленнымъ темпомъ, то все-таки будетъ сопряжено съ относительнымъ сокращеніемъ прироста населенія, занятаго въ индустріи и торговлѣ и живущаго, главнымъ образомъ, въ городахъ.

Такимъ образомъ, на протяженіи нѣсколькихъ десятилѣтій въ XX вѣкѣ можетъ произойти: а) сокращеніе колонизаціонной емкости заокеанскихъ странъ и прибавленіе новыхъ странъ, нуждающихся въ колонизаціи; б) относительное сокращеніе хлѣбнаго экспорта въ Европу; в) относительсокращеніе прилива населенія въ города и г., приростъ европейскаго населенія, по крайней мѣрѣ, на 20—25%.

Благодаря этимъ причинамъ, сельское хозяйство, забы

тое Европой, вновь пріобрѣтетъ большое значеніе для нея и земледѣльческое населеніе Германіи, Франціи и Англіи, которое, за послѣдніе 30 лѣтъ не давало никакого прироста, а даже убыль, *начнетъ возрастать*.

Первый примѣръ обратной тяги на землю, подала страна, первой вышедшая на путь капитализма—Англія, гдѣ по закону 1907 г. за 4 мѣсяца 245 тыс. акровъ перешло въ руки трудового земледѣлія. Ростъ земледѣльческаго населенія долженъ, на основаніи указанныхъ въ предыдущей главѣ закономѣрностей, обострить экономическую борьбу между хозяйствами различныхъ формъ и размѣровъ. Шансы экономической борьбы зависятъ, главнымъ образомъ, отъ *техническихъ* преимуществъ той или иной формы хозяйства. Предугадать, въ какомъ направленіи пойдетъ развитіе техники производства, мы не въ силахъ. Переворотъ, подобный тому, который произвела въ индустріи машина, возможенъ или тогда, когда какое-нибудь геніальное открытіе, напримѣръ, приготовленіе пищи изъ свободнаго азота воздуха, оторвало бы сельское хозяйство *отъ земли* и заключило бы его въ стѣны химическихъ лабораторій, или тогда, когда была бы изобрѣтена дешевая передача энергіи на разстояніе—въ родѣ безпроволочнаго телеграфа, т. е. было бы побѣждено *значеніе пространства*. И въ томъ и въ другомъ случаѣ, техника производства стала бы благопріятной концентраціи; и если къ этому времени кооперація не разовьетъ достаточной силы, или если эти открытія не будутъ монополизированы государствомъ и общественными учрежденіями, то наши потомки увидятъ быстрое побѣдное шествіе капитализма и въ сельскомъ хозяйствѣ.

Но если, въ эпоху господства капиталистическаго строя, не произойдетъ подобныхъ открытій, если техническая эволюція пойдетъ тѣмъ же путемъ, какимъ шла до сихъ поръ—путемъ усовершенствованія сѣвооборотовъ, качества сѣмянъ, животныхъ, удобренія и изобрѣтенія небольшихъ, слабосильныхъ и подвижныхъ машинъ, то мелкое и среднее хозяйство не только сохранитъ, но и *усилитъ* свои преимущества передъ крупнымъ въ предѣлахъ первыхъ двухъ стадій производства, непосредственно связанныхъ съ землей и ея производительностью. Мелкое и среднее индивидуальныя хозяйства, при *прочихъ равныхъ условіяхъ*, будутъ болѣе приспособлены къ интенсивному развитію производительности

земли, и потому будутъ продолжать вытѣсненіе крупныхъ хозяйствъ съ тѣхъ позицій, которыя они еще сохранили, главнымъ образомъ, благодаря дѣйствію политическихъ факторовъ минувшихъ вѣковъ. И чѣмъ быстрѣе станетъ расти земледѣльческое населеніе, тѣмъ сильнѣе будетъ напоръ трудовой массы на нетрудовое крупное капиталистическое хозяйство.

Мы сказали: при прочихъ равныхъ условіяхъ. Если не считать политическихъ факторовъ, подъ равными условіями въ борьбѣ хозяйствъ разныхъ типовъ, надо подразумѣвать уровень культурнаго развитія и наличность капиталовъ или кредита. Уровень культурнаго развитія массъ двигается впередъ чрезвычайно быстрыми шагами; если въ XIX в. знаніе такъ скоро демократизировалось, то XX в. несомнѣнно принесетъ массовое культурное равенство, поскольку оно необходимо для народа.

Денежный капиталъ и кредитъ, открытый вначалѣ только для крупныхъ владѣльцевъ, европейскіе крестьяне завоевали въ 80-хъ г.г. при помощи кооперації. Нѣтъ никакихъ причинъ ожидать, чтобы кооперативное движеніе, по крайней мѣрѣ, въ области кредита и обмѣна пошло въ XX вѣкѣ назадъ, а не впередъ. Поэтому, мы думаемъ, что „прочія“ условія экономической борьбы, во всякомъ случаѣ, улучшатся для мелкихъ и среднихъ хозяйствъ, и эти послѣднія будутъ продолжать работу XIX в.—работу раздробленія и оживленія безформенныхъ „аггрегатовъ“ крупныхъ хозяйствъ, покрытыхъ мертвыми пустырями и лѣсами.

Политическій факторъ XX вѣка—парламентарное законодательство, подъ вліяніемъ исторически складывающейся конъюнктуры, постепенно демократизируется; въ интересахъ націи, или даже въ интересахъ городской буржуазіи, парламенты будутъ идти по тому пути, на который первымъ выступило англійское законодательство — пути устройства безработной трудовой массы на землѣ *), тѣмъ болѣе, что необходимость интенсификаціи земледѣлія требующей увеличенія живого труда и сгущенія земледѣльческаго населенія, съ сокращеніемъ колонизаціонной емкости заокеанскихъ странъ будетъ все возрастать.

---

*) Неожиданныя политическія событія — войны, революціи, равно, какъ и техническія открытія, мы само собой не можемъ предвидѣть.

Итакъ, первой предпосылкой дальнѣйшей эволюціи *распредѣленія* надо считать усиленіе борьбы за землю между хозяйствами разныхъ размѣровъ, причемъ шансы на сторонѣ мелкихъ и среднихъ хозяйствъ будутъ значительно усилены. Крупныя хозяйства, отчасти путемъ продажи, но пока больше посредствомъ сдачи въ аренду, станутъ терять землю. Но въ рукахъ крупныхъ предпріятій останется *третья* стадія сельско-хозяйственнаго производства—*стадія техническій переработки сырья*. Эта стадія, а также элементы *обмѣна*; *кредитъ*, *сбытъ*, *покупка*, по своей технической структурѣ, требуютъ крупной *массовой постановки дѣла*.

И вотъ, преимущественно съ 80-хъ г.г. на борьбу съ крупными капиталистическими предпріятіями этого типа выступаетъ *кооперація*—товарищество изъ мелкихъ и среднихъ (крупно крестьянскихъ) трудовыхъ земледѣльцевъ. Мы не будемъ перечислять общеизвѣстныхъ успѣховъ кооперації въ сферѣ *обмѣна*—товариществъ кредитныхъ, потребительныхъ и на сбытъ. Скажемъ только, что кооперативное движеніе за послѣднія 25 лѣтъ сдѣлало такіе успѣхи, которые можно сравнить лишь съ успѣхами капитализма въ индустріи. Опираясь на землю и на первыя двѣ стадіи сельско-хозяйственнаго производства, не доступныя крупному капиталу, потому что онѣ ему невыгодны, трудовой земледѣлецъ начинаетъ вытѣснять капиталиста изъ его послѣдней твердыни—„торговаго земледѣлія“ (терминъ г. Лященко). То всеобщее увлеченіе, которое и на западѣ и у насъ заставляетъ примыкать къ кооперативному движенію даже поклонниковъ марксизма, лучше всего показываетъ, что это движеніе попало на широкую вѣрную дорогу.

Нѣсколько иначе обстоитъ дѣло въ сферѣ сельско-хозяйств. *индустріи*. Здѣсь кооперація покуда завоевываетъ, преимущественно, обработку, молочныхъ продуктовъ, что намъ кажется, объясняется специфическимъ характеромъ этого вида производства, требующаго небольшихъ разбросанныхъ предпріятій, вслѣдствіе трудности транспорта скоропортящихся продуктовъ. Но винокуренное, пивоваренное, сахароваренное и т. д. производства находятся, пока, въ рукахъ капиталистовъ и возможно, что ихъ очередь придетъ тогда, когда пробьетъ часъ для всей капиталистической индустріи.

Такимъ образомъ, кооперація пока охватила обмѣнъ и

молочное дѣло. Обмѣнъ—вовсе не пустой звукъ. Если бы наше крестьянство избавилось только отъ купли-продажи зерна черезъ посредниковъ, оно бы выиграло до 200 мил. руб., если бы оно избавилось отъ кредиторовъ-ростовщиковъ—еще больше; а если бы покупало и предметы домашняго обихода и хозяйственные матеріалы въ общественныхъ лавкахъ и складахъ—то экономія достигла бы 600—700 мил. рублей—не менѣе 50 рублей на семью или седьмой части крестьянскаго бюджета.

Съ другой стороны, правильная организація кредита и покупки улучшенныхъ орудій, сѣмянъ, удобренія, подвинули бы быстро впередъ интенсификацію производства и, повысивъ производительность земли, опять-таки увеличили бы крестьянскіе доходы.

Но эта сторона кооперацій блѣднѣетъ передъ другой задачей—задачей *обобществленія* первыхъ двухъ стадій производства, т. е. обобществленія всего сельскаго хозяйства, въ собственномъ смыслѣ этого слова. И вотъ тутъ-то является вопросъ величайшей важности: *да нужно ли это обобществленіе* и если нужно, то *въ какихъ формахъ*? Мы все время подчеркивали техническія преимущества мелкаго трудового индивидуальнаго хозяйства. Но если этотъ типъ хозяйства имѣетъ *всѣ* преимущества передъ прочими, то дальше онъ не разовьется и территорія любой страны превратится въ мужицкое царство—царство „мелкой буржуазіи", по терминологіи г.г. марксистовъ. Образецъ такой страны мы имѣемъ, хотя бы въ Даніи—образецъ не плохой, но далекій отъ того идеала, къ которому мы стремимся. Не слѣдуетъ ли отсюда, что этотъ идеалъ неосуществимъ.

Нѣтъ не слѣдуетъ! Мы не напрасно указывали въ предыдущемъ изложеніи на то, что экономисты всѣхъ направленій, устремившіе исключительное вниманіе на мелкое и крупное хозяйство—забываютъ про *третій* типъ—сравнительно новаго происхожденія — типъ смѣшаннаго полутрудового *средняго* хозяйства. Мы указывали, что у этого типа есть свои техническія преимущества, которыхъ у мелкаго хозяйства нѣтъ. Главныя изъ этихъ преимуществъ—раціональное примѣненіе нѣкоторыхъ усовершенствованныхъ орудій, экономія въ межахъ и постройкахъ, въ затратахъ труда на подготовку почвы и т. д. Всѣ эти преимущества сводятся къ одному; среднее хозяйство *выгоднѣе мелкаго.*

Но среднее индивидуальное хозяйство слабѣе мелкаго въ главномъ пунктѣ сельско-хозяйственнаго производства—по *количеству и качеству живого труда*. Поэтому, въ Европѣ среднее хозяйство не достигаетъ такой *интенсивности*, какъ мелкое; садовыя, огородныя культуры, виноградники и пр. занимаютъ, въ мелкихъ хозяйствахъ *впятеро* большую площадь; процентъ пашни тоже выше. Наконецъ, скота при учетѣ на площадь, у этихъ послѣднихъ въ полтора—два раза больше, чѣмъ у среднихъ. Словомъ, мелкое хозяйство *интенсивнѣе* средняго, а среднее—*выгоднѣе* мелкаго.

Сочетаніе наибольшей интенсивности съ наибольшей выгодностью дастъ среднее кооперативное хозяйство—т. е. соединеніе въ одну группу нѣсколькихъ десятковъ или нѣсколькихъ мелкихъ индивидуальныхъ хозяйствъ.

Идеаломъ будущаго съ технической стороны мы считаемъ небольшія кооперации (общественное производство въ малыхъ размѣрахъ), гдѣ обобществлены всѣ сельско-хозяйственные процессы отъ перваго до послѣдняго (кромѣ винокуренія, сахароваренія и т. д.). Для обмѣна такія кооперации соединяются въ крупные союзы, что существуетъ и теперь.

Насколько далекъ этотъ идеалъ отъ дѣйствительности? У насъ въ Россіи его преждевременно пропагандировалъ Левитскій. За океаномъ наши духоборы, разселившись небольшими группами, въ нѣсколько десятковъ дворовъ, обобществили все производство, поставивъ его по послѣднему слову науки. Но духоборческія общины основаны на специфическихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ, которыхъ нечего ожидать у сѣрой обыденной народной массы. Въ эпоху всеобщаго возбужденія у насъ кое-гдѣ вспыхивали попытки артельныхъ хозяйствъ, но онѣ, кажется, рѣдко удавались и во всякомъ случаѣ, такія попытки являются единичными.

По послѣднимъ извѣстіямъ, въ Италіи кооперативное хозяйство начинаетъ возникать на *арендованной землѣ*. Къ 1906 г. такихъ кооперативовъ имѣется 70; подготовлялось къ 1907 г.—15. Быть можетъ, они разовьются и на отчужденныхъ по новому закону земляхъ въ Англіи. Мы думаемъ, что первые шаги въ этомъ направленіи и будутъ дѣлаться на *чужой* или общей, а не на *своей* землѣ. Чувство частной собственности на землю настолько внѣдрилось въ западнаго крестьянина, что нужны слишкомъ наглядные примѣры вы-

годности кооперации, чтобы заставить его забыть про свою „священную“ собственность. Вотъ почему мы думаемъ, что кооперація въ самомъ сельско-хозяйственномъ производствѣ требуетъ не только техническихъ, но и политическихъ и психологическихъ предпосылокъ. Политическія предпосылки въ данномъ случаѣ—обобществленіе земли. Мы видали, что крупныя хозяйства дробятся больше всего путемъ аренды, а не покупки, оставляя нетронутой пустую оболочку крупной земельной собственности. Разорвутъ ли эту пустую оболочку политическіе факторы сразу или будутъ снимать ее потихоньку, какъ начала снимать Англія—и въ томъ и въ другомъ случаѣ земельная собственность перейдетъ въ руки общества или націи, чѣмъ, повидимому и закончится эволюція распредѣленія земли.

Для обобществленія крупной земельной собственности въ Европѣ необходимы *политическіе* факторы. Для обобществленія *мелкой* — нужны *психологическія* предпосылки. На западѣ въ Италіи и Англіи общество стало на дорогу пропаганды идей кооперации... Успѣхъ этой пропаганды, вѣроятно, будетъ зависѣть отъ формы земельной собственности. Первыя попытки артельныхъ хозяйствъ легче всего организуются на арендованной или общинной землѣ; при подворно-чрезполосной формѣ обобществленіе скорѣе возможно, чѣмъ при хуторской, когда отдѣльнымъ крестьянамъ для артельнаго хозяйства надо ломать свои разбросанныя постройки, а съ ними весь окрѣпшій традиціонный жизненный укладъ.

Но, какъ бы тамъ ни было, медленно или быстро въ XX вѣкѣ пойдетъ впередъ кооперативизація мелкихъ индивидуальныхъ хозяйствъ—она будетъ итти, потому что она технически и экономически выгодна, и рано или поздно, но должна привести къ организаціи общественнаго сельско-хозяйственнаго производства въ малыхъ размѣрахъ...

На этомъ мы заканчиваемъ первую общую часть нашего труда. Слѣдующія части будутъ посвящены конкретному изложенію эволюціи производительности земли и земельныхъ отношеній въ Россіи. Во второй части мы изложимъ поступательный ходъ этой эволюціи *въ исторіи*, т. е. во *времени*; въ третьей—провѣримъ выводы, основанные на исто-

рическихъ данныхъ, путемъ географическаго метода—анализа производства и распредѣленія въ различныхъ раіонахъ Россіи. Эти раіоны, по счастливому выраженію А. Кауфмана—„живая исторія“ — исторія *въ пространствѣ*, и нѣтъ другой страны, чѣмъ Россія, наиболѣе пригодной для изученія этой живой исторіи. Наконецъ, въ четвертой части, мы предполагаемъ дать характеристику предпосылокъ ближайшаго будущаго—эволюціи производства и распредѣленія въ нашей земледѣльческой странѣ.

О „закономѣрности“ и „самобытности“ аграрной эволюціи въ Россіи *).

§ 1. Эволюція производства.

Въ русской аграрной литературѣ существуютъ два діаметрально-противоположныхъ взгляда на характеръ аграрной эволюціи въ Россіи. Одинъ изъ этихъ взглядовъ формулированъ сравнительно недавно г. Туганъ-Барановскимъ въ его книгѣ „Націонализація земли“ въ такихъ рѣшительныхъ словахъ: „нашъ аграрный строй есть нѣчто весьма *своеобразное* и рѣзко отличающееся отъ аграрнаго строя другихъ странъ Европы“. (Стр. 92).

„Капиталистическая промышленность развивается по сходному типу во всѣхъ странахъ, гдѣ она существуетъ — вездѣ наблюдается концентрація и централизація производства..., ростъ акціонерныхъ компаній и пр., и пр. составляющіе то, что Марксъ назвалъ законами капиталистическаго развитія. Въ этомъ отношеніи Россія не составляетъ исключенія и подчиняется этимъ законамъ, (поскольку дѣло идетъ о промышленности) точно такъ же, какъ и остальныя капилистическія страны. Совсѣмъ другое аграрныя отношенія и аграрное развитіе. Они не укладываются ни въ какой общій типъ и въ высшей степени индивидуальны и своеобразны.

Въ различныхъ странахъ наблюдаются разнообразныя сочетанія всевозможныхъ формъ земледѣльческаго хозяйства. Русское аграрное развитіе уже потому не можетъ итти по западно-европейскому типу, что ничего сколько-нибудь похожаго на этотъ типъ не существуетъ“. (Стр. 114).

---

*) I-я глава II тома „очерки по исторіи земельныхъ отношеній въ Россіи (1911 г.).

Совершенно иной взглядъ высказанъ новѣйшимъ экономистомъ г. Лященко. „Наблюдая характеръ аграрно-экономической эволюціи Россіи, мы не можемъ замѣтить ни какихъ-либо исключительныхъ законовъ ея, ни господства какихъ-либо особыхъ формъ „народнаго производства“, а лишь черты, которыя часто сближаютъ ее, а часто дѣлаютъ вполнѣ тождественной съ аграрно-экономической эволюціей другихъ странъ“. (Очерки аграрной эволюціи Россіи т. I стр. 113).

И тотъ и другой взгляды на аграрную эволюцію являются отзвукомъ двухъ міровоззрѣній, которыя, проходя этапы славянофильства и западничества, народничества и марксизма, субъективной и объективной школы въ соціологіи и исторіи, въ продолженіе многихъ десятковъ лѣтъ раскалывали и раскалываютъ нашу науку и нашу мыслящую интеллигенцію на два антагонистическихъ лагеря.

Кто правъ въ этомъ многолѣтнемъ спорѣ?..

Въ первой части нашего труда мы указывали, что эволюція сельско-хозяйственнаго *производства* и эволюція *распредѣленія* средствъ производства — земли, орудій и т. д. далеко не всегда имѣютъ точки соприкосновенія, ибо эволюція распредѣленія, кромѣ чисто экономическихъ и хозяйственныхъ факторовъ, зависитъ отъ факторовъ совсѣмъ иныхъ категорій, которые мы называемъ политическими и психологическими. Поэтому, мы можемъ допустить, что эволюція сельско-хозяйственнаго производства въ Россіи будетъ *закономѣрной*, т. е. однотипичной съ таковой же эволюціей другихъ странъ Европы, а эволюція распредѣленія можетъ быть „самобытной“ и никакого общеевропейскаго типа не представлять, потому что „ничего, сколько-нибудь похожаго на этотъ типъ не существуетъ“.

Отсюда слѣдуетъ, что надо разсматривать съ этой стороны отдѣльно эволюцію производства и эволюцію распредѣленія.

Итакъ, первый вопросъ: „закономѣрна“ или „самобытна“ эволюція сельско-хозяйственнаго производства въ Россіи?..

Въ 1-й части нашего труда мы указывали, что основной факторъ эволюціи производства—*ростъ и густота* населенія. Эта эволюція проходитъ три фазиса: до-земледѣльческій, фазисъ экстенсивнаго и, наконецъ, интенсивнаго земледѣлія и скотоводства. Каждый изъ фазисовъ возникаетъ и развивается на извѣстной ступени густоты населенія. Ростъ и

густота населенія, конечно, варьируютъ въ каждой странѣ, но, по существу это — факторъ универсальный. Сгущеніе населенія и въ Азіи и въ Европѣ, въ Америкѣ и Австраліи заставляетъ эволюціонировать сельское хозяйство въ одномъ и томъ же направленіи—отъ пастушескаго быта къ переложному земледѣлію, отъ перелога къ трехполью, отъ трехполья къ многополью. Въ зависимости отъ быстроты роста, отъ различной плотности, находится быстрота сельскохозяйственной эволюціи и каждая страна, смотря по степени плотности населенія, въ каждый данный моментъ находится на опредѣленной ступени этой эволюціи. Такъ въ коренной Германіи, при болѣе медленномъ приростѣ населенія, экстенсивный фазисъ земледѣлія—его переложный и трехпольный періоды тянулись около 1800 лѣтъ; въ Россіи, при болѣе быстромъ приростѣ, въ разныхъ раіонахъ отъ 800 до 150 лѣтъ, а въ Соединенныхъ штатахъ—при еще болѣе быстромъ приростѣ—около 100 лѣтъ. Такъ, въ настоящее время, тогда какъ въ киргизскихъ степяхъ въ зависимости отъ извѣстной степени густоты населенія совершается переходъ отъ дикаго скотоводства къ переложному земледѣлію, въ Сибири отъ перелога къ трехполью,—въ центрѣ Россіи трехполье дошло до своего конца, а на западѣ и сѣверо-западѣ перешло на многополье и, наконецъ, въ Германіи уже господствуетъ вполнѣ интенсивный фазисъ сельскаго хозяйства. Однимъ словомъ, совершаясь въ различные періоды времени, сельско-хозяйственная эволюція, находясь въ зависимости отъ одного и того же основного фактора—роста населенія, проходитъ однотипичные этапы, однородные фазисы во всемъ мірѣ: и у насъ, какъ и всюду, трехполье будетъ смѣнено интенсивнымъ многопольемъ, а не переложной системой, если только наше населеніе будетъ возрастать, а не вымирать.

Въ этомъ смыслѣ мы считаемъ эволюцію сельско хозяйственнаго производства закономѣрной, т. е. въ своихъ общихъ чертахъ однородной, *однотипичной* въ различныхъ странахъ. Но, конечно, эта закономѣрность не доходитъ до полнаго совпаденія. Кромѣ этихъ общихъ *родовыхъ* чертъ, эволюція сельскаго хозяйства въ каждой странѣ имѣетъ специфическія *видовыя* черты, придающія ей своеобразный отпечатокъ. Этотъ отпечатокъ накладывается, прежде всего, природными условіями. Въ первой части мы указывали, что основные природные факторы—атмосфера и почва оказываютъ

громадное вліяніе на производство. Но эти факторы *статическаго* характера: они въ рамкахъ исторіи человѣчества составляютъ болѣе или менѣе установленную, мало измѣняющуюся величину, къ которой должна приспособляться сельско-хозяйственная эволюція, поскольку она зависитъ отъ человѣческихъ рукъ.

Мы указывали, что атмосферныя условія до сихъ поръ почти совсѣмъ независимы отъ человѣческаго воздѣйствія. Поэтому тамъ, гдѣ ихъ проявленіе особенно рѣзко, — тамъ сельско-хозяйственная эволюція уже не можетъ быть однотипичной, закономѣрной. Это положеніе касается такихъ крайностей, какъ тропическія и полярныя страны или горныя высоты въ умѣренномъ поясѣ. Въ тропикахъ, благодаря орошенію, благопріятнымъ климатическимъ условіямъ, населеніе можетъ сгущаться до очень большихъ предѣловъ, а сельское хозяйство оставаться на первобытныхъ ступеняхъ простого собиранія плодовъ природы, которые она даетъ безъ всякаго труда со стороны человѣка. Наоборотъ, полярныя страны остаются пустынными въ теченіе тысячелѣтій, и населеніе обречено пребывать въ фазисѣ звѣроловнаго и кочевскаго быта, поскольку земледѣліе оказывается здѣсь невозможнымъ.

Такимъ образомъ, наше понятіе о закономѣрномъ ходѣ сельско-хозяйственной эволюціи приложимо лишь къ странамъ умѣреннаго пояса съ болѣе или менѣе однороднымъ климатомъ. Здѣсь эволюція производства видоизмѣняется въ разныхъ странахъ, раіонахъ и мѣстностяхъ въ зависимости отъ почвенныхъ условій, отъ рельефа мѣстности и проч. Въ сырой Великобританіи съ глинистой почвой значительную роль въ сѣвооборотѣ играютъ кормовыя травы, а въ болѣе сухой Германіи—злаковыя культуры.

Можетъ быть, и въ Россіи типъ плодосмѣна будетъ отличаться отъ германскаго, можетъ быть, въ нечерноземной полосѣ выработаются иные сѣвообороты, чѣмъ въ черноземной, но, тѣмъ не менѣе, русское земледѣліе, подобно германскому, въ настоящее время должно будетъ перейти на многополье и взять питаніе растеній на себя, тогда какъ теперь, при трехпольи оно предоставляетъ его цѣликомъ или въ значительной степени природѣ.

Кромѣ природныхъ факторовъ, своеобразный отпечатокъ эволюціи производства придаютъ и другіе второстепен-

ные факторы воздѣйствія человѣка на природу: культурный уровень населенія и его племенныя и расовыя черты. Мы указывали въ первой части, что, напримѣръ, манчжурское земледѣліе, по степени интенсивности, болѣе или менѣе близко къ европейскому; но, тогда какъ манчжуры не примѣняютъ усовершенствованныхъ орудій, примѣненіе ихъ у культурныхъ европейцевъ растетъ съ каждымъ годомъ въ геометрической прогрессіи. Вообще, большая или меньшая степень „машинизма“ въ земледѣліи зависитъ отъ культурнаго уровня населенія и, поскольку этотъ уровень повышается въ данной странѣ, постольку же развивается и „машинизмъ“.

Племенныя и расовыя черты, какъ и качество почвы, сказываются на разновидностяхъ сѣвооборота: посади манчжура въ Европу, онъ будетъ стараться сѣять гаолянъ, чумизу, бобы, а европеецъ въ Манчжуріи постарается вырастить пшеницу. Конечно, въ данномъ случаѣ играютъ главную роль климатическія и почвенныя условія. Но нѣкоторое вліяніе племенныхъ привычекъ на производство можно наблюдать въ любомъ районѣ.

Итакъ, эволюція сельско-хозяйственнаго производства въ разныхъ странахъ умѣреннаго пояса „закономѣрна“ въ самыхъ общихъ „родовыхъ“ чертахъ, т. е. она проходитъ однородные этапы, однородные фазисы эволюціи. Быстрота смѣны этихъ фазисовъ зависитъ, главнымъ образомъ, отъ роста населенія, или, правильнѣе—отъ измѣненій въ соотношеніяхъ между удобной для сельскаго хозяйства площадью и суммой населенія, т. е. отъ быстраго или медленнаго *уплотненія* населенія.

На этомъ основномъ однородномъ фонѣ эволюціи природныя условія и второстепенные факторы воздѣйствія человѣка на природу—культурныя и племенныя отличія, въ разныхъ странахъ рисуютъ разнообразные узоры. Но, подобно тому, какъ вода, протекая черезъ разные пласты земли, смѣшиваясь въ однихъ пластахъ съ глиной, въ другихъ съ пескомъ, въ третьихъ съ черноземнымъ иломъ, въ четвертыхъ съ известью, все-таки остается водой, такъ и эволюція производства, несмотря на различныя чисто мѣстныя примѣси, остается въ главныхъ чертахъ однородной, т. е. „закономѣрной“, а не „самобытной“.

Эволюція сельско-хозяйственнаго производства, какъ мы говорили въ первой части, вліяетъ на эволюцію распредѣ-

ленія земли, но эта послѣдняя зависитъ не только отъ экономическихъ и хозяйственныхъ факторовъ, но и отъ факторовъ совсѣмъ иного порядка—именно политическихъ и психологическихъ. Быть можетъ, благодаря этому, ходъ распредѣленія земли въ каждой странѣ получаетъ настолько своеобразный отпечатокъ, что о какой-либо „закономѣрности“ эволюціи, общей всѣмъ или многимъ странамъ, говорить не приходится. Дѣйствительно, эволюція распредѣленія связана, какъ мы сказали, съ политической исторіей каждой страны. А развѣ политическая исторія не „самобытна?“...

Перейдемъ теперь къ этому вопросу.

§ 2. Эволюція распредѣленія.

Споръ о „закономѣрности“ и „самобытности“ русской исторіи ведется, какъ извѣстно, съ появленія у насъ славянофиловъ и западниковъ. Къ первымъ примыкаютъ и народники стараго толка, ко вторымъ марксисты прежней формаціи, именовавшіеся „нео-марксистами“. Среди историковъ-спеціалистовъ расколъ въ этомъ отношеніи существуетъ и до сихъ поръ. Къ „самобытникамъ“ въ послѣднее время относятся такіе авторитеты, какъ Ключевскій, Милюковъ, ученые, міровоззрѣніе которыхъ во многомъ различно. Изъ сторонниковъ „закономѣрности“ русской исторіи наиболѣе замѣчателенъ безвременно погибшій И. Павловъ-Сильванскій. Вообще, какъ говоритъ этотъ авторъ, „глубокое различіе между историческимъ развитіемъ Россіи и Запада для большинства русскихъ историковъ—положеніе, не требующее доказательствъ... Мысль о глубокомъ различіи между Россіей и Западомъ объединяетъ лучшихъ историковъ, выясняющихъ—одни „совершенную самобытность“ русской исторіи, другіе—ея „крайнее своеобразіе, третьи—ея „полную противоположность исторіи западной“, до рѣзкаго „контраста“ (Феодализмъ въ древней Руси, стр. 1).

Изъ воззрѣній этого „большинства русскихъ историковъ“, мы позволяемъ себѣ остановиться на взглядѣ г. Милюкова, какъ историка, выставившаго наиболѣе рѣзкую теорію „самобытности“ русской исторіи, которую покойный г. Павловъ-Сильванскій назвалъ теоріей „контраста“. У насъ государство“, говоритъ Милюковъ, „имѣло огромное вліяніе на обще-

ственную организацію, тогда какъ на Западѣ общественная организація обусловила государственный строй. Европейское общество строилось, такъ сказать, изнутри, органически, отъ низшихъ этажей къ высшимъ. Фундаментъ этой исторической постройки—крестьянство—сложился, въ главныхъ чертахъ, уже во время народныхъ переселеній VI—VIII столѣтій. Затѣмъ, на этомъ фундаментѣ устроенъ былъ въ средніе вѣка второй этажъ европейской феодальной аристократіи, сильной своимъ крѣпостнымъ крестьянствомъ. Наконецъ, только къ новому времени, путемъ упорной борьбы съ этимъ вторымъ общественнымъ слоемъ, путемъ обоюдныхъ мелкихъ побѣдъ надъ правами и привилегіями частныхъ лицъ, сословій, провинцій, выдвинулось сильное государство, постепенно и медленно расширявшее предѣлы своего владѣнія. У насъ историческій процессъ шелъ какъ разъ обратнымъ порядкомъ—сверху внизъ. Если оставимъ въ сторонѣ Кіевскую Русь, у которой были совсѣмъ другія условія историческаго развитія—въ сѣверо-восточной Руси представитель государственной власти—князь былъ чуть ли не первымъ осѣдлымъ жителемъ государства: вокругъ него все находилось въ движеніи, все населеніе приходило и уходило, не связывая себя съ государемъ—владѣльцемъ земли ничѣмъ, кромѣ личнаго и срочнаго договора. Среди этого „жидкаго“ элемента нашей исторіи, какъ любилъ выражаться историкъ Соловьевъ, мало-по-малу выдѣляется небольшой кругъ личныхъ помощниковъ князя, его „вольныхъ слугъ“, все еще могущихъ, при случаѣ, и уйти къ сосѣднему князю. Когда одинъ изъ князей—московскій—поглощаетъ остальныхъ, вольные слуги переходятъ къ нему на службу: кругъ этихъ „слугъ“ княжескихъ расширяется и русское служилое сословіе пріобрѣтаетъ постоянную осѣдлость. Но и послѣ того, какъ кристаллизовался этотъ второй слой русскаго общества, фундаментъ подъ нимъ продолжаетъ колебаться, вольное крестьянство все еще бродитъ съ одной земли на другую, продолжая оставаться „жидкимъ“ элементомъ русской исторіи. Только, благодаря усиленнымъ совмѣстнымъ стараніямъ правительства и землевладѣльцевъ удается, наконецъ, привести этотъ элементъ въ твердое, въ „крѣпостное“ состояніе. Такимъ образомъ, у насъ государственная власть закрѣпляетъ подъ собой землевладѣльцевъ, землевладѣльцы закрѣпляютъ подъ собой земледѣльцевъ“. (Очерки 1, 125).

Причинъ этого полнаго контраста въ историческомъ развитіи сословій и классовъ, выражающагося въ томъ, что на западѣ общественные классы строились *снизу вверхъ*, а у насъ *сверху внизъ*, г. Милюковъ выставляетъ двѣ.

1) Слабость экономическаго развитія. „Русское государство оказалось сильнѣе русскаго общества потому, что развитіе матеріальныхъ интересовъ не успѣло еще сплотить общество въ прочныя общественныя группы, какія давно сложились на Западѣ, подъ вліяніемъ ожесточенной экономической борьбы...

Низкій уровень экономическаго развитія достаточно объясняетъ слабость составныхъ элементовъ древней Руси... Но самъ по себѣ онъ не можетъ объяснить, почему надъ сословными элементами, ранѣе, чѣмъ они успѣли развиться, сложилось сильное государство".

2) Причины образованія сильнаго государства—внѣшнія опасности. „Русская государственная организація сложилась ранѣе, чѣмъ могъ ее создать процессъ этого внутренняго роста самъ по себѣ. Она была вызвана къ жизни внѣшними потребностями, насущными и неотложными потребностями самозащиты и самосохраненія... Благодаря настоятельнымъ государственнымъ потребностямъ и создалось всемогущее государство на самой скудной матеріальной основѣ. Вслѣдствіе самой этой скудости, оно должно было напрягать всѣ силы своего населенія: а чтобы распоряжаться всѣми силами его, оно должно было сдѣлаться всемогущимъ".

Итакъ, слабость экономическаго развитія и постоянная внѣшняя опасность—татары, поляки, шведы, ливонцы—вотъ двѣ причины, по которымъ у насъ государство создавало сословія и классы, тогда какъ на западѣ Европы самостоятельно организовавшіеся классы создавали государство. Слѣдовательно, если бы эти причины существовали на Западѣ, то и тамъ государство явилось бы созидательной силой, конструировавшей несуществующіе до того времени сословія и классы, а не наоборотъ.

Но развѣ этихъ причинъ на самомъ дѣлѣ въ Европѣ не было? Вѣдь феодализмъ въ болѣе или менѣе развитомъ видѣ сложился тамъ къ IX—XI вѣкѣ. Но въ это время тамъ преобладалъ такой же „натуральный" строй, какъ и у насъ въ удѣльную эпоху. Экономическое развитіе было также слабо: города, какъ крупные торгово-промышленные центры, отсут-

ствовали; отсутствовала и „ожесточенная экономическая борьба“, а потому вовсе не благодаря этой борьбѣ сложились прочныя общественныя группы. Съ другой стороны, развѣ не было въ западной Европѣ сильной внѣшней опасности для любого государства: развѣ гунны, германцы, авары, угры, норманны, мазры не оказывались для государства Европы такими же опасными, какъ наши печенѣги, половцы, татары; развѣ они не сметали царей и царства?..

Очевидно, характеризуя причины различія въ эволюціи классовъ и политическихъ формъ государства, г. Милюковъ просто игнорировалъ историческіе факты. Но если эти причины однородны на Западѣ и у насъ, то должна быть однородна и исторія ихъ развитія. Такъ и есть на самомъ дѣлѣ.

А) Организація классовъ и сословій.

Г. Милюковъ думаетъ, что въ западной Европѣ сначала организовалось крестьянство, а затѣмъ на немъ былъ „надстроенъ“ второй этажъ—„европейской феодальной аристократіи“. Авторъ не замѣчаетъ самъ, что въ этомъ мѣстѣ онъ употребилъ страдательный залогъ: „былъ надстроенъ“ т. е. феодальная знать не создалась органически сама собой, а ее создала извнѣ какая-то другая сила. Дѣйствительно, феодальные сеньоры не вышли изъ народа, а ихъ посадила на спину народа государственная власть—короли, меровинги и каролинги. Эти короли, подобно нашимъ удѣльнымъ князьямъ, нуждались въ своихъ дружинахъ, въ спеціальномъ военно-служиломъ классѣ. Дружинники, кормившіеся службой на жалованіи, съ ослабленіемъ денежныхъ средствъ у королей, принуждены кормиться отъ земли. „При упадкѣ денежнаго хозяйства не только частнаго, но и государственнаго (послѣ смѣны гегемоніи римлянъ—германской) вознаграждать за службу остался лишь одинъ способъ—раздачей земли“ (Карѣевъ „Помѣстье—государство и сословная монархія среднихъ вѣковъ, стр. 25). И въ Западной Европѣ и у насъ, только въ разное время, тамъ въ V—IX в.в., у насъ послѣ Кіевскаго періода, т. е. послѣ XII вѣка, болѣе или менѣе развитое мѣновое хозяйство смѣняется натуральнымъ. И на Западѣ и у насъ къ этому времени становится необходимой организація спеціальнаго, военно-служилаго класса,

т. к. массы трудового населенія уже перешли на земледѣліе, требующее осѣдлой жизни, не позволяющее отрываться отъ насиженнаго угла и двигаться въ дальніе безпрестанные походы. Съ другой стороны, благодаря тому, что земледѣліе въ народномъ хозяйствѣ начало играть преобладающую роль, земля пріобрѣла уже извѣстную *цѣнность*. И этой единственной, имѣвшейся у нихъ въ рукахъ цѣнностью короли, императоры, папы, наши князья вознаграждаютъ своихъ вассаловъ и своихъ бояръ. А такъ какъ земля становилась капиталомъ, приносящимъ прибыль только тогда, когда она обрабатывалась крестьянами, то правители передавали своимъ вассаламъ политическія и юридическія права на крестьянъ. Они закрѣпощали сверху крестьянское населеніе юридически, тогда какъ сами феодалы—помѣщики, получившіе землю, т. е. источникъ существованія трудовыхъ массъ, закрѣпощали ихъ экономически, посредствомъ взиманія ренты за пользованіе землей и средствами производствами. Этотъ процессъ *внѣшней политической* дифференціаціи населенія на два класса: нетрудовыхъ землевладѣльцевъ и на трудовыхъ земледѣльцевъ, причемъ первый классъ частью самъ захватилъ, частью получилъ отъ монарховъ всю или почти всю землю—былъ, вѣзвѣстное время, всюду во всѣхъ странахъ. „Возникновеніе сначала просто частной собственности на землю, а потомъ и образованіе на этой основѣ крупнаго землевладѣнія—явленіе общее исторіи всѣхъ народовъ и вездѣ играющее важную первостепенную роль въ созданіи внутреннихъ соціальныхъ отношеній обусловливаемаго ими политическаго строя“ (Карѣевъ Ibib с. 24). „Всѣ страны европейскаго Запада въ VI, VII, VIII, IX и X вѣкѣ переживали ту же самую вторую стадію въ развитіи натуральнаго хозяйства, характеризующуюся преобладаніемъ земледѣлія. Соотвѣтственно этому, шло сосредоточеніе земли въ рукахъ военно-служилаго класса и церковныхъ учрежденій“. (Рожковъ, обзоръ Русской исторіи съ социолог. точки зрѣнія вып. II стр. 142).

Итакъ, во всѣхъ странахъ, но въ разное время была создана *сверху* надъ трудовой массой надстройка—второй этажъ изъ военно-служилаго класса, превратившагося, благодаря „натуральности“ тогдашняго хозяйственнаго строя, въ классъ крупныхъ землевладѣльцевъ. И, подобно тому, какъ сельскохозяйственная эволюція въ разныхъ странахъ „закономѣрна“

т. е. однородна потому, что ее порождала одна общая причина—возрастаніе населенія, такъ и эволюція распредѣленія земли, организація классовъ и сословій, въ данномъ случаѣ, является во всѣхъ странахъ „закономѣрной“, ибо порождается общими причинами, отчасти политическаго, отчасти экономическаго характера—безпрерывными войнами и отсутствіемъ денежныхъ средствъ у государства.

Б. Эволюція формъ государственнаго и общественнаго строя.

Точно также однородна и эволюція этихъ формъ. Община—волость, германская марка—эти первоначальныя общественныя ячейки, какъ теперь уже установлено, почти аналогичны. Первоначальныя государственныя формы на Западѣ носили характеръ племенныхъ организацій, слившихся затѣмъ въ крупныя государства. У насъ въ Кіевскую эпоху племенные и родовые союзы, трансформируясь въ городовыя области, если придерживаться теоріи Ключевскаго, сливаются тоже въ единую „землю русскую“. Вслѣдъ затѣмъ и на Западѣ и у насъ крупныя государства распыляются на рядъ мелкихъ удѣловъ, сеньерій — боярщинъ, по терминологіи г. П. Сильванскаго. Что нашъ удѣльный періодъ аналогиченъ по своимъ политическимъ формамъ средневѣковому феодализму,—это трудно теперь отрицать послѣ работъ названнаго автора *).

За феодально-удѣльнымъ періодомъ идетъ періодъ сословной монархіи. Сословная монархія на западѣ появляется въ тотъ моментъ, когда короли начинаютъ брать верхъ надъ феодалами. Феодализмъ *политическій*, —государственныя права феодаловъ начинаютъ сходить со сцены; но остается феодализмъ *соціальный*. Однако и въ политическомъ отношеніи привилегированное дворянство и духовенство сохраняетъ извѣстное значеніе, которое и выражается въ Европѣ въ разныхъ сеймахъ, генеральныхъ штатахъ, и т. д., а у насъ въ земскихъ соборахъ. „Преобладающимъ элементомъ сред-

*) См Павловъ-Сильванскій „Закладничество-патронатъ (записки Русскаго Археологическаго О—ва т. IX вып. I и II). Иммунитетъ въ удѣльной Руси (Ж. М. нар. просвѣщ. 1900 № 12). Феодальныя отношенія въ удѣльной Руси и т. д.

невѣковыхъ сословныхъ сеймовъ была, несомнѣнно, феодальная аристократія, къ которой, до извѣстной степени, слѣдуетъ причислить и представителей духовнаго сословія... Роль городовъ была второстепенной". (Карѣевъ стр. 305).

„Сословная монархія и на Западѣ и у насъ смѣняется монархіей *абсолютной*. Дворянство окончательно теряетъ политическія прерогативы, но только по отношенію къ монарху; по отношенію же къ крестьянской массѣ сохраняется большинство политическихъ правъ, а экономическая власть надъ крѣпостнымъ населеніемъ во многихъ государствахъ даже усиливается. „Государственная власть, выросшая на развалинахъ политическаго феодализма, не могла, конечно, терпѣть, чтобы помѣстье было своего рода государствомъ, но она ничего не имѣла противъ того, чтобы помѣщикъ по прежнему оставался господиномъ надъ крестьянами". (Карѣевъ стр. 355).

„Западно-европейскіе короли особенно охотно брали подъ свою защиту интересы народныхъ массъ лишь тогда, когда искали себѣ союзника въ борьбѣ съ политическими притязаніями знати: но едва только эти притязанія прекращались, едва дворянство политически смирялось, въ особенности же, когда оно обращалось въ придворную знать, (что и произошло во всѣхъ абсолютныхъ монархіяхъ Европы и Россіи въ XVIII и началѣ XIX в. Н. О.) вся сила государства направлялась на поддержку ихъ правъ и привилегій *соціальнаго* характера... Вся задача королевской политики заключалась въ томъ, чтобы всѣ сословія удержать въ одинаковомъ повиновеніи и повиновеніе самаго сильнаго и опаснаго изъ нихъ покупать, помогая ему держать въ повиновеніи крестьянскую массу, живущую на его, этого сословія, земляхъ" (Ibid c. 362).

Такимъ образомъ, въ эпоху абсолютныхъ монархій уничтожался политическій феодализмъ, но сохранился и даже усилился феодализмъ *соціальный*, власть дворянъ надъ крестьянами, какъ въ тѣхъ государствахъ, гдѣ къ этому времени крѣпостное право достигло своего развитія— въ Пруссіи, Австріи и Россіи, такъ и въ тѣхъ, гдѣ оно уже почти исчезло, напримѣръ, во Франціи. При раскрѣпощеніи, очень часто вся перемѣна отношеній заключалась въ томъ, что крестьянскія повинности переводились, такъ сказать, съ лица на землю, и освобожденный отъ крѣпостной зави-

симости крестьянинъ, въ сущности, продолжалъ платить не менѣе того, что ему приходилось платить въ состояніи серважа.

Наконецъ, въ настоящую эпоху, послѣ политическихъ бурь, разрушается соціальный феодализмъ и абсолютная монархія, дающіе мѣсто *конституціонному государству.*

Итакъ, мы имѣемъ, по крайней мѣрѣ, для большинства крупныхъ европейскихъ странъ общую послѣдовательную смѣну государственныхъ формъ.

Племенныя и городовыя области сливаются въ крупныя, но неустойчивыя государства; эти государства скоро распадаются на рядъ удѣловъ-сеньерій. Путемъ борьбы происходитъ собираніе этихъ мелкихъ ячеекъ въ крупныя государственныя тѣла—феодализмъ смѣняется сословной монархіей, въ которой еще борются двѣ силы: центростремительная и центробѣжная. Первая сила побѣждаетъ—создается абсолютная монархія, основанная на компромиссѣ между королевской властью и господствующимъ сословнымъ дворянствомъ...

Но этотъ компромиссъ всею тяжестью падаетъ на народныя массы. Когда происходитъ быстрое возрастаніе населенія—массы уже не могутъ выдержать этого давленія; вспыхиваютъ взрывы революцій, въ результатѣ которыхъ получается новый компромиссъ власти, но уже не съ господствующимъ сословіемъ, а съ народными массами — компромиссъ, именуемый конституціоннымъ государствомъ.

Мы не будемъ останавливаться на причинахъ этой „закономѣрности“ смѣны государственныхъ формъ, т. к. онѣ относятся къ политической исторіи, мы же здѣсь изучаемъ одну часть экономической исторіи нашей страны. Намъ важно было пока констатировать самое существованіе этой закономѣрности. Ибо, разъ и политическая исторія разныхъ странъ, въ общихъ чертахъ, однородна, то мы не можемъ отрицать, что эволюція распредѣленія земли въ Россіи должна быть такой же закономѣрной, какъ и эволюція сельскохозяйственнаго производства.

Но, повторяемъ, эта закономѣрность носитъ, понятно, самый общій характеръ. Эволюція соціальныхъ классовъ, государственныхъ формъ и зависящая отъ нихъ эволюція распредѣленія земли, такъ же какъ и развитіе производства въ каждой странѣ, происходятъ на фонѣ совершенно своеобразныхъ „самобытныхъ“ природныхъ, экономическихъ и

соціально-политическихъ условій. И, прежде чѣмъ перейти къ конкретному изложенію земельной исторіи Россіи, мы считаемъ необходимымъ остановить вниманіе читателей на наиболѣе характерныхъ контурахъ этого „самобытнаго“ фона.

§ 3. Отличительные факторы сельско-хозяйственнаго производства въ Россіи.

Какъ мы говорили, факторы сельско-хозяйственнаго производства дѣлятся на природные и на факторы воздѣйствія человѣка на природу. Изъ природныхъ факторовъ наше вниманіе обращаютъ прежде всего формы поверхности и почвы. Первая особенность поверхности европейской Россіи, бросающаяся въ глаза каждому туристу—это однообразіе безконечной равнины. „Даже въ Азіи, среди ея громадныхъ сплошныхъ пространствъ одинаковой формаціи, говоритъ Ключевскій, наша равнина заняла бы не послѣднее мѣсто. Иранское плоскогорье, напримѣръ, почти вдвое меньше ея“ (Курсъ русской исторіи I, стр. 45). Равнинность Европейской Россіи явилась результатомъ ледниковаго періода въ ея геологической исторіи. Два раза поверхность почти всей равнины покрывалась моремъ, а къ началу четвертичнаго періода одѣлась сплошнымъ ледникомъ, покрывавшимъ всю сѣверную и среднюю Россію, вплоть до Орловской и Курской губерній и вдававшимся двумя широкими языками на югъ, охватывая Малороссію и часть среднечерноземнаго района (Кіевскую, Черниговскую, Полтавскую, Тамбовскую, Воронежскую, и часть Саратовской губерній). Въ то же время юго-востокъ Россіи покрывало море, соединявшее нѣкогда въ Арало-Каспійской впадинѣ нынѣшнія Аральское, Каспійское и Черное моря.

Моря и ледники создали современную ровную поверхность Россіи. Ледникъ исчезъ лишь во второй половинѣ четвертичнаго періода, и это обстоятельство задержало у насъ появленіе человѣка, жившаго въ Европѣ, начиная съ третичной эпохи.

Вслѣдъ за исчезновеніемъ ледниковъ, сырая, болотистая и озерная поверхность сѣверной половины равнины покрывается дремучими лѣсами. Но болѣе сухая, южная часть остается степью, составляющей, какъ полагаетъ Докучаевъ,

неразрывную часть того великаго степного пояса, который кольцомъ сплошь одѣваетъ сѣверное полушаріе и въ составъ котораго входятъ венгерскія и придунайскія пусты, испанскіе десьертосы, европейскія и азіатскія степи, и, наконецъ, американскія преріи *).

Такимъ образомъ, къ началу исторической эпохи, на безконечной равнинѣ, отдѣленной отъ Азіи на сѣверѣ Уральскими горами, а на югѣ, послѣ высыханія моря, открытой знаменитыми каспійскими воротами, господствовали на сѣверѣ лѣса, на югѣ степи. Между степной и лѣсной полосой проходила по средней Россіи полоса лѣсо-степи, или иначе луговая полоса. Различіе въ растительности, кромѣ различія во влажности, было порождено и само служило причиной разницы въ качествѣ почвы. Въ Россіи существуютъ три главныхъ вида почвъ, соотвѣтствующихъ растительнымъ полосамъ: въ лѣсной, иначе нечерноземной полосѣ преобладаютъ дерново-подзолистыя почвы (супесчаныя и суглинистыя). Соотвѣтствующая лѣсо-степной, полоса такъ называемыхъ лѣсныхъ суглинковъ, составляетъ переходъ отъ подзолистыхъ почвъ къ чернозему и, наконецъ, идетъ степная черноземная полоса, занимающая громадную площадь въ 100 милліоновъ десятинъ. Но очень долго, до XVI вѣка русское земледѣльческое населеніе почти не соприкасалось съ черноземной полосой, составляющей одну изъ главныхъ особенностей почвенныхъ условій сельскаго хозяйства въ Россіи. Что же касается до подзолистыхъ почвъ, то онѣ распространены во влажныхъ и равнинныхъ мѣстностяхъ сѣвернаго полушарія: въ сѣверной Германіи, Даніи, Голландіи и на сѣверѣ Франціи.

Кромѣ общей равнинности степей и черноземной почвы на югѣ, наши природныя условія отличаются еще характерными особенностями русскихъ рѣкъ.

За $4^1/_2$ вѣка до христіанской эры Геродотъ, „описывая Скифію, т. е. южную Россію, замѣчаетъ, что въ этой странѣ нѣтъ ничего необыкновеннаго, кромѣ рѣкъ, ее орошающихъ: онѣ многочисленны и величественны. И никакая другая особенность нашей страны не оказала такого разносторонняго, глубокаго и вмѣстѣ столь замѣтнаго дѣйствія на

*) Докучаевъ. „Наши степи прежде и теперь“.

жизнь нашего народа, какъ эта рѣчная сѣть европейской Россіи". (Ключевскій. Курсъ рус. ист. I, стр. 58).

Рѣки Россіи во многомъ отличны отъ европейскихъ: онѣ берутъ начало, преимущественно, въ одномъ районѣ, въ западной части средне-русской возвышенности, изъ болотъ и лѣсовъ—остатковъ ледниковаго періода, а не изъ горъ. Благодаря этому, онѣ отличаются малымъ теченіемъ, полноводностью; протекая по одному меридіональному направленію, по рыхлому грунту, онѣ легко размываютъ его и дѣлаютъ многочисленные извивы. Наконецъ, вытекая изъ одной плоской мѣстности, ихъ истоки близко стоятъ другъ отъ друга, что позволяло въ древнія времена переволакивать небольшія суда изъ одного бассейна въ другой, а въ позднѣйшія—соединять ихъ каналами.

Равнинность громадной Европейской Россіи, окаймленной сравнительно незначительной береговой линіей, создала и однообразіе климата: „изъ всѣхъ обширныхъ пространствъ, вдали отъ моря, и внѣ тропиковъ, нигдѣ температура такъ медленно не убываетъ, съ юга на сѣверъ, какъ въ Европейской Россіи". (Брокг. т. 54, ст. „Россія" стр. 23).

Внутри Россіи нѣтъ горъ, которыя могли бы задерживать облака, идущія съ моря, или вѣтры, дующіе изъ Азіи. Годовыя изотермы колеблются лишь въ предѣлахъ отъ 2 до 10 градусовъ тепла; Іюльскія отъ 12 до 25, Январскія отъ 18 до 0. Вездѣ климатъ болѣе или менѣе континентальный, и лѣтомъ бываетъ жарко, а зимой землю покрываетъ снѣгъ и рѣки замерзаютъ. Количество осадковъ (дождя и снѣга) тоже не даетъ рѣзкихъ контрастовъ. Чѣмъ дальше къ востоку, тѣмъ климатъ суше, разница между зимой и лѣтомъ больше; и въ то время, какъ линіи одинаковыхъ январскихъ температуръ на картѣ поднимаются вверхъ (къ сѣверу) по направленію съ востока на западъ, линіи іюльскихъ опускаются (къ югу) въ томъ же направленіи; и въ общемъ, климатическая разница востока и запада едва-ли не больше таковой же разницы сѣвера и юга. Но въ срединныхъ областяхъ Россіи, если отбросить юго-восточныя степи и крайній сѣверъ, климатъ не даетъ какихъ-либо рѣзкихъ колебаній. А въ этихъ областяхъ протекли главные моменты нашей исторіи....

Вотъ главныя природныя особенности Европейской Россіи; однообразная равнинная поверхность, степи на югѣ,

открытыя каспійскими воротами для широкихъ потоковъ азіатскихъ ордъ, полноводныя рѣки, медленно, многочисленными извилинами текущія по равнинѣ на протяженіи многихъ тысячъ верстъ съ сѣвера на югъ и сближенныя въ своихъ истокахъ на „волокахъ“ и, наконецъ, однообразіе климата.

Однообразіе поверхности и однообразіе климата не могли не оказать на исторію Россіи громаднаго вліянія: это однообразіе, вмѣстѣ съ многоводными рѣками, облегчало колонизацію, облегчало массовыя передвиженія изъ одного района въ другой и, затѣмъ, слияніе этихъ районовъ въ одно могучее политическое тѣло. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что, будь наши равнины раздѣлены непроходимыми горными хребтами, наша исторія имѣла бы другой видъ.

Въ каждой ячейкѣ, раздѣленной такими хребтами, сложились бы разныя племена, разныя народности. Разнообразіе климатическихъ условій создало бы коренныя отличія въ самомъ характерѣ народнаго производства; и, во всякомъ случаѣ, въ такой относительно быстрый промежутокъ времени, какой мы имѣемъ въ исторіи Россіи, не образовалось бы единаго русскаго народа. Гдѣ всѣ эти безчисленныя финскія племена, гдѣ наши радимичи, вятичи, древляне, сѣверяне и т. д.? Ихъ нѣтъ: они ассимилировались легко и быстро въ одно великорусское племя, несмотря на то, что великороссы вовсе не отличались высокой степенью культурности. Легкость ассимиляціи разныхъ племенъ и народностей объясняется именно легкостью разселенія, благодаря которой всѣ эти племена и народности быстро перемѣшивались между собой. Соловьевъ говоритъ, что „племена исчезаютъ въ Россіи съ самаго начала; а въ исторіи Германіи мы постоянно встрѣчаемся съ саксонцами, турингами, франконцами, швабами“. „Особность, самостоятельность и сила племенъ были причиной того, что государственное единство Германіи стало невозможнымъ“. (Исторія Россіи т. XIII стр. 8).

Легкость разселенія отражалась и отражается на *нивеллировкѣ системъ сельскаго хозяйства.* Двигаясь сначала съ юго-запада на сѣверо-востокъ, а съ XVI вѣка—съ сѣвера на югъ и съ запада на востокъ, русское земледѣльческое населеніе быстро проходило въ каждомъ районѣ неизбѣжные фазисы сельскаго хозяйства, и, напримѣръ, бывшія еще 100 лѣтъ назадъ безлюдными новороссійскія степи, теперь

у крестьянъ распаханы даже дальше предѣловъ, возможныхъ при экстенсивномъ трехпольи.

Такимъ образомъ, однообразіе природныхъ условій создало возможность легкаго разселенія, а легкое разселеніе создало и продолжаетъ создавать быструю нивеллировку сельскохозяйственнаго производства. Какъ только историческія условія становятся болѣе или менѣе благопріятными для разселенія, оно происходитъ съ невѣроятной быстротой. Такъ, сразу паденіе Казанскаго и Астраханскаго царствъ и освобожденіе отъ крѣпостного права дали толчекъ назрѣвшимъ потребностямъ трудовыхъ массъ въ переселеніи, и въ настоящее время уже населенность различныхъ районовъ Европейской Россіи въ значительной степени нивеллирована, какъ показываютъ слѣдующія данныя плотности населенія, заимствованныя у г. Милюкова. (Очерки I. 31):

Плотность населенія (на 1 кв. версту человѣкъ):

	1678 г.	1858 г.	1897 г.
Центръ	39,1	39,4	52,9.
Юго-западъ. . .	11,4	40,8	57,5.
Западъ . , . .	9,6	26,0	35,3.

	1678 г.	1858 г.	1897 г.
Сѣверо-западъ . .	8,7	14,7	21,2.
Югъ	4,5	32,1	43,9.
Юго-Востокъ . .	2,2	19,8	29,3.

Въ то время, какъ въ 1678 году максимумъ плотности населенія (въ центрѣ) превышалъ минимумъ (на юго-востокѣ) въ 18 разъ, теперь разница между населенностью различныхъ районовъ не больше, чѣмъ въ $2^1/_2$ раза.

При легкости колонизаціи по равнинамъ, надо бы было ожидать, что русское населеніе сначала двинется въ степь, гдѣ природныя условія были болѣе благопріятны. Но существованіе степи и явилось причиной того политическаго фактора, который надолго повернулъ колонизацію Россіи въ другую сторону—въ дремучіе лѣса и болота нечерноземной полосы.

Степь, открытая со стороны Азіи, ничѣмъ не отличалась отъ среднеазіатскихъ степей,—была даже удобнѣе для

кочеванія, и азіатскіе кочевники чувствовали себя въ ней, какъ рыба въ водѣ.

Вотъ почему, съ самаго начала нашей исторіи орда за ордой проходятъ каспійскія ворота и осѣдаютъ въ нашей степи на такой срокъ, на какой позволяютъ историческія обстоятельства. Долгая мучительная борьба со степными кочевниками, борьба, не разъ потрясавшая до основанія всю экономическую жизнь русскаго народа—вотъ первонача́льный результатъ существованія этихъ безбрежныхъ, плодоносныхъ „морей земли“ на югѣ Россіи. И опять приходится сказать, что, если бы на мѣстѣ открытаго прохода изъ Азіи въ Европу стояли непроходимыя горы, — исторія Россіи имѣла бы совсѣмъ другой видъ.

Итакъ, двѣ специфическія природныя особенности Россіи—однообразіе поверхности, климата и существованіе степей оказали весьма значительное вліяніе на экономическую, политическую и соціальную исторію Россіи. Можетъ быть, благодаря земельному простору, благодаря возможности постоянной колонизаціи, въ Россіи мы встрѣчаемъ еще одну особенность, которая относится къ главному внѣшнему фактору воздѣйствія человѣка на природу—именно, *убыстренный ростъ населенія.*

Милюковъ находитъ, „что въ Россіи, за исключеніемъ Соединенныхъ Штатовъ, самый быстрый ростъ, какой мы знаемъ“. (Очерки I, стр. 24).

Соединенные Штаты—тоже страна безпрерывной колонизаціи. Но населеніе Штатовъ не знало ни упорной вѣковой борьбы съ сильными внѣшними врагами, ни крѣпостного права, ни голодовокъ и мора, ни гнета тяжелыхъ податей, словомъ, не знало тѣхъ историческихъ факторовъ, знакомыхъ Европѣ и Россіи, которые и тутъ и тамъ постоянно задерживали естественный ростъ населенія. Наоборотъ, кромѣ несдерживаемаго перечисленными причинами свободнаго естественнаго прироста, Соединенные Штаты за 87 лѣтъ (1821—1899) получили извнѣ притокъ въ 19 милліоновъ человѣкъ эмигрантовъ *). Благодаря этому двойному приросту, населеніе Штатовъ увеличилось за 100 лѣтъ въ 16 разъ. Въ Россіи, за 43 года все населеніе увеличилось въ 10 разъ

*) Замѣчательно, что естественный приростъ въ Россіи и Соед. Штат. почти одинаковъ: 1, 43% въ Россіи, 1,41% въ Соедин. Штатахъ.

(съ 13 милліоновъ въ 1724 г. до 126 мил. въ 1897 году). Часть этого прироста явилась въ результатѣ присоединенія западныхъ, густо населенныхъ областей. Но, если даже къ Петровской Руси прибавить пришлое (не туземное) населеніе Новороссіи и средней Азіи, то все-таки мы найдемъ у насъ за это время увеличеніе населенія почти въ 6 разъ (до 74 мил.), какого ни одна европейская страна за тотъ же періодъ не знала. И этотъ быстрый приростъ явился однимъ изъ самыхъ главныхъ экономическихъ стимуловъ для разселенія послѣдней эпохи—послѣ ликвидаціи крѣпостного права. Разселеніе предыдущихъ эпохъ вызывалось не столько экономическими, сколько политическими причинами. Такимъ образомъ, и природные факторы и основной факторъ сельско-хозяйственной эволюціи въ Россіи въ значительной мѣрѣ „самобытны“, что и должно было создать извѣстные оттѣнки своеобразности въ ходѣ русской эволюціи сельскохозяйственнаго производства.

§ 4. Отличительные факторы эволюціи распредѣленія. Дѣленіе исторіи Россіи на періоды.

Своеобразныя черты политической исторіи Россіи, а вмѣстѣ съ ней и эволюціи распредѣленія земли зависятъ, прежде всего, отъ перечисленныхъ природныхъ факторовъ, изъ которыхъ главные—*однообразіе* поверхности, климата и хорошіе естественные пути сообщенія—большія многоводныя рѣки. Это-то однообразіе, въ связи съ пустынностью необъятныхъ пространствъ равнины, и позволяло, какъ мы уже сказали, русскому народу переселяться и разселяться по лицу земли Русской, какъ только появлялась въ томъ крайняя необходимость. Конечно, нельзя считать подвижность русскаго населенія его „самобытной“ чертой, какъ это считаютъ Соловьевъ, Ключевскій, отчасти Милюковъ и др. „Нѣтъ прочныхъ жилищъ, говоритъ Соловьевъ, съ которыми бы тяжело было разставаться, въ которыхъ бы обжились цѣлымъ поколѣніемъ; города состоятъ изъ кучи деревянныхъ избъ, первая искра—и вмѣсто нихъ куча пепла. Построить новый домъ ничего не стоитъ по дешевизнѣ матеріала; отсюда, съ такой легкостью русскій человѣкъ покидалъ свой домъ, свой родной городъ или село; уходилъ отъ

татарина, отъ Литвы, уходилъ отъ тяжелой подати, отъ дурного воеводы или подьячаго; брести розно было нипочемъ". (Истор. Россіи т. XIII).

Какъ справедливо замѣчаетъ г. Сильванскій, „рѣзко противополагая бродячую Русь осѣдлому Западу, Соловьевъ, съ одной стороны преувеличилъ до фантастическихъ размѣровъ подвижность древней Руси, бродяжничество ея населенія..... съ другой стороны, въ отношеніи западнаго средневѣковья, крайне преувеличилъ, перенеся черты позднѣйшей эпохи на болѣе раннюю, осѣдлость населенія, „прочность, опредѣленность" отношеній на Западѣ въ средніе вѣка" (Феодализмъ др. Руси стр. 15).

Словомъ, въ дѣйствительности, русскіе далеко не всегда были такъ крайне подвижны, а европейцы далеко не такъ осѣдлы, какъ представляли себѣ наши авторитетные историки.

Но все-таки, извѣстная доля истины въ этой антитезѣ Россіи и Запада есть. Вѣдь, почти на нашихъ глазахъ, такой бродячестью отличался и культурный американскій фермеръ. Какъ только ему „не почасилось" на данномъ мѣстѣ, онъ искалъ себѣ другого. Въ Европѣ, какъ говоритъ Милюковъ, „передвиженіе этнографическихъ массъ улеглось въ общихъ чертахъ къ VIII—IX вѣкамъ; такимъ образомъ, Европа усѣлась на мѣстѣ къ тому времени, когда только что началась наша исторія" (Очерки I стр. 52). Въ послѣдующія эпохи наша исторія знала такія массовыя переселенія, какъ изъ Кіевской Руси въ средне-волжское междурѣчье въ XII—XIII в. в.; какъ передвиженіе милліоновъ изъ центральнаго Замосковья и Новгородской области на югъ и на востокъ въ XVI—XVII в.в. и, наконецъ, послѣднее, еще не выясненное въ литературѣ разселеніе—послѣ ликвидаціи крѣпостного права. Въ Европѣ, послѣ начала феодализма такихъ массовыхъ передвиженій населенія не было *). Но отсутствіе этихъ передвиженій объясняется вовсе не привычкой европейцевъ къ осѣдлости, такъ же какъ причина ихъ въ Россіи лежитъ не въ бродячествѣ, свойственномъ русскому характеру. Г. Соловьевъ самъ отмѣтилъ, почему уходитъ русскій человѣкъ: „онъ уходитъ отъ татарина, отъ

*) Кромѣ крестовыхъ походовъ, которые, впрочемъ, захватили, относительно небольшую часть населенія.

литвы, отъ тяжелой подати, отъ дурного воеводы", прибавимъ, еще отъ злого барина, а въ послѣднее время—отъ земельной тѣсноты. Это все причины весьма и весьма уважительныя: ради нихъ, дѣйствительно, можно было съ отчаянія бросить насиженное гнѣздо, разрушить хозяйство, которое складывалось, быть можетъ, десятки лѣтъ.

Но развѣ подобныхъ причинъ для ухода въ Европѣ не было? Конечно, были, но все дѣло въ томъ, что европейскому мужику уйти было некуда: кругомъ все было занято, вездѣ сидѣли такіе же злые сеньеры, бароны и также грабили, также судили судомъ неправеднымъ. А нашъ мужикъ зналъ, что за Окой на Дону, на низовомъ поволжьи и т. д. есть мѣста, гдѣ ни бояринъ, ни подьячій его не достанутъ. Въ этомъ обиліи пустынныхъ и удобныхъ земель и заключалась коренная разница между Европой и Россіей; это обиліе и давало возможность массовыхъ переселеній.

Но самый фактъ переселеній, даже самая возможность ихъ должны были отражаться и дѣйствительно отражались на отношеніяхъ между крупнымъ землевладѣльцемъ и крестьяниномъ.

Эти отношенія, отношенія не только капиталиста къ пролетарію, хозяина къ батраку или арендатору, но и повелителя къ подданному—отличались у насъ отъ европейскихъ не столько по своимъ формамъ — формы были, какъ указываетъ г. П. Сильванскій, болѣе или менѣе сходными, сколько по *степени* угнетенія сильными землевладѣльцами слабыхъ крестьянъ. Съ другой стороны, не имѣя твердой почвы подъ ногами въ видѣ виллановъ, которымъ „некуда податься," наши „сеньеры" никогда не являлись такими всесильными, такими самостоятельными по отношенію къ монархамъ. Словомъ, феодализмъ у насъ несомнѣнно существовалъ, но, какъ говоритъ Милюковъ *„у насъ феодальный бытъ былъ слабѣе"*. Слабость, вѣрнѣе сказать, недоразвитость нашего феодализма выразилась въ томъ, что наши бояре въ удѣльную эпоху не дошли до политическаго суверенитета; они не стали тѣми маленькими монархами, какими были сеньеры въ Европѣ.

„Существеннымъ моментомъ въ развитіи феодализма является переходъ отъ феодализаціи недвижимой собственности къ феодализаціи власти. Этотъ переходъ завершился на Западѣ къ XIII вѣку и охватилъ собою всѣхъ болѣе

или менѣе крупныхъ феодаловъ. У насъ.... ни одинъ бояринъ-вассалъ не сталъ суверенным или полусуверенным владѣльцемъ, и „окняженіе“ земли предупредило ея „обояреніе“. (Тарановскій, Феодализмъ въ Россіи.—Вар. Универ. изв. 1902 г. № 4). Но и суверенные, удѣльные князья и князьки, разросшіеся въ многолюдное племя отъ единаго ствола Рюрика, были тоже политически слабы и одинъ за другимъ поглощались московскими князьями съ небывалой на Западѣ легкостью. Очевидно, и они не могли закрѣпить подъ собой и опереться на трудовое населеніе, ускользавшее отъ ихъ власти, въ случаѣ сильнаго нажима.

Эта слабость политической власти, политическаго феодализма отразилась и на судьбахъ крестьянской общины. Павловъ-Сильванскій, сближая нашу средневѣковую общину-волость съ германской маркой, конечно, правъ. Подобно тому, какъ „члены марковой общины владѣли землей на правѣ частной собственности, но съ частнымъ землевладѣніемъ соединялось землевладѣніе общинное“ общими лѣсами, лугами, выгонами и пустующими участками,—тѣмъ, что и до сихъ поръ называется альмендой—точно также и наши „волощане владѣли усадебной землей, какъ собственностью съ правомъ распоряженія“. И въ то же время „значительная часть угодій состояла въ общинномъ владѣніи и пользованіи наравнѣ съ германской альмендой“! И въ Европѣ и въ Россіи служилые землевладѣльцы и монастыри поглотили крестьянскія земли. Но на западѣ захватъ земель привелъ къ постепенному уничтоженію всѣхъ общинныхъ порядковъ,—у насъ крестьянство сохранило болѣе или менѣе самостоятельныя формы землевладѣнія и, подъ вліяніемъ сгущенія населенія, съ теченіемъ вѣковъ превратило древнія захватныя формы въ уравнительно-передѣльный механизмъ.

Такимъ образомъ, вся разница между соціально политической исторіей Европы и Россіи, въ данномъ случаѣ, сводится къ тому, что въ Европѣ феодалъ былъ сильнѣе, а крестьянинъ былъ беззащитнѣе, т. к. ему „некуда было податься“, т. е. разница была *въ оттѣнкахъ, а не по существу*. Слабость нашего феодала, отчасти, вѣроятно, зависѣла и отъ другихъ природныхъ факторовъ.

Какъ говоритъ Соловьевъ, „на Западѣ горы—камень, по древне-русскому выраженію, на востокѣ лѣсъ и поле. Въ

камнѣ свили свои гнѣзда западные мужи и оттуда владѣли мужиками; камень давалъ имъ независимость".

Сравнительная свобода внутреннихъ отношеній крестьянскаго населенія происходила и оттого, что въ Россіи не было *внѣшняго военнаго захвата земель*. Единственное, почти трехвѣковое завоеваніе Россіи татарами не касалось земли *): татары, на счастье русскаго народа, были кочевниками. Вотъ почему, съ цѣлью взиманія дани, они дѣлаютъ перепись населенія, тогда какъ Вильгельмъ Завоеватель, покоривши Англію, производитъ первый земельный кадастръ и раздаетъ земли своимъ дружинникамъ. Тѣ перевороты, которые въ распредѣленіи земли производило въ Европѣ завоеваніе германскими племенами территорій, населенныхъ кельтами и римлянами, незнакомы Россіи, т. к. кочевники, завоевывавшіе Россію, землей не интересовались.

Кочевникамъ, въ силу ихъ быта, незнакома идея землевладѣнія, тѣмъ болѣе, — частнаго землевладѣнія. Въ Россіи не было того основного политическаго фактора эволюціи распредѣленія земли, о которомъ мы говорили въ первой части нашего труда—военнаго завоеванія страны осѣдлымъ племенемъ. Это военное завоеваніе тамъ, гдѣ оно было въ Европѣ, производило глубокія пертурбаціи въ землевладѣніи туземнаго населенія; оно окончательно раскалывало уже разслоенное населеніе и создавало, во вполнѣ законченномъ видѣ, классъ нетрудовыхъ землевладѣльцевъ-феодаловъ.

Въ Россіи этому внѣшнему завоеванію отчасти соотвѣтствуетъ московское собираніе удѣльной Руси. Но все-таки, москвичи были единоплеменниками населенія завоеванныхъ областей, и рѣзкія измѣненія, которыя они производили въ землевладѣніи, касались лишь верховъ туземной знати, но сравнительно мало задѣвали крестьянское населеніе; зато другой политическій факторъ — *раздача земель* господствующимъ классамъ, въ исторіи нашего землевладѣнія игралъ едва ли не большую роль, чѣмъ на Западѣ Европы. Онъ, какъ и всюду, подготовилъ почву для окончательной дифференціаціи массы на два антагоническихъ класса: трудовыхъ земледѣльцевъ и нетрудовыхъ землевладѣльцевъ. Разслоивши населеніе, отдавши землю въ руки

*) Предыдущія болѣе слабыя завоеванія, какъ Хазаровъ или темная исторія Варяжскаго „призванія" тоже къ землѣ отношенія не имѣли.

служилыхъ помѣщиковъ, московское правительство, такимъ образомъ, отдало въ ихъ руки и крестьянъ, что и привело къ закрѣпощенію этихъ послѣднихъ...

Въ общемъ итогѣ, несмотря на нѣкоторыя „самобытныя“ черты въ нашей политической исторіи, эволюція распредѣленія земли переживаетъ тѣ же три фазиса, что и въ Европѣ: первоначальную, внутреннюю „органическую“ дифференціацію (захватный періодъ общины, мелко-родовой бытъ) и внѣшнюю политическую дифференціацію, которая у насъ выразилась не въ завоеваніи, а въ раздачѣ земель господствующимъ классамъ, но имѣла тотъ же результатъ—окончательное разслоеніе населенія и полную экспропріацію земли въ пользу землевладѣльцевъ. Когда населеніе сгустилось дотого, что стало голодать, начался и у насъ третій фазисъ *борьбы за землю*, которая идетъ и по сю пору...

Итакъ, „самобытность“ исторіи Россіи и въ сферѣ производства и въ сферѣ распредѣленія больше всего выражалась, въ концѣ концовъ, въ *неограниченномъ просторѣ земель* и въ постепенной ихъ колонизаціи. Въ силу этой-то „самобытности“ исторія Россіи обыкновенно дѣлится не на три періода, соотвѣтствующіе тремъ фазисамъ эволюціи производства и распредѣленія, а на *пять*.

Первый періодъ—Кіевской Руси, у которой, по словамъ Милюкова, „были совсѣмъ другія условія историческаго развитія“, являлся ничѣмъ инымъ, какъ колонизаціоннымъ этапомъ. Если бы не было нашествія кочевниковъ, — этотъ колонизаціонный этапъ превратился бы въ постоянное мѣстожительство русскаго народа, т. к. природныя условія здѣсь, во всякомъ случаѣ, были болѣе благопріятны, чѣмъ въ сѣверо-восточной Руси. Но внѣшнія событія повернули русское населеніе и русскую исторію, вмѣсто юга и Византіи, къ которымъ она уже тяготѣла, на сѣверъ къ финнамъ, и кіевскій періодъ остался своеобразнымъ памятникомъ, указывающимъ, какъ увидимъ дальше, насколько ошибочны шаблонныя представленія о натуральномъ и мѣновомъ строѣ.

Кіевскій періодъ — періодъ первоначальнаго осѣданія восточныхъ славянъ на нашей территоріи, съ точки зрѣнія эволюціи сельско-хозяйственнаго производства, является фазисомъ до-землевладѣльческаго — звѣроловнаго хозяйства, въ которое постепенно врастаетъ самое экстенсивное переложное земледѣліе. Съ точки зрѣнія эволюціи распредѣленія Кіев-

ский періодъ есть періодъ первоначальной дифференціаціи и накопленія *движимыхъ* капиталовъ въ рукахъ господствующихъ классовъ.

Наконецъ, въ отношеніи государственныхъ формъ, Кіевскій періодъ представлялъ разрушеніе первоначальныхъ племенныхъ организацій, и слияніе ставшихъ на ихъ мѣсто организацій иного типа (по Ключевскому – городовыхъ областей) въ одно рыхлое политическое тѣло, такое же неустойчивое, какъ и западныя монархіи меровинговъ и каролинговъ.

Второй періодъ, главная исторія котораго происходила въ районѣ междурѣчья Оки и Волги—удѣльный. Въ этомъ періодѣ земледѣліе беретъ окончательный верхъ надъ звѣроловнымъ хозяйствомъ, а въ самомъ земледѣліи трехполье постепенно замѣняетъ переложную систему и къ концу періода выдвигается на первый планъ.

Въ сферѣ распредѣленія господствующіе классы переходятъ отъ захвата движимости къ *земельному* захвату, т. к. земля, съ развитіемъ хлѣбопашества, стала пріобрѣтать цѣнность. По государственнымъ формамъ, этотъ періодъ схожъ съ западно-европейскимъ феодальнымъ бытомъ.

Третій періодъ—Русь московская, какъ ее называетъ Ключевскій, царско-боярская, военно-землевладѣльческая. Въ этомъ періодѣ начинается *обратное* массовое движеніе населенія на югъ и на юго-востокъ. Поэтому, эволюція земледѣлія въ старыхъ центральныхъ областяхъ на нѣкоторое время не только останавливается, но даже даетъ понятный ходъ. Зато земледѣліе быстро растекается широкимъ пятномъ по вновь колонизованнымъ территоріямъ степи, Поволжья и Прикамья. Такимъ образомъ, это —періодъ развитія сельскаго хозяйства не вглубь, а вширь—періодъ „разсѣянія" земледѣлія. Въ распредѣленіи земли мы видимъ здѣсь окончательную ликвидацію крестьянскаго землевладѣнія посредствомъ раздачи земель сверху господствующему военно-служилому классу. Благодаря этому, уже вполнѣ ограничиваются, обособляются два антагонистическихъ класса - трудовыхъ земледѣльцевъ и нетрудовыхъ землевладѣльцевъ. Они превращаются въ замкнутыя сословія, и второе сословіе не только экспропріируетъ всю землю, но и закрѣпощаетъ личность самихъ крестьянъ. Государственная форма этого періода—сословная монархія.

Четвертый періодъ „императорскій—дворянскій. Колони-

зація подвигается еще дальше въ томъ же направленіи. Но, относительно (если брать сумму передвигающагося населенія и сравнивать ее съ суммой остающагося) она не такъ интенсивна, какъ предыдущая; центральныя области московской колонизаціи не дѣлаются запустѣлыми, и въ нихъ происходитъ развитіе трехполья. Во вновь заселенномъ колонизаціонномъ поясѣ—Новороссіи и нижняго Поволжья развивается залежная система. По распредѣленію земли этотъ періодъ есть періодъ созданія *крупнаго землевладѣнія*, за которымъ къ началу XIX вѣка идетъ развитіе крупнаго товарнаго хозяйства помѣщиковъ. Здѣсь, какъ и въ Европѣ, происходитъ концентрація крупнаго землевладѣнія, отчасти на почвѣ фаворитизма, свойственнаго всѣмъ абсолютнымъ монархіямъ, т. е. какъ разъ при той государственной формѣ, которую переживала наша исторія въ этотъ періодъ.

Наконецъ, пятый и послѣдній періодъ, который мы переживаемъ и по сію пору,—есть эпоха *паденія* трехполья, дошедшаго до своего конца въ центральныхъ районахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ областяхъ наиболѣе старой культуры приблизительно, по направленію съ запада на востокъ, идетъ вытѣсненіе трехполья многопольнымъ сѣвооборотомъ. Россія начинаетъ вступать въ интенсивный фазисъ сельскаго хозяйства. Этому фазису и въ Европѣ и у насъ предшествуетъ періодъ политической борьбы за землю. Во время этой борьбы исчезаютъ сословныя перегородки, остаются лишь экономическіе классы. Экономическая борьба за землю между этими классами продолжается; въ общемъ, и политическія и экономическія формы борьбы сопровождаются побѣдой мелкаго трудового хозяйства надъ нетрудовымъ капиталистическимъ, ибо послѣднее менѣе приспособлено къ интенсивному фазису сельскаго хозяйства. Въ отношеніи государственныхъ формъ абсолютная монархія смѣняется конституціоннымъ типомъ.

Вотъ основныя черты всѣхъ пяти періодовъ въ эволюціи производства, распредѣленія и политическихъ формъ. Какъ мы сказали, исторія Россіи осложняется тѣмъ, что она является и исторіей колонизаціи незаселенныхъ пространствъ. Сначала, наши предки заселяютъ Приднѣпровье, потомъ бросаютъ его и переходятъ въ Московскую область. Отсюда, начиная съ третьяго періода, они двигаются на Юго-Востокъ, и области, заселенныя въ московскую эпоху, являются

первымъ колонизаціоннымъ поясомъ. Въ четвертомъ императорскомъ періодѣ первый колонизаціонный поясъ превращается въ старозаимочный, но за нимъ нарастаетъ второй. Наконецъ, въ пятомъ періодѣ, послѣ освобожденія, населеніе продвигается въ третій поясъ—на сѣверный Кавказъ, въ Сибирь и среднюю Азію. Каждый колонизаціонный поясъ полукругомъ охватываетъ южную и восточную стороны старыхъ русскихъ областей; эволюція производства въ каждомъ поясѣ проходитъ только убыстреннымъ темпомъ обычные фазисы сельскаго хозяйства. Начинаясь съ истребленія животныхъ и растительныхъ богатствъ природы, проходя черезъ періодъ переложнаго земледѣлія, она заканчивается трехпольемъ. И сейчасъ еще въ Россіи различные районы находятся на различныхъ ступеняхъ сельско-хозяйственнаго развитія, несмотря на то, что убыстренное заселеніе колонизаціонныхъ поясовъ въ значительной степени сгладило различія между ними. Такимъ образомъ, каждый поясъ переживаетъ *свою* эволюцію производства. Но эволюція распредѣленія въ каждомъ поясѣ зависитъ отъ того политическаго момента, въ который этотъ поясъ вступаетъ въ районъ колонизаціи. Такъ, въ Московскомъ періодѣ, въ первомъ поясѣ создается мелкое и среднее военно-служилое землевладѣніе, въ императорскомъ—во второмъ (отчасти и въ первомъ) поясѣ — латифундіи фаворитовъ и вообще крупное землевладѣніе. Въ послѣднемъ, настоящемъ періодѣ — въ Сибири, Средней Азіи, а также на казенныхъ земляхъ восточной Россіи развивается исключительно трудовое крестьянское землевладѣніе. Кромѣ трехъ незаселенныхъ поясовъ колонизаціи, къ Россіи присоединенъ бывшій ранѣе заселеннымъ югозападъ и западъ. Здѣсь политическая исторія, а слѣдовательно и эволюція распредѣленія земли была нѣсколько иного типа, чѣмъ въ коренной Россіи, а поэтому мы будемъ разсматривать отдѣльно исторію этихъ районовъ, т. е. тѣхъ, въ которыхъ проживало русское населеніе — районовъ Литовско-русскаго государства.

Заканчивая на этомъ схему предстоящаго изслѣдованія, мы должны еще отмѣтить, что, къ сожалѣнію, до сихъ поръ вообще экономическая исторія Россіи очень мало изучена. Вниманіе историковъ привлекала до сихъ поръ сфера политическихъ событій и правовыхъ отношеній; и только за послѣдніе годы стали появляться труды спеціально по

экономической исторіи: но и въ нихъ главное вниманіе обращено на исторію распредѣленія, а эволюція производства затрагивается слегка. Поэтому мы volens-nolens, вынуждены въ дальнѣйшемъ ограничиваться лишь общей характеристикой эволюціи производства и заранѣе извиняемся передъ читателями за нѣкоторую непропорціональность въ изложеніи, которая происходитъ не по нашей винѣ.

Связь теоріи съ фактами *).

§ 1. Цѣль и границы изслѣдованія.

Обыкновенно, теоретическій анализъ предпосылается фактическому изложенію. Въ сочиненіяхъ, посвященныхъ изслѣдованнымъ нами вопросамъ, особенно часто впереди фигурируетъ обширное „введеніе", въ которомъ излагается не только планъ работы, но и высказываются субъективные взгляды автора на основныя черты изслѣдуемыхъ явленій. Мы поступаемъ какъ разъ наоборотъ: ограничившись вначалѣ обоснованіемъ хронологическаго плана изложенія и общимъ указаніемъ на то, что аграрная исторія Россіи, въ основныхъ чертахъ должна быть „закономѣрной", т. е. сходной съ таковой же исторіей европейскихъ странъ, разсмотрѣніе самой сущности этой закономѣрности мы отложили на конецъ. Цѣль такой перемѣны плана изложенія—предохранить описаніе фактовъ отъ налета излишняго субъективизма. Когда теорія предпосылается фактамъ, то невольно ихъ изложеніе преломляется подъ угломъ зрѣнія автора, многіе факты, противорѣчащіе теоріи, прямо выбрасываются за бортъ, или фактическое изложеніе не имѣетъ ничего общаго съ теоріей. Разсматривая теоретическіе вопросы въ концѣ изложенія, мы надѣемся, что сдѣлали его болѣе свободнымъ отъ неизбѣжнаго субъективизма. Съ этой же цѣлью мы старались, гдѣ это было возможно, въ изложеніи примѣнять статистическій методъ. „Примѣненіе статистическаго метода, говоритъ Вихляевъ, **) обязываетъ восходить въ процессѣ

*) Заключительная (VII-я) глава II-го тома.

**) См. Введеніе къ „Очеркамъ изъ русской сельско-хозяйственной дѣйствительности."

изслѣдованія, отъ частностей, доступныхъ наблюденію и количественному измѣренію, къ тѣмъ научнымъ обобщеніямъ, изъ которыхъ слагается матеріалъ къ правильной постановкѣ и рѣшенію основного вопроса изслѣдованія. Возможность подойти къ фактамъ съ заранѣе установленной точки зрѣнія исключается правильностью примѣненія статистическаго метода. Эта точка зрѣнія, которая могла бы покрыть количественно измѣренные факты, должна быть найдена въ *концѣ изслѣдованія*, какъ обобщающій результатъ отдѣльныхъ наблюденій".

Пятьдесятъ лѣтъ сельско-хозяйственная экономія была въ вавилонскомъ плѣну у апріорныхъ началъ марксистской идеологіи и только теперь она освобождается отъ этого плѣна, становится самостоятельной научной дисциплиной, опираясь, главнымъ образомъ, на выводы, полученные при помощи индуктивно-статистическаго анализа. Вотъ почему, гдѣ мы могли—мы старались прибѣгать къ статистическому методу, считая его лучшимъ ключомъ для познанія соціальныхъ закономѣрностей.

Правда, историко-статистическіе матеріалы въ отмеженной нами области, во многихъ періодахъ, были не полны, отрывочны, еще мало разработаны. Взамѣнъ „большихъ чиселъ" намъ приходилось зачастую излагать единичные факты: въ такихъ случаяхъ, во избѣжаніе неправильной оцѣнки удѣльнаго вѣса этихъ фактовъ—ихъ значенія и повторяемости въ народно-хозяйственной жизни, мы прибѣгали къ сопоставленію съ рядомъ другихъ, относящихся къ данному вопросу, чѣмъ, если не устранялась, то значительно ослаблялась возможность ошибочныхъ выводовъ. Во всякомъ случаѣ, даже при недостаточномъ числѣ фактовъ и статистическихъ данныхъ, они всегда сдерживаютъ полетъ дедуктивныхъ фантазій въ рамкахъ реальной, жизненной дѣйствительности.

Теперь, закончивъ фактическое изложеніе аграрной исторіи Россіи, мы можемъ приступить къ отысканію той нити, которая связываетъ эти факты съ нѣкоторыми основными теоретическими положеніями сельско-хозяйственной экономіи. Однако надо сознаться, что наше изложеніе не было полнымъ: именно, мы ограничились исторіей населенности, производства и распредѣленія и очень слабо коснулись исторіи *обмѣна*. Между тѣмъ, современная политическая эко-

номія занята изученіемъ хозяйственныхъ отношеній, возникающихъ, преимущественно, на почвѣ обмѣна и нѣкоторые составители курсовъ сельско-хозяйственной экономіи (напр. г. Скворцовъ) выдвигаютъ значеніе обмѣна для сельскаго хозяйства на первый планъ. Наиболѣе популярная схема хозяйственной эволюціи Бюхера—построена на развитіи обмѣна. Авторъ новѣйшаго изслѣдованія по аграрной исторіи Россіи г. Лященко убѣжденъ, что рыночныя отношенія—„почти рѣшающій факторъ аграрной эволюціи". Возникаетъ вопросъ, имѣли ли мы право такъ слабо освѣтить исторію обмѣна, когда, быть можетъ, закономѣрная эволюція производства и распредѣленія цѣликомъ зависитъ отъ этого „почти рѣшающаго", фактора?..

Прежде, чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, посмотримъ, такъ ли мы понимаемъ термины „производство" и „распредѣленіе", какъ опредѣляетъ ихъ политическая экономія.

Подъ „производствомъ" въ политической экономіи подразумѣвается процессъ приспособленія внѣшней природы къ хозяйственнымъ цѣлямъ человѣка. „Хозяйственная дѣятельность, говоритъ Туганъ-Барановскій, имѣетъ своей цѣлью созданіе матеріальной обстановки, необходимой для удовлетворенія нашихъ потребностей. Дѣятельность эта, въ современномъ обществѣ, распадается на двѣ ступени. На первой преодолѣвается сопротивленіе внѣшней природы, послѣдняя приспособляется къ нашимъ цѣлямъ: этотъ процессъ называется *производствомъ*. На второй, послѣ того, какъ человѣкъ преобразовалъ природу въ соотвѣтствіи со своими потребностями, происходитъ обмѣнъ между различными собственниками произведенныхъ продуктовъ". (Основы политической экономіи, стр. 130).

Предыдущее изложеніе показываетъ, что наше пониманіе термина „производство" не расходится съ пониманіемъ политической экономіи. Но подъ „распредѣленіемъ" мы подразумѣвали совершенно иную категорію хозяйственныхъ явленій: именно, политическая экономія, говоря о распредѣленіи, изучаетъ обычно распредѣленіе доходовъ (прибыль, рента, заработная плата), мы же все время анализировали распредѣленіе *средствъ производства* (земли и орудій труда —скота, инвентаря и пр.). Такая разница зависѣла, прежде всего, отъ технической причины — оттого, что доходы и въ настоящее время, не говоря о прошломъ, съ большимъ

трудомъ поддаются статистическому учету и современная сельско-хозяйственная статистика изучаетъ, въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ, распредѣленіе средствъ производства. Обыкновенно, хозяева, по разнымъ соображеніямъ, склонны скрывать свои доходы, да и учетъ ихъ, самъ по себѣ—сложное дѣло. Гораздо легче поддаются учету средства производства, и распредѣленіе главнаго изъ нихъ—земли —учитывалось въ Европѣ съ XI—XII в. в., а въ Россіи— съ XV вѣка.

Но эта внѣшняя техническая причина отступаетъ на второй планъ передъ глубокими основаніями, обусловившими расхожденіе указанныхъ понятій въ политической и сельско-хозяйственной экономіи. На прибыль, ренту, заработную плату распредѣляются доходы только въ *капиталистически-организованномъ обществѣ*; въ крестьянскомъ хозяйствѣ всѣ три вида доходовъ неотдѣлимы, въ мелкомъ ремесленномъ— невозможно отдѣлить прибыль отъ заработной платы. Туганъ-Барановскій опредѣляетъ „проблему распредѣленія, какъ проблему объ отношеніяхъ зависимости между доходами тѣхъ общественныхъ классовъ, которые связаны между собой условіями *капиталистическаго* производства и обмѣна", (классами крупныхъ землевладѣльцевъ, буржуазіи и пролетаріата). „Доходы мелкихъ самостоятельныхъ производителей стоятъ *внѣ* указанной связи и потому *въ ученіи о распредѣленіи для нихъ мѣста нѣтъ*". „Конечно, доходъ мелкихъ самостоятельныхъ производителей существенно зависитъ отъ распредѣленія между ними средствъ производства, но распредѣленіе средствъ производства между различными общественными классами составляетъ проблему совершенно иного рода, чѣмъ проблема распредѣленія общественнаго дохода" (стр. 525 и 532).

Вниманіе политической экономіи устремлено на капиталистическія отношенія. „Капиталистическое хозяйство, по преимуществу, изучается политической экономіей". Но имѣетъ ли право политическая экономія игнорировать классы производителей—трудовыхъ земледѣльцевъ и ремесленниковъ, не занимаютъ ли они до сихъ поръ въ народномъ хозяйствѣ настолько замѣтнаго мѣста, что пренебреженіе къ нимъ лишаетъ выводы политической экономіи всеобщаго значенія? Мы охотно присоединяемся къ слѣдующимъ словамъ г. Маслова: „Всѣмъ извѣстно, что въ современномъ народномъ

хозяйствѣ даже передовыхъ капиталистическихъ странъ чисто капиталистическое хозяйство занимаетъ не больше половины производительныхъ силъ страны. Другая половина, а мѣстами и двѣ трети населенія заняты не наемнымъ трудомъ, а ремесленнымъ или заняты въ мелкомъ земледѣльческомъ хозяйствѣ. Между тѣмъ, политическая экономія занята анализомъ исключительно капиталистическихъ отношеній. Правда, капиталистическія отношенія... являются доминирующими въ современномъ обществѣ, даютъ тонъ всѣмъ общественнымъ отношеніямъ. Тѣмъ не менѣе, докапиталистическія отношенія еще не исчезли: некапиталистическое хозяйство создаетъ еще массу продуктовъ, занимающихъ большое мѣсто въ общемъ хозяйственномъ строѣ страны. Учитываетъ ли этотъ фактъ политическая экономія? Опредѣляетъ ли она роль и мѣсто некапиталистическихъ отношеній и вліяніе ихъ на весь хозяйственный строй страны и на его развитіе? Нисколько. Для того, чтобы отвѣтить на эти вопросы, политическая экономія должна быть тѣсно связана съ исторіей и *теоріей развитія* (курсивъ автора) народнаго хозяйства, а таковой въ настоящее время еще нѣтъ“ *).

Г. Масловъ, какъ марксистъ, склоненъ еще преувеличивать роль капитализма въ современномъ народномъ хозяйствѣ. Если въ индустріи въ капиталистическихъ предпріятіяхъ теперь производится большинство продуктовъ, то въ сельскомъ хозяйствѣ, наоборотъ, меньшинство продуктовъ. *Во всемъ мірѣ*, создается руками мелкихъ трудовыхъ (Россія, Германія, Франція, Италія, Данія, Австро-Венгрія, Ирландія, Бельгія, Швеція, Норвегія) или среднихъ, полутрудовыхъ мелко-капиталистическихъ (Англія, Соединенные Штаты, Австралія) производителей. Въ предыдущей главѣ мы разсчитали, приблизительно, что около 85% зерна производится у насъ крестьянами. Можетъ ли игнорировать послѣ этого „роль и мѣсто некапиталистическихъ отношеній“ сельско-хозяйственная экономія? Очевидно, нѣтъ.

Отсюда уже видно, что задачи современной политической экономіи и экономіи сельскаго хозяйства должны расходиться. Сельско-хозяйственная экономія не можетъ игнорировать мелкихъ самостоятельныхъ производителей, и одна изъ важнѣйшихъ ея задачъ,—отысканіе законовъ распредѣ-

*) П. *Масловъ*. Теорія развитія народнаго хозяйства. Спб. 1910.

ленія средствъ производства между мелкими трудовыми и крупными не трудовыми хозяйствами. Задача политической экономіи—анализъ распредѣленія доходовъ въ средѣ капиталистически организованнаго общества.

Въ капиталистическомъ обществѣ доминируютъ мѣновыя отношенія. Отсюда народное хозяйство, по опредѣленію политической экономіи—„совокупность связанныхъ обмѣномъ, единичныхъ хозяйствъ". Такое пониманіе сущности народнаго хозяйства порываетъ всякую связь съ *исторіей*.

„Было время, когда мѣновое хозяйство еще не возникло, и будетъ время, когда этотъ хозяйственный строй, совершивъ свой кругъ развитія, отойдетъ въ прошлое" (Туганъ-Барановскій стр. 21).

Хозяйство потребительнаго типа, мелкаго производителя—земледѣльца, такъ же какъ и все средневѣковое натуральное хозяйство, не существовало и не существуетъ для современной политической экономіи.

Мы уже указывали въ первой части, что политическая экономія строитъ свои положенія только на одной отрасли промышленности—на индустріи, а индустрія всегда была, по самой натурѣ, мѣновымъ производствомъ, т. к. продуктовъ индустріи ѣсть, по большей части нельзя, и для самого производителя они нужны въ небольшомъ количествѣ. Мы не станемъ отрицать, что и въ сельскомъ хозяйствѣ быстро развивается обмѣнъ, что, если въ бюджетѣ дореформенныхъ крестьянъ денежная часть равнялась 15—20%, то теперь, даже въ нашихъ земледѣльческихъ районахъ она достигаетъ половины бюджета, а у европейскихъ крестьянъ денежные расходы и доходы преобладаютъ надъ натуральными. Но, все-таки, обмѣнъ въ сельскомъ хозяйствѣ никогда не охватитъ *всѣхъ продуктовъ* и *всѣхъ средствъ производства*: крестьянинъ не продастъ продуктовъ, нужныхъ ему для поддержанія его existenz minimum'a, потому что ему придется покупать ихъ же по повышенной цѣнѣ.—Иначе говоря, личное потребленіе пищевыхъ продуктовъ всегда у крестьянина будетъ натуральнымъ. То же самое нужно сказать относительно нѣкоторыхъ средствъ производства: сырья—сѣмянъ, корма скоту, навознаго удобренія, наконецъ,—рабочихъ рукъ. Все это и крестьянинъ и крупный владѣлецъ (послѣдній—кромѣ рабочихъ рукъ), пріобрѣтаютъ натурой. „Большинство даже интенсивныхъ хозяйствъ, которыя, по природѣ своей, тре-

буютъ затраты большихъ денежныхъ средствъ, потребляютъ въ натурѣ значительную часть собственнаго производства" (Гольцъ). Въ индустріи и ремесленникъ и фабрикантъ пріобрѣтаютъ сырье покупкой.

Изъ того факта, что обмѣнъ и теперь не захватываетъ значительной доли продуктовъ и средствъ производства, а въ прежнее время почти совсѣмъ ихъ не захватывалъ, слѣдуетъ выводъ, что на *характеръ производства* и сейчасъ его вліяніе ограничено, а въ прежнее время оно приближалось къ нулю. Теперь вліяніе рынка на производство ограничено.

Во 1-ыхъ, *природными* условіями: нельзя въ Африкѣ сѣять морошку, если бы даже это было выгодно, а въ Якутской области заниматься слоноводствомъ. Климатъ—первый изъ природныхъ факторовъ, ставящій преграды приспособленію производства къ рынку. Второй природный факторъ—*почва.* Когда въ Англію хлынула американская пшеница, англичане перестали ее сѣять, а завели искусственные луга. Если бы климатъ и почва Англіи не были благопріятны луговодству—условія рынка не были бы въ состояніи его создать. Въ Германіи производство пшеницы и ржи продолжаетъ расти, несмотря на возрастающій привозъ этихъ продуктовъ. Въ нечерноземной полосѣ Россіи было бы выгоднѣе сѣять пшеницу, но тамъ сѣютъ преимущественно рожь. Словомъ, природныя условія значительно ограничиваютъ вліяніе рынка на выборъ отдѣльныхъ культуръ, не говоря уже о всей системѣ хозяйства.

Во 2-хъ, эволюція системъ хозяйства и полеводства, переходъ отъ охотничьяго быта къ пастушескому, отъ перелога къ трехполью, отъ паровой зерновой системы къ плодосмѣну—зависитъ не отъ рынка, а отъ возрастающей *плотности* населенія. Возьмемъ страну, производство которой приспособлено, преимущественно, для рынка—Соединенные Штаты. Здѣсь плотность населенія увеличивается по направленію съ запада на востокъ, въ этомъ же направленіи растетъ и интенсификація земледѣлія. Для производства на рынокъ наиболѣе выгодно засѣвать всю площадь однимъ злакомъ. Такъ и поступали на западѣ Америки. Но, черезъ нѣкоторое время, такое хищническое хозяйство становится невозможнымъ, и фермеры съ истощеніемъ почвы и ростомъ населенія переходятъ на „mixed farming"—смѣшанную систему земледѣлія съ посѣвомъ разныхъ культуръ. Требова-

нія рынка уступаютъ мѣсто природнымъ условіямъ и возрастающей плотности населенія. Плотность населенія вліяетъ не только на систему хозяйства: она вліяетъ на самый рынокъ. Какъ только населеніе въ странѣ достигаетъ большой плотности, и система земледѣлія интенсифицируется—страна изъ вывозящей хлѣбъ превращается въ ввозящую. Такъ было съ Германіей, Франціей, нѣкоторыми районами Россіи; такъ будетъ и съ Соединенными Штатами. Вообще, страны и районы съ болѣе интенсивнымъ хозяйствомъ и плотнымъ населеніемъ являются ввозящими, а страны съ экстенсивнымъ земледѣліемъ и рѣдкимъ населеніемъ—вывозящими хлѣбъ. А такъ какъ въ рѣдко населенныхъ странахъ и районахъ населеніе возрастаетъ очень быстро, то быстро совершается переходъ странъ отъ экспорта къ импорту хлѣбныхъ продуктовъ. Такимъ образомъ, направленіе мірового рыночнаго оборота находится въ зависимости отъ плотности населенія.

Еще болѣе слабо отражается рынокъ на распредѣленіи средствъ производства и особенно—на *исторіи* этого распредѣленія. Бюхеровская схема исторически невѣрна.

1) Понятіе натуральнаго „замкнутаго“ хозяйства, какъ первой ступени историческаго развитія, не соотвѣтствуетъ дѣйствительности: у насъ въ Кіевскую эпоху, въ Европѣ до возникновенія феодализма, обмѣнъ былъ болѣе развитъ, чѣмъ въ послѣдующія эпохи, и этотъ обмѣнъ былъ *международнымъ*. Въ Кіевскую эпоху верхнимъ классамъ принадлежали средства производства, въ удѣльную—они захватили и землю: „замкнутое“ крестьянское хозяйство пользовалось чужими орудіями, скотомъ и землей, брало ссуду и выплачивало ренту. Очевидно, „замкнутость“ такого хозяйства, у котораго на дворѣ все было наемное и заемное—является крайне условнымъ понятіемъ.

2) Вторая ступень—городского хозяйства, не существовала во многихъ государствахъ, въ томъ числѣ и въ Россіи.

„Городское хозяйство, въ его типичномъ видѣ, существовало только въ Западной Европѣ и больше нигдѣ. Не говоря уже о неевропейскихъ странахъ, вся восточная Европа-Россія, не знала ничего похожаго на городское хозяйство Бюхера“. (Туг. Бар. стр. 113). Городское хозяйство связано съ ремесленнымъ типомъ производства въ индустріи; у насъ ремесленники были разбросаны по деревнямъ, и эта разбросанность сохраняется, въ значительной степени, до насто-

ящаго времени. Съ сельскимъ хозяйствомъ городское и въ Россіи и въ Европѣ было связано очень мало, и въ теченіе среднихъ вѣковъ и тутъ и тамъ организовалось *феодальнопомѣстное* и *общинное* хозяйство, изолированное въ нашемъ центрѣ и связанное торговыми отношеніями съ Западной Европой въ Новгородской области.

3) Третья ступень—народное и міровое хозяйство „вовсе не отличается длиной пути отъ производителя къ потребителю. Зомбартъ правильно отмѣчаетъ, что новѣйшее правильное развитіе характеризуется именно стремленіемъ къ сокращенію этого пути“ (Туг. Баран.). Удлиненіе пути отъ производителя къ потребителю въ настоящее время, пожалуй, болѣе характерно не для продуктовъ индустріи, а для сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Сельско-хозяйственный обмѣнъ, начинаясь съ *международной* торговли, свойственной *до*земледѣльческому фазису, въ эпоху экстенсивнаго земледѣлія проходитъ ступени изолированнаго, общиннаго, районнаго, народнаго и кончается на той ступени, съ которой начался—*міроваго* обмѣна. Поэтому схема г. Маслова, данная имъ въ послѣдней работѣ, ближе къ дѣйствительности (изолированное, общинное, районное, народное, міровое хозяйство), но и она неправильна въ исходномъ пунктѣ: вмѣсто изолированнаго хозяйства, мы встрѣчаемъ довольно развитой международный обмѣнъ.

Для насъ, впрочемъ, не такъ важна фактическая достовѣрность историческихъ ступеней развитія обмѣна: для насъ важнѣе установить, отражалось ли это развитіе на эволюціи *распредѣленія* средствъ производства. Если признать, вмѣстѣ съ г. Лященко, что рынокъ „почти рѣшающій факторъ аграрной эволюціи“, то мы увидимъ очень оригинальную картину: въ средніе вѣка, при господствѣ натуральнаго строя, средства производства сосредоточивались въ рукахъ *верхнихъ* классовъ—крупныхъ землевладѣльцевъ; теперь большая часть ихъ перешла въ руки среднихъ и мелкихъ хозяевъ—ergo, „рѣшающій факторъ“—обмѣнъ перебросилъ, съ ходомъ своего развитія, средства производства въ руки тѣхъ хозяйствъ, которыя менѣе другихъ склонны къ развитію обмѣна. Исторія, дѣйствительно, говоритъ намъ, что натуральность средневѣковаго строя была благопріятнымъ условіемъ для возникновенія крупнаго землевладѣнія (но не хозяйства). Феодализмъ—первоисточникъ крупнаго землевладѣнія—возникъ

именно на почвѣ натуральнаго строя. „Въ обществахъ, гдѣ обмѣнъ далеко не составляетъ общаго правила, гдѣ довольствуются потребленіемъ собственныхъ продуктовъ, всякая государственная служба можетъ быть вознаграждена лишь уступкой извѣстныхъ доходовъ, поступающихъ либо съ управляемыхъ вообще, либо съ однихъ воздѣлывателей почвы. Служилый человѣкъ живетъ поэтому или „кормленіемъ", т. е. съ доходовъ своей должности, или съ доходовъ, получаемыхъ съ данной ему во владѣніе земли". Такъ было во всемъ свѣтѣ. Паденіе феодализма произошло потому, что „мѣновое хозяйство явилось на смѣну хозяйству натуральному. Съ развитіемъ обмѣна накопленіе движимой собственности, въ частности денегъ, дастъ возможность главамъ государства вознаграждать всякую службу—какъ военную, такъ и гражданскую не одними только землями и земельнымъ доходомъ" *).

Конечно, натуральный строй есть только одно изъ условій возникновенія крупнаго феодальнаго землевладѣнія, но не его первопричина: таковой является необходимость организаціи военно-служилаго класса. Не будь этой необходимости, правительству не зачѣмъ было бы раздавать, въ видѣ жалованья, сначала не заселенную, а затѣмъ и заселенную крестьянами землю. Слѣдовательно, первопричиной образованія крупнаго землевладѣнія является не отсутствіе обмѣна, а политическіе факторы.

Когда происходитъ развитіе обмѣна, крупное землевладѣніе не исчезаетъ, и на его почвѣ образуется крупное *товарное хозяйство.* Казалось бы, что въ этомъ случаѣ рынокъ имѣетъ первенствующее значеніе. Но вотъ происходитъ освобожденіе крестьянъ, обмѣнъ возрастаетъ въ нѣсколько разъ, а крупное хозяйство быстро падаетъ внизъ. Очевидно, два діаметрально противоположныхъ слѣдствія—развитіе и паденіе крупнаго хозяйства—не могутъ быть обусловлены одной общей причиной—возрастаніемъ мѣновыхъ отношеній. Причина образованія и гибели крупнаго хозяйства до и послѣ реформы должна лежать въ томъ элементѣ производства, который *измѣнялся* въ разныя эпохи—и этотъ элементъ, подвергшійся рѣзкому измѣненію—*даровой крѣпостной трудъ.* Не будь дарового крѣпостного труда, крупное хозяйство ни-

*) *М. Ковалевскій.* Соціологія т. I, ст. 22. Спб. 1910.

когда бы не достигло такого большого развитія: паденіе этого хозяйства обусловлено уничтоженіемъ крѣпостного права, т. е. потерей даровой источника труда. Все это показываетъ, что эволюція распредѣленія средствъ производства связана не столько съ эволюціей обмѣна, сколько съ факторами совершенно иного порядка, значеніе которыхъ мы опредѣлимъ въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Итакъ, обмѣнъ не вліяетъ настолько сильно на эволюцію производства и распредѣленія въ сельскомъ хозяйствѣ, чтобы безъ него нельзя было уяснить себѣ основныхъ закономѣрностей хода этой эволюціи. Обмѣнъ развивается вмѣстѣ съ исторіей, и на первыхъ ступеняхъ аграрнаго развитія онъ не могъ отразиться, просто, благодаря своему отсутствію. Между тѣмъ, для характеристики аграрной эволюціи, намъ важно положить въ основу изслѣдованія не перемѣнные, а *постоянно* дѣйствующіе факторы. Поэтому мы въ предыдущемъ изложеніи, хотя и не игнорировали значеніе обмѣна, но, считая его однимъ изъ вторичныхъ факторовъ, обращали на него вниманіе только тогда, когда его роль явственно выступала въ исторіи: намъ кажется, что ясность изложенія фактовъ отъ этого пострадала очень немного. Точно такъ же мы будемъ поступать и въ этой главѣ, посвященной анализу основныхъ причинозависимостей общаго развитія сельско-хозяйственнаго производства и распредѣленія: и здѣсь мы будемъ изучать не „совокупность хозяйствъ, связанныхъ обмѣномъ", а совокупность хозяйствъ, связанныхъ *производственными отношеніями*. Что такая связь существуетъ, что она такъ же стихійна, безсознательна, но тѣмъ не менѣе закономѣрна, какъ и связь, создаваемая обмѣномъ, показываетъ фактъ однородности системы хозяйства или системы земледѣлія, преобладающей въ каждой мѣстности или странѣ въ данный моментъ ея исторіи. Причины этой стихійной закономѣрности мы и постараемся вкратцѣ обрисовать въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Итакъ, цѣль нашего изслѣдованія—опредѣлить закономѣрность эволюціи производства и распредѣленія въ сельскомъ хозяйствѣ. Считая обмѣнъ второстепеннымъ факторомъ этой эволюціи, мы разсматриваемъ его значеніе только въ тѣхъ случаяхъ, когда оно явственно выступаетъ въ исторіи. Исключаемъ мы и разсмотрѣніе послѣдней стадіи сельско-хозяйственнаго производства—технической переработки

сырья (сельско-хозяйственной индустріи). И обмѣнъ и сельско-хозяйственная индустрія подвержены совершенно инымъ законамъ развитія, чѣмъ сельское хозяйство, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, т. е. производство, непосредственно связанное съ землей и біологическими процессами творчества природы.

Поэтому намъ кажется, что разсмотрѣніе условій развитія обмѣна и сельско-хозяйственной индустріи должно быть выдѣлено изъ анализа условій эволюціи сельскаго хозяйства въ болѣе тѣсномъ смыслѣ въ особый отдѣлъ сельско-хозяйственной экономіи.

§ 2. Вліяніе природныхъ факторовъ и населенности на эволюцію производства. Основной принципъ эволюціи.

До сихъ поръ главной цѣлью теоретической сельско-хозяйственной экономіи *)— науки еще только конструирующейся, было стремленіе отмежевать себя, какъ можно рѣзче, отъ экономіи индустріи; а такъ какъ политическая экономія связана кровнымъ родствомъ съ этой послѣдней, то с.-хоз. экономія не разъ вступала въ конфликтъ съ политической экономіей, расшатывая „всеобщность“ нѣкоторыхъ ея законовъ.

Основное отличіе сельскаго хозяйства отъ индустріи заключается въ преобладающемъ вліяніи на первую отрасль производства природныхъ факторовъ. О роли природныхъ факторовъ говорилось много разъ, значеніе ихъ твердо установлено, но все-таки даже такіе писатели, какъ г. Масловъ, ставящіе въ основу „теоріи развитія народнаго хозяйства“ производственныя, а не мѣновыя отношенія, выдвигающіе на первый планъ „фактъ“ убывающаго плодородія почвы, всецѣло зависящій отъ природныхъ факторовъ, обходятъ ихъ презрительнымъ молчаніемъ. Поэтому, а также въ ви-

*) По Фортунатову, с.-хоз. экономія въ *широкомъ* смыслѣ совпадаетъ съ понятіемъ агрономическаго обществовѣдѣнія, изучающаго хозяйственную дѣятельность человѣка во всей ея совокупности. С.-хоз. экономія распадается на 1) теоретическую (с.-хоз. экономію въ узкомъ смыслѣ), 2) с.-х. статистику, 3) исторію сельскаго хозяйства, 4) сельско-хоз. правовѣдѣніе (и политику П. О.). См. „Нѣсколько страницъ изъ экономіи и статистики сельскаго хозяйства“. Изд. 2. М. 1909 г.

дахъ послѣдовательности изложенія, мы считаемъ не лишнимъ посвятить имъ нѣсколько строкъ.

Всякое производство есть процессъ приспособленія внѣшней природы человѣкомъ. Но въ сельскомъ хозяйствѣ человѣкъ не только приспособляетъ природу для своихъ хозяйственныхъ цѣлей—онъ самъ *вынужденъ приспособляться къ ней*. Какъ говоритъ г. Булгаковъ, въ индустріи „человѣкъ является господиномъ природы, а въ земледѣліи ея рабомъ". Сельско-хозяйственные продукты—результатъ *органическаго* творчества природы, но не *механическаго* творчества человѣческаго труда. Индустрія не имѣетъ дѣла съ областью органической жизни: ея сфера—обработка мертваго матеріала, доставляемаго природой. Въ индустріи человѣкъ *самъ* перерабатываетъ сырье; въ сельскомъ хозяйствѣ природа замѣняетъ человѣка; изъ сырья—земли, воды, свѣта, теплоты, газовъ, воздуха, при помощи разныхъ организмовъ, природа *сама* вырабатываетъ тѣ живые организмы, которые нужны для человѣка. Человѣкъ не умѣетъ вырабатывать живыхъ организмовъ, и ему остается стараться только, чтобы природа творила въ его пользу.

Природа есть *активный* и могущественный участникъ сельско-хозяйственнаго производства. Поэтому сельско-хозяйственная экономія не можетъ игнорировать ея дѣятельность, точнѣе, ея *производительность*, какъ дѣлаетъ это экономія индустріи, имѣющая дѣло съ мертвымъ пассивнымъ матеріаломъ. На каждомъ шагу въ сельскомъ хозяйствѣ проглядываетъ вліяніе природныхъ факторовъ. Мы не будемъ перечислять ихъ цѣликомъ: мы упомянемъ только о тѣхъ, которые наиболѣе глубоко вліяютъ на хозяйственную дѣятельность человѣка, значительно видоизмѣняя ее сравнительно съ таковой же дѣятельностью индустріи.

Природные факторы мы дѣлимъ на *постоянные*, значеніе которыхъ не измѣняется или измѣняется очень мало въ рамкахъ человѣческой исторіи и которые почти недоступны воздѣйствію человѣка, и на *перемѣнные*—измѣняющіеся съ ходомъ исторіи и подверженные человѣческому вліянію.

Изъ постоянныхъ факторовъ мы остановимся на *климатѣ*. Неодинаковость температуры во всѣ времена года, смѣна дождливыхъ и солнечныхъ дней создаютъ ту отличительную способность с.-хоз. производства, которая извѣстна подъ названіемъ *сезонности*, или шире—*прерываемости* тру-

да. Въ индустріи большинство работъ можетъ производиться въ теченіе круглаго года, во всякую погоду. Такъ какъ смѣна временъ года создаетъ послѣдовательную смѣну біологическихъ процессовъ взращиванія растительныхъ организмовъ, то за этой смѣной послѣдовательно идутъ различные виды человѣческаго труда: „удобреніе, паханіе, боронъба, сѣяніе, окучиваніе, косьба, перевозка къ полю и съ поля—всѣ эти работы смѣняютъ другъ друга“ (Давидъ). Одновременное выполненіе этихъ работъ невозможно—отсюда невозможно *техническое раздѣленіе труда*, составляющее одно изъ самыхъ важныхъ преимуществъ производства въ индустріи.

Второй природный факторъ—*пространство* или протяженность земли—той мастерской, въ которой орудуетъ человѣкъ. Размѣры эксплоатируемой земельной площади, въ зависимости отъ системъ хозяйства, варьируютъ очень сильно—отъ сотенъ квадратныхъ верстъ до десятковъ саженей; но, оставаясь всегда во много разъ больше той площади, на которой оперируетъ индустрія, протяженность земли, какъ объекта хозяйственной эксплоатаціи, заставляетъ человѣка передвигаться съ орудіями производства по полю, т. е. создавать *перемѣщаемость* (подвижность) труда. „Мѣсто работы безпрерывно мѣняется. Поле, лугъ, дворъ, хлѣвъ, гумно, въ пестрой смѣнѣ составляютъ мастерскую сельскаго хозяина. Процессъ растительной жизни прикованъ къ опредѣленному мѣсту. Туда долженъ направиться и человѣкъ со своими орудіями. Но и самая работа въ полѣ и на лугу носитъ вполнѣ локомоторный характеръ. Въ фабрикаціи обыкновенно перемѣщается *предметъ* труда: самый трудъ и орудія труда остаются на мѣстѣ. Поэтому, въ фабрикаціи возможно установить прочную устойчивую систему механическихъ силъ и орудій труда. Въ противоположность этому, складъ орудій въ сельско-хозяйственномъ промыслѣ, носитъ, въ общемъ, *подвижной* характеръ. Сельско-хозяйственный машинный механизмъ—это отдѣльныя кочующія машины“. (Давидъ стр. 48).

Кочеваніе сельско-хозяйственнаго труда по землѣ не даетъ возможности установить большой центральный моторъ, который бы направлялъ энергію въ цѣлый рядъ машинъ. Поэтому, сельско-хозяйственныя машины малы, легки, подвижны и слабосильны; ихъ слабость препятствуетъ опять-

таки техническому раздѣленію труда, которое въ индустріи углубляется и расширяется, благодаря примѣненію могучихъ механическихъ двигателей.

Намъ кажется достаточнымъ указать на эти два природныхъ фактора, чтобы понять, что въ сельскомъ хозяйствѣ невозможно широкое *техническое раздѣленіе труда*—невозможна и крупная кооперація (сложное сотрудничество). Мы уже указывали въ первой части, на тотъ чрезвычайной важности фактъ, что въ сельскомъ хозяйствѣ, нѣтъ предпріятія подобнаго фабрикѣ—предпріятія того типа, который Зомбартъ называетъ „общественнымъ производствомъ въ крупныхъ размѣрахъ". Техническое раздѣленіе труда въ сельскомъ хозяйствѣ не идетъ далѣе небольшихъ группъ, при ручной работѣ совпадающихъ зачастую съ семьей. Напримѣръ, при покосѣ и жнитвѣ мужчины косятъ хлѣбъ и траву, а женщины сгребаютъ въ копны и вяжутъ въ снопы и т. д. „Для образованія необходимыхъ въ сельско-хозяйственномъ производствѣ организованныхъ группъ рабочихъ, въ большинствѣ случаевъ вполнѣ достаточно нормальной крестьянской семьи, состоящей изъ 4—6 душъ разнаго возраста". (Давидъ стр. 64). При машинной работѣ, благодаря небольшой величинѣ машинъ, сложная кооперація объединяетъ лишь маленькія группы въ нѣсколько рабочихъ, тоже разныхъ возрастовъ и половъ. Наиболѣе крупная кооперація наблюдается на молотильныхъ машинахъ, когда производство собственно уже оторвано отъ земли. Молотьба—процессъ, составляющій переходную ступень въ сельско-хозяйственной индустріи. Такимъ образомъ, техническое раздѣленіе труда въ сельскомъ хозяйствѣ очень незначительно—оно не идетъ далѣе „общественнаго производства въ малыхъ размѣрахъ". По терминологіи Зомбарта и преобладающимъ видомъ сотрудничества является *простое*, при которомъ группы людей одновременно продѣлываютъ одну и ту же работу. Простое сотрудничество существовало въ сельскомъ хозяйствѣ съ незапамятныхъ временъ: можно даже сказать, что *до* земледѣльческому фазису оно было болѣе свойственно, чѣмъ развитому земледѣльческому хозяйству, благодаря чему въ звѣроловномъ и пастушескомъ хозяйствѣ и при переложномъ земледѣліи еще господствовалъ мелко-родовой бытъ и сложная семья—задруга, или артели сябровъ. При окончательномъ переходѣ на земледѣліе, при смѣнѣ пере-

лога трехпольемъ, сложная семья распадается на рядъ простыхъ, остатки родового быта исчезаютъ, артели сябровъ превращаются въ деревенское сосѣдство самостоятельныхъ хозяевъ—словомъ, отдѣльная семья—хозяйство индивидуализируется, обособляется отъ себѣ подобныхъ, такъ какъ постоянной потребности въ постоянномъ сотрудничествѣ семьи уже нѣтъ. Однако и теперь временныя формы простого сотрудничества довольно распространены въ нашей деревенской общинѣ. Болѣе систематическое примѣненіе простого сотрудничества можно найти въ крупномъ производствѣ съ наемнымъ трудомъ „индивидуальномъ производствѣ въ крупныхъ размѣрахъ“, какъ это называетъ Зомбартъ.

Прерываемость труда создаетъ въ сельскомъ хозяйствѣ и невозможность спеціализаціи профессій, широкаго *общественнаго* раздѣленія труда. Въ индустріи ткачъ совершенно незнакомъ съ кузнечнымъ дѣломъ и всю жизнь занимается однимъ своимъ ремесломъ. Въ сельскомъ хозяйствѣ, каждый крестьянинъ, каждый батракъ долженъ умѣть дѣлать всѣ сельско-хозяйственныя работы: пахать, косить, полоть, молотить, ходить за скотомъ, извозничать и т. д.

Итакъ, прерываемость и перемѣщаемость труда, зависящія отъ природныхъ факторовъ—климата и протяженности земли—обусловливаютъ собой невозможность развитія въ сельскомъ хозяйствѣ принциповъ сложнаго сотрудничества—техническаго и общественнаго раздѣленія труда. На климатъ человѣкъ пока почти не можетъ воздѣйствовать, и все производство находится въ рабской зависимости отъ этого постояннаго фактора. Что же касается до протяженности земли, то ея вліяніе мѣняется съ ходомъ аграрной эволюціи. Размѣры эксплоатируемой территоріи сокращаются, но, вмѣстѣ съ сокращеніемъ размѣровъ территоріи (дробленіемъ хозяйственной площади), возрастаетъ количество передвиженій по ней, какъ результатъ интенсификаціи сельскаго хозяйства—отсюда подвижность сельско-хоз. труда, если и уменьшается съ ходомъ аграрной эволюціи, то въ гораздо болѣе слабой пропорціи, чѣмъ размѣры площади отдѣльныхъ хозяйствъ.

Изъ *перемѣнныхъ* природныхъ факторовъ наиболѣе важны творческіе процессы природы—или какъ принято ихъ называть—*производительность земли*. Производительность земли выражается въ суммѣ полезныхъ для человѣка про-

дуктовъ, получаемыхъ съ единицы площади. Къ производительности земли въ широкомъ смыслѣ слѣдуетъ отнести не только животныхъ и растенія, которыхъ производитъ природа безъ участія или при участіи человѣческаго труда, но и *плодородіе почвы*, т. е. наличность въ почвѣ питательныхъ для растеній веществъ, находящихся въ усвояемомъ для нихъ видѣ. Производительность земли доступна воздѣйствію человѣка, и главная цѣль сельско-хозяйственнаго производства—развитіе этой производительности. На плодородіе почвы человѣкъ воздѣйствуетъ при помощи ея обработки; на развитіе растительныхъ и животныхъ организмовъ—посредствомъ ухода за ними. Отсюда сельско-хозяйственное производство въ узкомъ смыслѣ (безъ сельско-хозяйственной индустріи) разбивается на двѣ стадіи: обработку почвы и уходъ за растеніями и животными.

Но было время, когда человѣкъ не приступалъ ни къ обработкѣ почвы, ни къ уходу за живыми организмами, а довольствовался истребленіемъ тѣхъ продуктовъ, которые земля производила самостоятельно безъ участія человѣческаго труда. Голое истребленіе запасовъ природныхъ благъ безъ развитія какой-либо изъ сторонъ производительности природы наблюдается только на первыхъ ступеняхъ *до*-земледѣльческаго фазиса въ эпоху каменнаго вѣка, при исключительномъ господствѣ звѣроловнаго хозяйства и собиранія дико-растущихъ плодовъ и корней.

Переходя на пастушеское хозяйство, человѣкъ, хотя и вытравливаетъ скотомъ дико-растущія травы, но въ то же время, при помощи ухода за животными увеличиваетъ ихъ количество, т. е. развиваетъ тотъ элементъ творчества природы—фауну, которую онъ раньше истреблялъ. Бросая пастушескій бытъ и садясь на землю, онъ истребляетъ, при экстенсивномъ земледѣліи, запасы естественнаго плодородія почвы, но зато увеличиваетъ количество производимыхъ природой животныхъ и растеній. Наконецъ, въ интенсивномъ фазисѣ земледѣлія ни одинъ видъ природныхъ благъ уже не подвергается истребленію, но производительность земли развивается во всѣхъ направленіяхъ: увеличивается естественное плодородіе почвы, количество и качество полезныхъ растеній и животныхъ.

Такимъ образомъ, человѣческая дѣятельность въ сельскомъ хозяйствѣ распадается на двѣ послѣдовательно смѣ-

няющіяся стадіи: 1) на *истребленіе* даровыхъ запасовъ природныхъ благъ, которыя накопила природа до начала человѣческой дѣятельности, при чемъ истребленію подвергаются въ послѣдовательномъ порядкѣ—фауна, флора и естественное плодородіе почвы, и 2) на *развитіе* творческихъ процессовъ природы, создающихъ эти блага, при чемъ это развитіе идетъ въ такомъ же послѣдовательномъ порядкѣ. Человѣкъ начинаетъ хозяйственную дѣятельность съ голаго истребленія даровыхъ запасовъ природы; въ послѣдующемъ фазисѣ сельско-хозяйственной эволюціи онъ развиваетъ одни элементы творчества природы при помощи истребленія другихъ. Конечный фазисъ—отсутствіе истребленія и развитіе всѣхъ сторонъ природнаго творчества. Звѣроловство смѣняется животноводствомъ, рыболовство—рыбоводствомъ, лѣсоистребленіе—лѣсоводствомъ, дикое пастбище — травосѣяніемъ, истощеніе почвы ея удобреніемъ. Таковъ ходъ эволюціи сельско-хозяйственнаго производства. При этомъ, однако, *общая производительность земли безпрерывно растетъ*, т. е. систематически увеличивается сумма продуктовъ, добываемыхъ человѣкомъ съ единицы площади. Пастухъ добываетъ съ единицы площади больше продуктовъ, чѣмъ звѣроловъ; земледѣлецъ, при переложной системѣ полеводства, больше, чѣмъ пастухъ, при трехпольѣ больше, чѣмъ при перелогѣ и при интенсивномъ земледѣліи болѣе, чѣмъ при экстенсивномъ. Смѣна системъ хозяйства—рядъ ступеней возрастающей производительности земли. При экстенсивныхъ системахъ, когда развитіе производительности земли совершается за счетъ истребленія нѣкоторыхъ запасовъ природныхъ благъ, это развитіе можетъ остановиться и временно пойти на убыль, при интенсивныхъ—такой остановки произойти не можетъ, т. к. ни одно изъ природныхъ благъ не подвергается истребленію.

Итакъ, основной принципъ эволюціи сельско-хозяйственнаго производства—*развитіе производительности земли*, къ которому человѣчество побуждается безпрерывно возрастающимъ населеніемъ. Изложенная въ предыдущихъ главахъ эволюція производства въ Россіи настолько наглядно подтверждаетъ это положеніе, что на нашъ взглядъ не нуждается въ особыхъ доказательствахъ. Въ каждомъ районѣ, въ каждой мѣстности медленно или быстро, въ зависимости отъ роста населенія, звѣроловство смѣняется экстенсивнымъ

земледѣліемъ или скотоводствомъ, переложная система земледѣлія—трехпольемъ и т. д.

Когда происходитъ убыль населенія или остановка въ приростѣ—падаетъ или останавливается въ своемъ развитіи сельско-хозяйственное производство, какъ это случилось во второй половинѣ XVI в. и въ началѣ XVII в. въ Замосковіи и Новгородской области, когда населеніе убыло болѣе, чѣмъ на половину, и начинающая развиваться паровая зерновая система—„пашни паханыя"—опять превратились въ перелогъ или заброшенныя поросли лѣсомъ. Съ остановкой прироста въ Московскомъ центрѣ въ XVIII и XIX вв. остановилось и земледѣліе. Наоборотъ, чрезвычайно быстрый приростъ населенія въ Новороссіи съ конца XVIII в. производитъ быструю смѣну фазисовъ сельскаго хозяйства, замѣну скотоводческаго хозяйства переложнымъ земледѣліемъ, перелога—трехпольемъ— на протяженіи какой-нибудь сотни лѣтъ, тогда какъ въ центральныхъ районахъ Россіи подобная эволюція происходила въ теченіи 600—700 лѣтъ, а въ Западной Европѣ, благодаря еще болѣе слабому приросту—тысячелѣтія.

Исторія подтверждается географіей, и въ настоящее время, чѣмъ плотнѣе населеніе, тѣмъ интенсивнѣе система хозяйства. „Сопоставляя плотность населенія на всей поверхности земного шара съ системой хозяйства въ соотвѣтствующихъ пунктахъ, мы найдемъ, что независимо отъ культурнаго уровня населяющихъ землю народовъ, независимо отъ степени ихъ экономическаго развитія, данной плотности населенія соотвѣтствуетъ опредѣленная *система* хозяйства". (Масловъ. Теорія развитія народнаго хозяйства, стр. 31).

Вообще фактъ развитія производительности земли, подъ вліяніемъ уплотненія населенія,—настолько безспоренъ, что въ экономической литературѣ не встрѣчается лицъ, отрицающихъ его существованіе: ожесточенные споры, возникшіе вокругъ этого факта касаются обратной его стороны—именно вопроса, падаетъ или возрастаетъ вмѣстѣ съ развитіемъ производительности земли, *производительность человѣческаго труда?*

Въ индустріи человѣкъ является хозяиномъ производства, и здѣсь онъ легко осуществляетъ свое стремленіе, при наименьшихъ затратахъ труда получить наибольшее коли-

чество продуктовъ. Основной принципъ эволюціи индустріи— *развитіе производительности труда.*

Осуществленіе этого принципа достигается при помощи возрастающаго техническаго и общественнаго *раздѣленія труда.* Всякая трудовая операція разлагается на свои составныя части и каждая часть работы выполняется особымъ рабочимъ. Благодаря этому, пріемы труда каждаго работника *упрощаются,* механизируются, становятся настолько однообразными, элементарными и автоматичными, что ихъ легко замѣняетъ машина. Слѣдовательно, раздѣленіе труда ведетъ за собой *упрощеніе пріемовъ труда,* и сущность техническаго развитія производства въ индустріи заключается именно въ этомъ упрощеніи.

Въ сельскомъ хозяйствѣ развитіе производительности земли, при почти полномъ отсутствіи раздѣленія труда, достигается діаметрально противоположнымъ процессомъ *усложненія* способовъ и пріемовъ труда.

Первобытное хозяйство заключалось въ добываніи продуктовъ естественной производительности природы. Это— охота, бортничество, рыболовство въ лѣсныхъ и обильныхъ водой районахъ и пастбищное—тебеневочное скотоводство кочевниковъ—въ степныхъ. На слѣдующей стадіи развитія въ дѣвственную почву лѣсовъ и степей впервые врѣзается плугъ: къ охотѣ и скотоводству присоединяется переложное земледѣліе. При переложѣ одинъ и тотъ же участокъ земли засѣвается сплошь однимъ видомъ злаковъ до тѣхъ поръ, пока онъ не истощается. На дальнѣйшей ступени эволюціи поле дѣлится сначала на двѣ, потомъ на три части: двѣ части засѣваются не однимъ, а minimum, двумя видами злаковъ: озимыми и яровыми. Еще далѣе, тотъ же самый участокъ дѣлится уже не на три, а на четыре, шесть или восемь частей. Къ злакамъ присоединяются травы и другіе виды растеній. Наконецъ, при плодосмѣнѣ, на томъ же самомъ участкѣ засѣваются десятки самыхъ разнообразныхъ растеній, и поле дѣлится, по ихъ количеству, на десятки частей. Одновременно чисто земледѣльческое хозяйство становится невозможнымъ безъ скотоводства. „Съ развитіемъ общей культуры усложняется и сельско-хозяйственное производство путемъ увеличенія числа культивируемыхъ растеній и животныхъ. Вмѣсто двухъ-трехъ видовъ растеній и животныхъ, составлявшихъ обиходъ сельскаго хозяйства въ

древности, ихъ теперь необозримое множество, и въ свою очередь, каждый видъ растеній и животныхъ распадается на десятки спеціальныхъ сортовъ, и каждая порода на многочисленныя расы, виды и разновидности". (Давид. стр. 87).

Возрастающее разнообразіе производства влечетъ за собой усложненіе *пріемовъ* труда. Первоначально земледѣлецъ ограничивался одной вспашкой, или задѣлкой подъ борону, а всѣ остальныя заботы о растеніи предоставлялъ „милостивому Богу". Въ интенсивномъ хозяйствѣ производится нѣсколько вспашекъ, бороновокъ, къ обработкѣ земли присоединяется уходъ за растеніями и животными, все усложняющійся съ каждымъ новымъ видомъ растенія и животныхъ. Однимъ словомъ, съ развитіемъ сельско-хозяйственнаго производства происходитъ, вмѣсто раздѣленія труда и упрощенія пріемовъ, *соединеніе* различныхъ видовъ труда и *усложненіе* пріемовъ—нарастаніе новыхъ процессовъ обработки и ухода, новыхъ культуръ и профессій, соединяемыхъ на одномъ и томъ же участкѣ земли и въ одномъ и томъ же хозяйствѣ. Въ одномъ нѣмецкомъ имѣніи въ 1592 г. культивировались пшеница, рожь, ячмень и горохъ; въ 1797 г. въ немъ культивировали пшеницу, рожь, рапсъ, ячмень, горохъ, вику, картофель, свекловицу, люцерну, кормовой горошекъ, кукурузу и ленъ.

Усложненіе труда неразрывно связано съ развитіемъ производительности земли. „Производительность земли будетъ тѣмъ выше, чѣмъ разнообразнѣе производство... Справедливо замѣчаетъ Патенъ: законъ земледѣльческой промышленности противоположенъ закону мануфактурной промышленности (индустріи). Наилучшее употребленіе земли требуетъ разнообразія продуктовъ, тогда какъ фабрика бываетъ наиболѣе продуктивна, дѣлая какой-нибудь одинъ продуктъ" *).

Въ индустріи раздѣленіе труда — основа возрастающей его производительности, въ сельскомъ хозяйствѣ—обратный процессъ усложненія труда, на первый взглядъ, долженъ повести къ обратному результату—къ *паденію* его производительности...

Вторая причина возникновенія представленія о паденіи производительности труда, при развитіи производительности

*) Булгаковъ, Капитализмъ и земледѣліе, т. I стр. 66.

земли—постепенное сокращеніе даровыхъ запасовъ природныхъ благъ. Съ ходомъ аграрной эволюціи истребленіе природныхъ благъ, во-первыхъ, совершается все съ большими трудностями—истреблять звѣрей легче, чѣмъ пасти прирученныхъ животныхъ; пасти скотъ легче, чѣмъ пахать землю, т.-е. истреблять естественное плодородіе почвы; вытравливать естественныя пастбища скотомъ легче, чѣмъ сѣять траву и удобрять землю и т. д. Во-вторыхъ, наличность ограниченныхъ запасовъ природныхъ благъ постепенно убываетъ и съ ходомъ эволюціи, даровое истребленіе природныхъ благъ замѣщается все увеличивающимся развитіемъ творческихъ силъ природы, требующимъ количественно возрастающаго человѣческаго труда.

Такимъ образомъ, постепенное истребленіе даровыхъ запасовъ природныхъ благъ и усложненіе труда съ ходомъ аграрной эволюціи ведетъ къ тому, что многіе изслѣдователи связываютъ развитіе производительности земли съ паденіемъ производительности труда. „Измѣненія производительности земли противоположны измѣненіямъ производительности земледѣльческаго труда и капитала—увеличеніе одной сопровождается уменьшеніемъ другой“ (Булгаковъ). Г. Масловъ, цѣликомъ воспринявши это положеніе г. Булгакова, совершенно игнорируетъ фактъ развитія производительности земли и, сосредоточивъ все свое вниманіе на обратной сторонѣ эволюціи сельскаго хозяйства—паденіи продуктивности труда, кладетъ этотъ послѣдній фактъ въ основу своей теоріи развитія народнаго хозяйства. Хотя вопросъ объ измѣненіяхъ производительности труда, при развитіи производительности земли, разъ мы считаемъ это послѣднее основнымъ принципомъ аграрной эволюціи, имѣетъ для насъ только академическое значеніе, но оригинальная широкая постановка этой проблемы г. Масловымъ, заставляетъ насъ еще разъ пересмотрѣть ея рѣшеніе.

Главное доказательство существованія „факта“ паденія производительности труда г. Масловъ видитъ въ *тенденціи къ разсѣянію населенія*. „Во всѣ періоды человѣческаго развитія, при всѣхъ системахъ хозяйства, мы можемъ констатировать стремленіе человѣчества къ разсѣянію, вытекающее изъ стремленія къ экстенсивному использованію территоріи. Исторія экономическаго быта показываетъ, что человѣческое общество только тогда переходитъ къ болѣе интенсивному

использованію территоріи—когда невозможно ея расширеніе... Переходъ къ интенсификаціи хозяйства, вызванный уплотненіемъ населенія, совершается только при невозможности или значительныхъ препятствіяхъ къ дальнѣйшему расширенію территоріи размножающимся населеніемъ" (стр. 36).

Такое стремленіе къ разселенію г. Масловъ объясняетъ тѣмъ, что при болѣе экстенсивныхъ системахъ человѣческій трудъ болѣе производителенъ и населеніе стремится путемъ разселенія сохранить продуктивность старой системы. Производительность земли и производительность труда антагонистичны. „Продуктивность земли возрастаетъ по мѣрѣ увеличенія затраты труда на ея обработку...

Переходъ отъ экстенсивнаго земледѣльческаго хозяйства къ болѣе и болѣе интенсивному, при неизмѣнной техникѣ, сопровождается паденіемъ производительности труда. Человѣчество только вслѣдствіе необходимости для сохраненія размножающагося населенія переходитъ къ болѣе интенсивной обработкѣ земли. Интенсификація земледѣльческаго хозяйства, превращеніе его изъ кочевого въ переложное, трехпольное и т. д. сопровождается такимъ же рѣзкимъ паденіемъ производительности труда, какъ при переходѣ отъ скотоводческаго или охотничьяго къ земледѣльческому хозяйству" (стр. 49). Наоборотъ, чѣмъ экстенсивнѣе хозяйство, тѣмъ трудъ его производительнѣе". Интенсификація хозяйства связана съ расширеніемъ его территоріи: „отъ площади территоріи, занятой населеніемъ, зависитъ и производительность его труда". Разселяясь по еще незанятой территоріи, человѣчество стремится вернуться къ болѣе экстенсивнымъ системамъ. Ирландцы, англичане, нѣмцы, переселяясь въ Америку и въ Австралію, не заводятъ тамъ плодосмѣна и стойловаго содержанія скота, а возвращаются къ переложному земледѣлію и пастбищному скотоводству. На исторіи Россіи мы видѣли, какъ населеніе, хлынувшее въ XII—XIII в.в. изъ Кіевской области въ междурѣчье, найдя тамъ еще нетронутые запасы дичи, вернулось на короткое время къ охотничьимъ промысламъ. Въ XVI—XVII в.в., продвигаясь на югъ и востокъ, первые поселенцы начинали эксплоатацію новыхъ земель съ организаціи „юртового" хозяйства, т. е. охоты, бортничества и дикаго скотоводства. Въ началѣ заселенія Новороссіи надъ земледѣліемъ преобладало скотоводство. Наконецъ, переходя въ Сибирь, современные пере-

селенцы возвращаются отъ трехполья къ перелогу. Если бы болѣе интенсивныя системы не были менѣе производительными съ точки зрѣнія человѣческаго труда, у переселенцевъ, попадающихъ на незаселенную территорію, не возникало бы этой тенденціи къ возвращенію вспять на старыя системы.

Второе доказательство факта г. Масловъ видитъ въ наличности захвата земель господствующими классами. Мы видѣли изъ предыдущихъ главъ, какое громадное значеніе имѣлъ этотъ захватъ въ исторіи распредѣленія земли. И вотъ, по мнѣнію г. Маслова, этотъ политическій факторъ не могъ бы возникнуть, если бы не существовало факта паденія производительности труда. „Если бы интенсивное хозяйство было производительнѣе, чѣмъ экстенсивное, то вплоть до настоящаго времени захватъ отдѣльныхъ участковъ земли не могъ быть источникомъ эксплоатаціи, такъ какъ не было бы стремленія къ расширенію эксплоатируемой площади земли; а при этомъ условіи захваченные участки просто пустовали бы“ (стр. 59), т. к. крестьяне предпочитали бы не селиться на захваченныхъ крупными владѣльцами земляхъ, гдѣ они должны были выплачивать высокую ренту, а просто интенсифицировали бы производство на тѣхъ участкахъ, которые оставались еще въ ихъ власти.

Третье доказательство—*соціальная дифференціація* въ обществѣ—общественное раздѣленіе труда, образованіе новыхъ профессій, отдѣленія индустріи отъ земледѣлія. „Тѣ же условія—паденіе производительности послѣдующихъ затратъ на ту же землю—которые всегда толкали населеніе къ разселенію, при невозможности разселяться, побуждаютъ его заняться обрабатывающей промышленностью, чтобы получить необходимыя средства для существованія. Переходъ *значительной* (курсивъ нашъ. Н. О.) части населенія къ обрабатывающей промышленности для продажи на рынокъ вызывается малоземельемъ, которое создается вслѣдствіе захвата земель господствующими классами и обостряется ростомъ населенія“ (стр. 99). Руководствуясь основнымъ принципомъ хозяйственной дѣятельности—экономіей своей энергіи, т. е. стремленіемъ получить наибольшіе результаты при наименьшихъ затратахъ труда, человѣкъ бросаетъ землю, которая перестаетъ достаточно окупать затраты, и переходитъ на индустрію, лучше оплачивающую его трудъ. Перераспредѣ-

леніе производительныхъ силъ между земледѣліемъ и индустріей способствуетъ тому, что и въ земледѣліи улучшаются орудія производства—а всякая „техника“, подъ которой г. Масловъ упрямо продолжаетъ подразумѣвать только механическія орудія, способствуютъ развитію производительности труда, чѣмъ значительно сглаживается фактъ паденія этой производительности при интенсификаціи. „Мы должны строго различать техническій прогрессъ отъ интенсификаціи культуры земли. Первый сокращаетъ затраты труда на единицу площади земли, послѣдняя увеличиваетъ. Первый увеличиваетъ производительность труда, послѣдняя сопровождается, при одинаковой техникѣ, паденіемъ производительности труда“ (стр. 352). Отсутствіемъ общественнаго раздѣленія труда и техническаго прогресса и объясняетъ тотъ странный, съ точки зрѣнія г. Маслова, фактъ, что населеніе, которое вело на первыхъ ступеняхъ развитія самое интенсивное, т. е. самое производительное хозяйство, влачило жалкое существованіе, когда оно должно бы было утопать въ роскоши. „Въ періодъ изолированнаго и общиннаго хозяйства, когда всѣ орудія производства изготовлялись въ самомъ хозяйствѣ, техника земледѣлія и охоты была такъ примитивна, что даже самое экстенсивное хозяйство было мало производительно, и населеніе съ трудомъ удовлетворяло свои примитивныя потребности. Если теперь населеніе рѣдконаселенныхъ странъ, благодаря экстенсивному хозяйству можетъ прокормить не только себя, но и огромное количество городского населенія и населенія другихъ странъ то въ періодъ изолированнаго хозяйства сами земледѣльцы нерѣдко голодали вслѣдствіе недостатка добываемой ими пищи. Это обстоятельство обыкновенно и приводитъ въ заблужденіе экономистовъ, которые современное интенсивное хозяйство съ современной техникой сравниваютъ съ экстенсивнымъ хозяйствомъ изолированнаго, общиннаго и районнаго хозяйства древности и среднихъ вѣковъ и объясняютъ малую производительность труда первобытнаго человѣка экстенсивностью системы хозяйства. Но вѣдь нужно сравнивать производительность труда при различныхъ системахъ хозяйства, при одинаковой техникѣ производства“ (стр. 65).

Наконецъ, послѣднее серьезное доказательство факта „убывающей производительности труда“, котораго, впрочемъ, г. Масловъ въ этой работѣ касается мало (онъ выдвигаетъ

это въ своемъ „аграрномъ вопросѣ“)—это систематическое *возрастаніе цѣнъ на пищевые продукты* во времени, наблюдаемое въ Европѣ, за исключеніемъ послѣдняго періода, когда паденіе цѣнъ вызвано конкуренціей дешеваго хлѣба, странъ съ экстенсивнымъ земледѣліемъ. Наряду съ повышеніемъ цѣнъ на пищевые продукты, цѣны на продукты индустріи падали. „Законъ убывающаго плодородія почвы (иначе паденія производительности труда. Н. О.). имѣетъ слѣдствіемъ правило, по которому, чѣмъ больше прогрессируетъ земледѣліе, тѣмъ большаго повышенія цѣнъ на продукты оно требуетъ. Если прослѣдить исторію земледѣлія, то увидимъ, что повышающійся уровень цѣнъ на продукты земледѣлія сопровождается и болѣе интенсивной обработкой. Успѣхи техники въ промышленности приводятъ къ *понижению* цѣнъ на товары, благодаря повышенію производительности труда. Въ сельскомъ хозяйствѣ повышеніе производительности данной земельной площади требуетъ извѣстнаго уровня цѣнъ, относительно и абсолютно повышающагося“. Отсюда—цѣлый рядъ явленій въ исторіи XIX в.: страны съ интенсивнымъ земледѣліемъ всѣ болѣе и болѣе оттѣсняютъ его на задній планъ, и въ нихъ развивается промышленный капитализмъ; изъ странъ, вывозящихъ хлѣбъ, онѣ становятся ввозящими и т. д. „И все это связано съ закономъ убывающаго плодородія почвы“. *)

Вотъ вкратцѣ изложеніе главныхъ доказательствъ существованія закона или „факта“ паденія производительности труда при интенсификаціи, т. е. при развитіи производительности земли, составляющемъ сущность аграрной эволюціи. Не трудно замѣтить одну общую черту всѣхъ этихъ доказательствъ: они являются не причинами, а *послѣдствіями* предполагаемаго закона. Г. Масловъ не входитъ въ существо вопроса, не объясняетъ, благодаря какимъ именно техническимъ особенностямъ производства происходитъ паденіе затратъ труда. Самый „фактъ“ несомнѣнно, если онъ существуетъ въ дѣйствительности, зависитъ отъ техническихъ причинъ: но г. Масловъ настолько игнорируетъ технику производства, что иногда даже невольно возникаетъ сомнѣніе, знакомъ ли онъ съ ней,

*) Булгаковъ. Лекціи по аграрному вопросу (изд. на правахъ рукописи) М. 1908—9 г.г. стр. 26 и 118.

хотя элементарно. Быть можетъ, конечно, мы ошибаемся, но, явно презирая техническую сторону производства, г. Масловъ не даетъ и не можетъ дать доказательствъ по существу, а выводитъ существованіе облюбованнаго имъ „факта“ изъ его послѣдствій. Такой способъ доказательства— обратный выводъ причины изъ слѣдствій, очень рискованъ и часто приводитъ къ существеннымъ ошибкамъ. На главную изъ этихъ ошибокъ мы и укажемъ сейчасъ...

Авторъ смѣшиваетъ два различныхъ вопроса: вопросъ *о продуктивности каждой отдѣльной системы хозяйства* въ теченіе ея существованія и господства въ данной мѣстности и вопросъ о продуктивности *различныхъ* системъ хозяйства, при сравненіи ихъ между собой. Родоначальникъ закона убывающаго плодородія Тюрго говорилъ о правильности его лишь для одной ступени хозяйственнаго развитія. Наиболѣе ясную формулировку его далъ Сеніоръ „при условіи, что земледѣльческое искусство остается *на одной и той же ступени развитія*, примѣненіе большаго количества труда на опредѣленномъ участкѣ земли даетъ сравнительно небольшую прибыль“. Смѣшеніе вопроса о колебаніяхъ производительности труда въ предѣлахъ одной и той же системы съ вопросомъ о производительности разныхъ системъ хозяйства въ ихъ историческомъ развитіи, допустилъ Мальтусъ, а за нимъ г. Масловъ, который тѣмъ не менѣе, заявляетъ, что онъ, жестокій врагъ „буржуазнаго мальтузіанства“. У Тюрго законъ ограничивается исключительно доходностью даннаго хозяйства съ опредѣленными условіями мѣста и времени. Смѣшавъ этотъ законъ со своей теоріей народонаселенія, Мальтусъ незамѣтно превратилъ его въ универсальный законъ, властно управляющій *исторіей*. Это было второе, худшее извращеніе. Для общаго хода историческаго развитія земледѣлія имѣютъ значеніе успѣхи науки и техники, благопріятно вліяющіе на продуктивность сельско-хозяйственной работы. Законъ пониженія производительности почвы не мѣшаетъ этому. Онъ, вообще, не касается вопроса о колебаніи продуктивности при *переходѣ съ одной научно-технической ступени на другую*, (а также вообще при смѣнѣ системъ хозяйства. Н. О.). Законъ занятъ исключительно колебаніями продуктивности на одной и той же научно—технической ступени. (Давидъ стр. 477).

Смѣшавъ эти два вопроса, г. Масловъ, рабски слѣдуя за Мальтусомъ, превратилъ „фактъ“ паденія продуктивности въ „законъ, властно управляющій исторіей“. Мы не послѣдуемъ за нимъ и разсмотримъ оба вопроса отдѣльно.

Каждая затрата труда въ сельскомъ хозяйствѣ, въ чемъ бы она ни выражалась, продуктивна только *до* извѣстнаго предѣла; достигнувъ этого предѣла, продуктивность труда начинаетъ падать. Такъ, при звѣроловномъ хозяйствѣ— главная затрата труда передвиженіе въ поискахъ и въ погонѣ за звѣремъ. Пока охотникъ не приспособился къ выслѣживанію звѣря, къ его привычкамъ, онъ будетъ терять много времени на безплодные поиски, и на первыхъ порахъ его трудъ будетъ мало продуктивнымъ. Черезъ нѣкоторое время онъ изловчится въ своихъ поискахъ, продуктивность его труда повысится, но это повышеніе будетъ губительнымъ для звѣроловнаго хозяйства, потому что поведетъ къ быстрому истребленію звѣрей. Тогда начнется третій періодъ— паденія продуктивности, когда, сколько бы ни трудился охотникъ въ поискахъ за звѣремъ—онъ будетъ находить его все въ меньшемъ количествѣ. Такое же *двуобразное* движеніе продуктивности существуетъ и въ пастушескомъ и въ экстенсивномъ земледѣльческомъ хозяйствѣ. Первыя затраты труда, пока человѣкъ занятъ еще приручеміемъ животныхъ, отыскиваніемъ подходящихъ пастбищъ и пахотныхъ угодій, вырубаніемъ лѣсовъ на подсѣкахъ, поднятіемъ нови примитивными орудіями въ степяхъ— будутъ сравнительно мало продуктивными. Послѣдовательно, продуктивность труда станетъ возрастать, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ человѣкъ приспособится легче пользоваться даровыми запасами природныхъ благъ. Дойдя до высшей точки, истощивъ эти запасы, производительность труда опять падаетъ.

Такимъ образомъ, въ экстенсивныхъ системахъ, производительность человѣческаго труда ограничена тѣми даровыми запасами природныхъ благъ, которые подвергаются истребленію: въ охотничьемъ быту—количествомъ звѣрей, пастушескомъ—пастбищъ, при экстенсивномъ земледѣліи—естественнымъ плодородіемъ почвы. Въ интенсивныхъ системахъ, а также отчасти и въ экстенсивныхъ, когда природныя блага не истребляются, а развиваются, этому развитію кладется предѣлъ ограниченностью производительныхъ силъ природы. Давидъ отмѣчаетъ внѣшнія и внутреннія границы

производительности природы, которыя не можетъ переступить человѣкъ. Существуетъ, такъ называемый законъ *минимума*. Для произрастанія растеній необходима наличность извѣстныхъ механическихъ, физическихъ и химическихъ свойствъ почвы и атмосферы. „Если не хватаетъ одного изъ насущно—необходимыхъ естественныхъ факторовъ—напримѣръ, тепла, влаги, или питательныхъ веществъ, наличность всѣхъ остальныхъ ничего не можетъ дать: растеніе не можетъ жить, земля остается безплодной. Если имѣются налицо всѣ необходимые факторы, но не всѣ въ количествѣ, требуемомъ для полнаго развитія, то факторъ, который *наименѣе* развитъ, опредѣляетъ высшую границу, которой можетъ достигнуть урожай. Это—законъ минимума, понимаемый широко.“ Усиливая наименѣе развитой факторъ производительности почвы, человѣкъ освобождаетъ „остальные факторы плодородія данной мѣстности, которые до того обречены были на бездѣйствіе указаннымъ выше препятствіемъ. Урожай быстро растетъ... до границы, опредѣляемой находящимся теперь въ минимумѣ факторомъ“. Когда повышена производительная сила *всѣхъ* поддающихся человѣческому воздѣйствію факторовъ, тогда границу дальнѣйшаго развитія образуютъ тѣ неизмѣнныя условія, которыя послѣ полнаго развитія всѣхъ измѣняемыхъ факторовъ, начинаютъ функціонировать, какъ минимумъ—геологическая структура даннаго участка земли и, особенно, климатъ. Это внѣшнія границы производительности природы. Внутреннія—представляетъ жизненная сила самого организма. „При самыхъ идеальныхъ внѣшнихъ условіяхъ, какія только можно себѣ представить, отъ пшеничнаго зерна нельзя получить ста колосьевъ съ сотней зеренъ каждое. Когда истощаются внутреннія силы, которыя получило въ наслѣдство зерно, служащее сѣменемъ, дальнѣйшее повышеніе растительныхъ процессовъ немыслимо. Такимъ образомъ, повышенію продуктивности поставлена граница, даже при самой лучшей почвѣ и подъ самымъ лучшимъ небомъ (стр. 482—3).

Итакъ, *ограниченность даровыхъ природныхъ благъ, доступныхъ истребленію, и ограниченность производительныхъ силъ природы, доступныхъ развитію—вотъ основа факта паденія производительности труда въ предѣлахъ одной и той же системы, одного и* того же способа обработки, удобренія и т. д.—вообще одного и того же вида и способа труда. Паденіе

продуктивности той системы хозяйства, котораго держалось населеніе, и есть та основная экономическая причина, которая заставляетъ населеніе разселяться, если только его не гонятъ съ насиженныхъ мѣстъ политическіе факторы. Мы принимаемъ формулу г. Маслова—„тенденція къ разсѣянію людей, существующая въ теченіе всей исторіи человѣческаго общества, вызывается паденіемъ производительности послѣдующихъ затратъ на ту же площадь земли“ (стр. 52), но съ добавленіемъ—*при одной и той же экстенсивной системѣ хозяйства*. Именно, паденіе продуктивности одной и той же экстенсивной системы хозяйства, возникающее, благодаря истощенію даровыхъ запасовъ природныхъ благъ на данной территоріи, заставляетъ населеніе или разселяться или измѣнять систему хозяйства. Измѣненіе системы, т. е. переходъ отъ скотоводства къ земледѣлію и т. д., изолированнаго и вообще натуральнаго хозяйства, обусловливается тѣмъ, что... благодаря росту населенія—трудъ, при производствѣ или добываніи другихъ продуктовъ становится производительнѣе, чѣмъ при добываніи тѣхъ продуктовъ и тѣмъ путемъ, какимъ они добывались раньше... Увеличеніе населенія ведетъ къ тому, что дикихъ животныхъ и растеній становится недостаточно для охотничьихъ племенъ, а пастбищъ для пастушескихъ. Увеличившееся населеніе должно или непроизводительно затрачивать трудъ на охоту за рѣдкими теперь животными, или на пастьбу относительно малаго количества скота, т. к. территорія для пастбищъ и охоты относительно сокращается (стр. 118). Эти слова написаны не кѣмъ инымъ, какъ г. Масловымъ. Самъ г. Масловъ сознается невольно, что на извѣстной ступени всякая экстенсивная система хозяйства становится менѣе производительной, благодаря размножившемуся населенію и сокращенію даровыхъ запасовъ природы (охота за рѣдкими животными).

Однако, вообще, вопросъ о причинахъ, толкающихъ населеніе къ разселенію, трактуется Масловымъ, такъ сказать, съ птичьяго полета, не обращаясь къ конкретнымъ фактамъ исторіи. Если же мы обратимся къ этимъ фактамъ, то увидимъ, что врядъ ли возможно всѣ разнообразныя причины разселенія сводить къ одной—къ паденію продуктивности той системы хозяйства, которой держалось населеніе. Исто-

рію разселенія главнымъ образомъ въ Россіи *) можно разбить на три части: 1) въ древнія эпохи—кіевскую и московскую, начало крѣпостной—массовыя переселенія обусловливались скорѣе *политическими*, а не экономическими причинами. Кіевляне преспокойно переходили отъ звѣроловнаго быта на земледѣліе и не думали бѣжать изъ своего благодатнаго края, пока ихъ не погнали въ междурѣчье княжескія усобицы, половцы да татары. Точно также и жители замосковнаго края не бѣжали въ концѣ XV и въ началѣ XVI в., когда сгущеніе населенія заставило ихъ перейти съ перелога на болѣе урегулированную зерновую систему, а двинулись на югъ и востокъ только въ концѣ XVI и началѣ XVII в. отъ помѣстной системы, начала закрѣпощенія, опричины, смуты, и т. д. Точно также и въ началѣ XVIII в. третій массовый отливъ населенія—результатъ петровскихъ реформъ, гоненія раскольниковъ, развитія крѣпостного права.

Вообще, до XIX столѣтія историческія указанія выдвигаютъ въ причинахъ переселенія политическіе мотивы—у насъ, гдѣ переселеніе въ средніе вѣка было довольно сильно развито. Это вполнѣ естественно, потому что до новаго времени населеніе возрастало слабо, было довольно рѣдкимъ и относительнаго перенаселенія, т. е. паденія продуктивности той системы хозяйства, которой придерживалось населеніе, не могло еще обнаружиться. Въ средневѣковой Европѣ тенденція къ переселенію была развита очень слабо: населеніе почти не возрастало, и укоренившаяся паровая зерновая система полеводства вполнѣ обезпечивала средства для существованія.

2) Слѣдующій періодъ въ исторіи разселенія — конецъ XVIII и XIX вѣкъ. Въ Европѣ и въ Россіи—въ Европѣ раньше, въ Россіи позднѣе, происходитъ быстро возрастаніе населенія: трехполье неспособно прокормить возросшее населеніе, и эмиграція усиливается абсолютно въ громадной пропорціи. Европейскіе крестьяне эмигрируютъ въ города и за океанъ—наши сначала въ Новороссію, на Кубань и на ближній Востокъ, потомъ въ Сибирь. Основная причина переселенческаго движенія этой эпохи—кризисъ *старой системы*, от-

*) Исторія Россіи есть, по словамъ Ключевскаго, исторія колонизующейся страны. На ней легче всего опредѣлить причины колонизаціи въ древности.

носительное, а иногда и обсолютное паденіе продуктивности трехполья. Кризисъ этотъ происходитъ въ Россіи на нашихъ глазахъ, и мы ясно видимъ на немъ, насколько ошибается г. Масловъ, увѣряя насъ, что разселеніе вызывается переходомъ къ новой системѣ хозяйства, о которомъ наши крестьяне еще и не помышляли.

3) Наконецъ, современная европейская эмиграція, поскольку дѣло идетъ о странахъ съ интенсивнымъ хозяйствомъ, вызывается не паденіемъ продуктивныхъ интенсивныхъ системъ, а совершенно особыми причинами—невыгодностью наемнаго труда въ сельскомъ хозяйствѣ, сравнительно съ таковымъ же въ индустріи и невозможностью вести хозяйство, способное пропитать семью на мельчайшихъ парцельныхъ участкахъ. Во всей Европѣ и у насъ въ Польшѣ эмигрируютъ не средніе трудовые земледѣльцы—число ихъ растетъ и относительно и абсолютно, а сельско-хозяйственные батраки—пролетаріатъ и полупролетаріатъ. Это явленіе свидѣтельствуетъ, такимъ образомъ, не о паденіи производительности интенсивнаго хозяйства вообще, а о паденіи *капиталистическаго* земледѣлія, приспособленнаго къ интенсификаціи.

Въ общемъ, факты реальной исторической дѣйствительности, которыхъ не касается г. Масловъ, предпочитая безпрерывное переворачиваніе на всѣ лады одного и того же голословнаго положенія, свидѣтельствуютъ, что если переселенія происходили въ зависимости отъ колебаній въ продуктивности сельскаго хозяйства, то эти колебанія возникали въ предѣлахъ той же самой экстенсивной системы земледѣлія, которой ранѣе придерживалось населеніе и что, слѣдовательно, фактъ паденія производительности человѣческаго труда при исторической смѣнѣ *разныхъ* системъ хозяйства, существованіемъ тенденціи по разсѣянію населенія никоимъ образомъ не можетъ быть доказанъ. Точно также этотъ „фактъ“ недоказуемъ и возникновеніемъ общественнаго раздѣленія труда, отдѣленіемъ индустріи отъ земледѣлія. Мы затрудняемся опредѣлить, въ какой именно моментъ аграрной эволюціи происходило это явленіе: въ моментъ-ли паденія старой системы сельскаго хозяйства или въ моментъ перехода къ новой. Думаемъ, что и г. Маслову не разрѣшить этого затрудненія, даже если онъ вплотную займется историческими изысканіями.

Да и вообще, мы не можемъ сказать—вызывалось ли развитіе общественнаго раздѣленія труда относительнымъ перенаселеніемъ или другими причинами: это чисто соціологическій вопросъ, который не относится къ сельско-хозяйственной экономіи. Несомнѣнно, емкость территоріи повышается, благодаря переходу части населенія въ индустрію; но вѣдь это происходитъ только *теперь*, когда индустрія заняла такое выдающееся мѣсто въ хозяйственной жизни многихъ странъ. Но вплоть до конца XVIII в. она отвлекала слишкомъ ничтожную часть населенія, чтобы хоть немного сокращать относительное перенаселеніе, если таковое имѣло мѣсто. Поэтому, мы думаемъ, что г. Масловъ, выставляя возникновеніе дифференціаціи профессій, какъ результатъ паденія продуктивности труда въ сельскомъ хозяйствѣ, сильно погрѣшилъ противъ исторической перспективы этого явленія.

Что касается до захвата земли господствующими классами, то г. Масловъ повидимому забылъ, что, въ концѣ-концовъ, у крестьянъ юридически была отнята *вся* земля. При такихъ условіяхъ, если бы даже переходъ къ болѣе интенсивнымъ системамъ хозяйства былъ очень продуктивнымъ, все равно, крестьянамъ пришлось бы садиться на чужія земли, т. к. своихъ у нихъ не было. Несомнѣнно и теперь важное преимущество заокеанскихъ земледѣльцевъ передъ европейскими—это свобода отъ рентнаго обложенія земель.

Итакъ, ни тенденція къ разсѣянію населенія, ни общественное раздѣленіе труда, ни захватъ земель господствующими классами не могутъ служить доказательствами паденія производительности труда при интенсификаціи. Остаются еще два аргумента: стремленіе переселившихся въ рѣдко населенныя области къ возврату на болѣе экстенсивныя системы хозяйства и повышеніе цѣнъ на хлѣбъ при интенсификаціи. Несомнѣнно, эти аргументы сильны: если трудовые земледѣльцы всѣхъ націй, безъ различія ихъ культурнаго уровня и хозяйственныхъ привычекъ, возвращаются къ интенсивнымъ системамъ, какъ только размѣры территоріи это позволяютъ—ясно, что эти послѣднія являются для нихъ болѣе производительными. Доказателенъ и фактъ повышенія цѣнъ, который, если придерживаться трудовой теоріи стоимости, свидѣтельствуетъ о паденіи производительности труда въ сельскомъ хозяйствѣ.

Но оба факта получаютъ доказательную силу только при одномъ условіи—*если не признавать производительнаго значенія творческихъ процессовъ природы.* Если считать производительнымъ только человѣческій трудъ — тогда и спорить по этому поводу нечего: всякому ясно, что, по мѣрѣ истребленія даровыхъ природныхъ благъ, производительность человѣческаго труда должна падать постольку, поскольку ея не поддерживаютъ другія стороны производства. Политическая экономія считаетъ производительнымъ только человѣческій трудъ. „Признавши трудъ единственной субстанціей абсолютной стоимости, говоритъ г. Туганъ-Барановскій, мы тѣмъ самымъ признали трудъ единственнымъ и активнымъ дѣятелемъ производства; признали, что весь *продуктъ производства является созданіемъ только труда*, конечно, съ точки зрѣнія технической; съ точки зрѣнія матеріальныхъ перемѣнъ въ процессѣ производства, человѣкъ есть такая же механическая сила, какъ и всякая другая; съ этой точки зрѣнія нѣтъ никакого различія между человѣческимъ трудомъ и трудомъ животнаго или работой машины. Но для экономиста, разсматривающаго хозяйственный процессъ съ точки зрѣнія интересовъ *человѣка*, человѣческій трудъ не можетъ быть приравненъ къ другимъ *механическимъ процессамъ*, ибо только затрата человѣческаго труда есть затрата личности человѣка. Поэтому, съ этой точки зрѣнія мы должны признавать производительнымъ только трудъ человѣка, иными словами, относить полезное дѣйствіе всѣхъ другихъ факторовъ на счетъ единственнаго *активнаго* фактора человѣческаго производства — человѣческаго труда". (Основы политической экономіи стр. 78).

Такая точка зрѣнія выросла на почвѣ отношеній, создавшихся въ индустріи, и вноситъ, какъ признаетъ авторъ, въ политическую экономію извѣстныя субъективно-этическія тенденціи. Дѣло въ томъ, что признаніе производительности за другими средствами производства, кромѣ человѣческаго труда, влечетъ за собой признаніе производительности за капиталомъ вообще. Разъ капиталъ производителенъ, то и владѣльцы капитала—капиталисты попадаютъ въ разрядъ производителей стоимости. „Стоя на точкѣ зрѣнія интересовъ трудящагося человѣка, нельзя подвергать сомнѣнію важность расцѣнки всего хозяйственнаго процесса, въ частностяхъ и въ цѣломъ, по затраченному въ процессѣ хозяйства труду.

Наоборотъ, стоя на точкѣ зрѣнія человѣка не работающаго, но получающаго доходъ, вытекающій изъ владѣнія *имуществомъ,* можно приравнивать трудъ человѣка по дѣятельности силъ внѣшней природы. Этимъ и объясняется, почему то направленіе политической экономіи, которое стоитъ на сторонѣ трудящихся классовъ, выдвигаетъ на первый планъ трудовую расцѣнку; а противоположное направленіе игнорируетъ эту расцѣнку и отрицаетъ ея самостоятельное значеніе (Ibidem *).

Мы утверждаемъ, что этотъ взглядъ возникъ на почвѣ особенностей производства въ индустріи: во 1-хъ, г. Туганъ-Барановскій говоритъ только о *механическихъ* процессахъ производства. Въ сельскомъ хозяйствѣ преобладаютъ процессы *органическіе,* къ выполненію которыхъ человѣкъ не способенъ. Поэтому въ индустріи человѣкъ замѣняетъ машину и машина—человѣка. Въ сельскомъ хозяйствѣ человѣкъ не можетъ замѣнить природу; какъ мы говорили въ первой части, трудъ человѣка производителенъ лишь условно, по существу же производительна одна природа—несомнѣнный, *активный* участникъ производства.

Во-2-хъ, *земля не есть капиталъ.*

Земля въ современномъ с. хоз. производствѣ является незамѣнимымъ факторомъ, вслѣдствіе нѣсколькихъ особенностей, въ числѣ которыхъ можно назвать слѣдующія: 1) неизмѣнность (ограниченность количества) 2) несоздаваемость 3) неперемѣщаемость, 4)неуничтожаемость и 5) практически констатируемую неисчерпаемость производительной силы. Все это, вмѣстѣ взятое, предостерегаетъ отъ смѣшенія земли съ капиталомъ—произведеніемъ рукъ человѣческихъ, хотя такое смѣшеніе встрѣчается на каждомъ шагу. (Фортунатовъ. Нѣсколько стр. изъ экономіи и статистики сельскаго хоз. ст. 5). Въ-3-хъ, антагонизмъ между предпринимателями и рабочими развитъ именно въ индустріи, т. к. въ промышленномъ, капиталистически организованномъ обществѣ преобладаютъ классы лишенныхъ средствъ производства пролетаріевъ и предпринимателей—капиталистовъ. Борьба между этими классами ведется не изъ-за средствъ производства, а изъ-за *долей доходовъ,* отсюда и проблема

*) Такого же взгляда на производительность труда придерживается г. Масловъ см. стр. 95.

распредѣленія въ политической экономіи сводится къ распредѣленію доходовъ.

Въ сельскомъ хозяйствѣ пролетаріатъ выраженъ слабо и имѣетъ тенденцію къ сокращенію. Тутъ тоже существуетъ антагонизмъ между трудовымъ и не трудовымъ классами, но на иной почвѣ—изъ-за главнаго *средства производства—земли*, которой, надо полагать, *объ стороны* (а не одна, какъ думаетъ г. Масловъ) склонны приписывать абсолютную стоимость, т. е. самостоятельную производительность. Оттого и вопросъ о распредѣленіи въ сельско-хоз. экономіи сводится къ вопросу о распредѣленіи средствъ производства.

Что касается до этической стороны вопроса, то, на нашъ взглядъ, сельско-хоз. экономія должна бы стать на защиту производительности природы изъ такихъ соображеній: истребленіе запасовъ природныхъ благъ, придающее такую „производительность“ экстенсивному хозяйству, ведетъ къ ихъ истощенію и заставляетъ слѣдующія поколѣнія усиленными затратами труда расплачиваться за хищническіе инстинкты ихъ предковъ. Мы считаемъ *съ общенародной* точки зрѣнія недопустимымъ хищническое истребленіе лѣсовъ по берегамъ рѣки, или рыбы въ рѣкахъ, или плодородія почвы въ цѣлинныхъ степяхъ, все равно, расхищаютъ ли это общенародное достояніе крестьяне, или капиталисты; и правильно поставленное законодательство, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ флорѣ и фаунѣ, всегда стремится ограничить такое хищничество.

Итакъ, если политическая экономія, стоящая на почвѣ отношеній, создававшихся въ современной индустріи, имѣетъ свои основанія признавать производительность только за человѣческимъ трудомъ, то для сельско-хозяйственной экономіи, тѣмъ болѣе, для исторіи сельскаго хозяйства, эти основанія доказательной силы не имѣютъ. Органическая дѣятельность природы слишкомъ активна, человѣку приходится слишкомъ приспособляться къ ней, чтобы можно было ограничивать ея творческую роль. Для *исторіи* же сельскаго хозяйства—главной темы нашего труда—безусловно важенъ тотъ фактъ, что запасы природныхъ благъ—величина *ограниченная* и поддающаяся уничтоженію. Какъ мы говорили, человѣкъ способенъ воздѣйствовать только на *перемѣнные* факторы производительности природы. На постоянные при-

родные факторы, о которыхъ г. Масловъ говоритъ, что они безграничны—„дождь, вѣтеръ, свѣтъ, тепло и проч.“ ст. 92), человѣкъ не можетъ воздѣйствовать, и ихъ нечего, конечно, принимать въ расчетъ: но дикая фауна и флора, естественное плодородіе почвы—ограничены и уничтожаются по мѣрѣ развертыванія хозяйственной исторіи.

Имѣя въ виду именно *ограниченныя* природныя блага, многіе экономисты, даже марксистъ Каутскій, предполагаютъ, что въ экстенсивномъ хозяйствѣ человѣкъ пользуется „дарами“ природы и только въ интенсивномъ хозяйствѣ земледѣльческіе продукты получаются, благодаря затратѣ труда“ (Ibidem). Пора бы, наконецъ, г. Маслову вникнуть поглубже въ сущность с. хоз. производства, иначе онъ всегда будетъ вносить путаницу въ свои теоретическія построенія, которая обнаруживается на каждомъ шагу и которую не легко иногда распутать.

Мы говорили выше, что хозяйственная дѣятельность человѣка, по отношенію къ ограниченнымъ природнымъ благамъ, слагается изъ двухъ противоположныхъ процессовъ; изъ ихъ истребленія и послѣдующаго возстановленія и развитія. Истребивши дикихъ звѣрей, человѣкъ приручилъ и развелъ стада дикихъ животныхъ; уничтоживши естественное плодородіе почвы, человѣкъ развиваетъ его посредствомъ удобренія и сложныхъ сѣвооборотовъ. Представляя изъ себя перемѣнную величину, ограниченные запасы природныхъ благъ, истребленіе которыхъ требуетъ сравнительно небольшихъ усилій, должны быть приняты историкомъ во вниманіе при учетѣ производительности труда въ разныя эпохи. Основой дѣленія системъ хозяйства на экстенсивныя и интенсивныя, служитъ, какъ говоритъ г. Булгаковъ, „большее или меньшее участіе даровыхъ силъ природы“. Силы эти *активно* участвуютъ въ производствѣ въ различной степени въ различныхъ системахъ хозяйства. Г. Масловъ, который отрицаетъ за даровыми природными благами способность повышать производительность труда, однако признаетъ такую повышающую роль за „техникой“, т. е. орудіями производства. „Техническій прогрессъ увеличиваетъ производительность труда“. Точно также увеличиваютъ производительность труда и даровыя природныя блага, которыя, представляя перемѣнную величину, даютъ перевѣсъ этой производительности въ болѣе экстенсивныхъ системахъ.

Истребленіе даровыхъ природныхъ благъ убываетъ съ ходомъ аграрной эволюціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ расширяется другая сторона хозяйственной дѣятельности—*развитіе* производительныхъ силъ природы, которое опять-таки, какъ мы указывали, имѣетъ свой предѣлъ въ ограниченности этихъ силъ: изъ одного зерна нельзя получить десять пудовъ при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ. Съ этой ограниченностью человѣкъ борется посредствомъ *усложненія* процессовъ труда. Достигая предѣловъ повышенія продуктивности одного фактора, человѣкъ переходитъ къ другому, не оставляя безъ вниманія и первый. Постепенно въ ходѣ исторіи человѣческое воздѣйствіе распространяется на все большее количество факторовъ производительности земли, поэтому процессъ эволюціи сельско-хозяйственнаго производства заключается не въ раздѣленіи труда и упрощеніи пріемовъ, а въ *соединеніи* различныхъ видовъ труда и въ *усложненіи* пріемовъ. Усложненіе труда, смѣна двуполья—многопольемъ, посѣва одного-двухъ злаковъ—десятками ихъ, созданіе изъ трехъ-четырехъ породъ животныхъ и сортовъ растеній безчисленнаго множества, вспахиваніе почвы, вмѣсто одного—нѣсколько разъ, развитіе ухода за животными организмами, внесеніе въ почву разнообразныхъ видовъ удобреній, наконецъ, усложненіе орудій обработки и ухода—все это служитъ къ развитію производительности труда въ извѣстныхъ границахъ *).

---

*) Г. Масловъ упорно и бездоказательно продолжаетъ настаивать на томъ, что только усовершенствованныя орудія способны увеличивать производительность труда. Мы не склонны еще разъ трудиться надъ доказательствомъ столь очевидной для насъ истины, доступной и статистической повѣркѣ (на опытныхъ поляхъ, въ частныхъ имѣніяхъ и пр.) и доказанной нами въ первой части, а приглашаемъ г. Маслова призадуматься хотя бы надъ слѣдующими словами критика и товарища его по журналу и направленію, относящагося въ общемъ весьма благосклонно къ новой работѣ автора. „Намъ хотѣлось бы только, чтобы авторъ далъ надлежащее широкое опредѣленіе понятію техническаго прогресса: иногда получается впечатлѣніе, что онъ понимаетъ подъ этимъ только усовершенствованіе орудій и машинъ и развитіе производительныхъ силъ ставитъ въ зависимость отъ этого послѣдняго. А между тѣмъ Марксъ, анализируя ренту, говоритъ въ одномъ мѣстѣ: „относительно развитія производительности земли при послѣдующихъ затратахъ капитала слѣдуетъ посмотрѣть Либиха“ (Das kapital III. B. 2 Theie Hamb. 1909, s. 277). Простое измѣненіе удобренія, смѣна культуръ, подсказываемая наукой, можетъ производить громадный эффектъ. Въ упрекъ автору можно поставить и то, что онъ не откликается въ книгѣ на новѣйшую литературу по столь

И только при высшемъ разнообразіи, наблюдаемомъ въ интенсивныхъ системахъ, человѣкъ достигъ планомѣрнаго *систематическаго развитія производительности своего труда*, и ему уже не грозитъ его паденіе, какъ это неизбѣжно бываетъ при экстенсивныхъ системахъ. Статистическія данныя доказываютъ весьма убѣдительно, что производительность труда въ странахъ съ интенсивнымъ хозяйствомъ растетъ. Такъ, въ Пруссіи на одного жителя приходилось въ 1879—86 г.г.—47 кил. пшеницы, въ 1886—95 г.г.—57 кил.; ржи 138 и 144 кил., не говоря уже о томъ, что при развитіи плодосмѣна площадь подъ зерновыми хлѣбами не увеличивается, а растутъ посѣвы травъ, корнеплодовъ и другихъ интенсивныхъ культуръ. И, что особенно замѣчательно, производительность труда при интенсивныхъ системахъ въ Европѣ прогрессируетъ, *несмотря на паденіе цѣнъ*.

Наше краткое изложеніе современной постановки вопроса о паденіи производительности человѣческаго труда съ ходомъ аграрной эволюціи, указываетъ, что, во всякомъ случаѣ, этотъ вопросъ спорный. Спорность его, какъ это ни странно, признаетъ и г. Масловъ; „вопросъ о томъ, увеличивается ли производительность земледѣльческаго труда при интенсификаціи хозяйства или падаетъ—является и до сихъ поръ спорнымъ“ (стр. 286). Въ сущности мы имѣемъ дѣло не съ однимъ, а съ двумя вопросами: во-первыхъ, съ вопросомъ объ измѣненіи производительности труда *въ предѣлахъ одной и той же системы хозяйства*: во-2-хъ, о колебаніяхъ этой производительности при смѣнѣ хозяйственныхъ системъ, въ общемъ ходѣ аграрной эволюціи.

1) Рѣшеніе перваго вопроса намъ представляется въ такомъ видѣ: каждая экстенсивная система (т. е. такая система хозяйства, при которой человѣкъ истребляетъ тѣ или иные запасы даровыхъ природныхъ благъ) проходитъ три стадіи: стадію опытовъ и организаціи, при которой производительность труда не такъ велика, стадію наивысшей производительности и послѣднюю стадію—истощенія природныхъ благъ и паденія производительности труда. Къ экстен-

---

важному для него вопросу о производительности земледѣльческаго труда (напр. статьи проф Waterstradt'a, Ballod'a книжку Howard'a) и вообще нѣсколько пренебрежительно относится къ противникамъ „закона“, убывающаго плодородія земли (Рецензія г. Бернацкаго, см. Современный міръ 1910 г. № 6).

сивнымъ системамъ относятся: охотничья, пастбищная, переложная и паровая зерновая.

Переходъ къ интенсивнымъ системамъ составляетъ улучшенная зерновая съ травопольемъ, чисто-интенсивная—плодосмѣнъ. Въ этой послѣдней развитіе производительности труда, при планомѣрномъ развитіи всѣхъ сторонъ производительности земли, какъ показываютъ статистическіе факты, вполнѣ обезпечено.

2) Второй вопросъ представляется болѣе сложнымъ и спорнымъ. Производительность человѣческаго труда, при смѣнѣ разныхъ системъ, растетъ, благодаря *усложненію* труда, посредствомъ котораго развивается производительность земли, но падаетъ вслѣдствіе истощенія даровыхъ запасовъ природныхъ благъ и ограниченности производительныхъ силъ природы. Мы думаемъ, что вопросъ этотъ могъ бы быть рѣшенъ только *статистическимъ* способомъ: если бы было возможно учесть время, потраченное охотникомъ на поиски и выслѣживаніе дичи, на передвиженіе, съ истощеніемъ однихъ участковъ на новые; время, потраченное кочевниками на отыскиваніе пастбищъ и на переходъ съ вытравленныхъ пастбищъ на свѣжія *); если подсчитать затраты подсѣчнаго хозяйства на вырубку лѣса, а залежнаго на поднятіе нови и т. д.; если учесть трудовую стоимость производства *въ разные моменты развитія каждой системы хозяйства*—въ ея началѣ, при наивысшемъ развитіи и неизбѣжномъ паденіи, и вывести *среднее* изъ этихъ подсчетовъ—только тогда, сравнивая эти средніе между собой, мы могли бы вынести правильное рѣшеніе по вопросу о развитіи производительности труда въ разныхъ системахъ хозяйства. Но это практически почти неосуществимо**) и остается до-

*) Въ до-земледѣльческомъ фазисѣ главныя затраты труда сводятся къ передвиженію. У киргизъ, „постоявъ на мѣстѣ два-три дня, аулъ поднимается и перекочевываетъ нѣсколько далѣе, на новое мѣсто, на которомъ опять-таки остается два-три дня, вновь поднимаясь по истеченіи этого времени". Ермоловъ. «Организація полевого хозяйства» (стр. 83). Тѣмъ, кто ратуетъ за продуктивность наиболѣе экстенсивныхъ системъ, не приходитъ на умъ считаться съ этими затратами труда.

**) Г. Масловъ, пытается, впрочемъ, статистически доказать большую продуктивность экстенсивныхъ системъ. На стр. 369 онъ приводитъ таблицу сбора хлѣбовъ на души въ странахъ съ экстенсивнымъ и интенсивнымъ хозяйствомъ. При этомъ онъ забываетъ, что въ экстенсивныхъ странахъ сѣются почти одни зерновые хлѣба, а въ интенсивныхъ—отъ

вольствоваться словесными доказательствами, при которыхъ субъективные взгляды, подсказываемые часто посторонними соображеніями, превалируютъ надъ фактическими аргументами. Въ общемъ, вѣроятно, производительность труда растетъ съ интенсификаціей, но значительно менѣе, чѣмъ въ индустріи. „Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что повышеніе вообще произошло, что, благодаря успѣхамъ науки техники и въ сельскомъ хозяйствѣ можно произвести больше продуктовъ при одномъ и томъ же количествѣ труда. Но это повышеніе продуктивности гораздо скромнѣе, чѣмъ повышеніе продуктивности за тотъ же періодъ времени въ области механическаго производства. Въ то время, какъ въ послѣдней, при томъ же количествѣ труда можно произвести въ десять разъ больше продуктовъ, въ сельскомъ хозяйствѣ не вполнѣ еще удается производить двойное количество продуктовъ“ (Давидъ стр. 501). Интенсивныя системы земледѣлія въ Европѣ находятся еще въ началѣ своего развитія и нельзя предугадать, до какой степени онѣ способны поднять производительность труда: пока же недостаточность роста продуктивности европейцы возмѣщаютъ при помощи хищническаго истребленія естественнаго плодородія почвы тамъ, гдѣ это еще возможно.

Итакъ, „фактъ“ паденія производительности труда въ сельскомъ хозяйствѣ—не „фактъ“ и не „законъ“, а спорный вопросъ, и надо удивляться, какъ г. Масловъ, признавая спорность этого „факта“, рискнулъ соорудить на его зыбкомъ фундаментѣ свою теорію развитія не только сельскаго хозяйства, но и производительныхъ силъ населенія вообще.

Безспорно только одно положеніе, молчаливо или громко признаваемое всѣми: общій ходъ аграрной эволюціи неразрывно связанъ *съ развитіемъ производительности земли*. Въ каждой данной странѣ, въ каждой мѣстности человѣкъ начинаетъ съ истребленія природныхъ благъ, потомъ переходитъ на ихъ возстановленіе и развитіе и всегда при этомъ *увеличиваетъ сумму продуктовъ, получаемыхъ съ еди-*

$^1/_4$ до $^1/_2$ и болѣе культурной площади занято корнеплодами, травами и пр., урожай которыхъ, въ источникахъ, служившихъ автору для составленія его таблички, не публикуется Если прибавить эти продукты къ зерну, то, какъ мы показали въ первой части, на душу земледѣльческаго населенія въ Германіи придется больше с.-хоз. продуктовъ, чѣмъ въ Соединенныхъ Штатахъ.

ницы площади. Къ этому развитію человѣкъ непрестанно побуждается ростомъ населенія и его потребностей, и пока этотъ ростъ существуетъ, до тѣхъ поръ развитіе производительности земли будетъ составлять основную тенденцію, основной принципъ аграрной эволюціи. Въ зависимости отъ этого основного принципа происходитъ и эволюція *распредѣленія* средствъ производства.

§ 3, Вліяніе населенности, природныхъ и политическихъ факторовъ на эволюцію распредѣленія. Основной принципъ эволюціи.

А) Вліяніе природныхъ факторовъ. Условія образованія и паденія крупнаго и капиталистическаго хозяйства.

Развитіе производительности земли происходитъ подъ вліяніемъ роста и уплотненія населенія. Ростъ населенія заставляетъ получать съ единицы площади возрастающее количество продуктовъ. Природа, предоставленная самой себѣ, производитъ лишь ограниченное количество продуктовъ, и на первыхъ ступеняхъ развитія населеніе должно быть очень рѣдкимъ, чтобы пропитаться однимъ голымъ истребленіемъ даровыхъ природныхъ благъ. При звѣроловномъ хозяйствѣ, одинъ человѣкъ можетъ просуществовать на площади въ квадратную милю въ странахъ съ благопріятнымъ климатомъ и въ десять миль въ суровыхъ сѣверныхъ странахъ. Съ переходомъ на пастушеское хозяйство емкость территоріи увеличивается, и на квадратной милѣ проживетъ уже отъ 40 до 100 человѣкъ; при переходѣ къ переложному земледѣлію емкость территоріи поднимается до 200—500 человѣкъ на кв. милю, при трехпольи—до 1000—2000 чел. и при интенсивномъ хозяйствѣ средней Европы—отъ 2000 до 4000 чел Но это повышеніе емкости территоріи, само по себѣ не предрѣшаетъ еще характера эволюціи распредѣленія средствъ производства. Вѣдь въ городахъ населеніе также растетъ, и въ настоящее время еще быстрѣе, чѣмъ въ деревняхъ, и однако средства производства въ индустріи не дробятся, а концентрируются. То же самое могло быть и въ сельскомъ хозяйствѣ; если бы естественныя условія благопріятствовали концентраціи производства,

то, при постепенномъ уплотненіи населенія, территоріальные размѣры отдѣльныхъ хозяйствъ могли оставаться неизмѣнными или даже увеличиваться; такимъ образомъ въ каждомъ отдѣльномъ хозяйствѣ сосредоточивалось бы все больше работниковъ, орудій, скота и прочихъ средствъ производства; каждое хозяйство увеличивало бы количество добываемыхъ продуктовъ, иначе говоря, становилось бы крупнѣе по размѣрамъ производства. Охотничье хозяйство, трансформируясь въ пастушеское, на одной и той же квадратной милѣ обнимало бы не одного-двухъ человѣкъ, а 10—40 и соотвѣтственно большее количество животныхъ; переложное 200—500, трехпольное—тысячу со всѣми орудіями и т. д. Словомъ, уплотненіе населенія, связанное съ возрастаніемъ средствъ производства и продуктовъ, добываемыхъ на единицѣ площади независимо отъ другихъ условій, само по себѣ могло бы повести къ *концентраціи* средствъ производства въ немногихъ хозяйствахъ—все равно, коллективныхъ или единоличныхъ, съ наемнымъ трудомъ и къ *дробленію* площади, а за ней и остальныхъ средствъ производства между возросшимъ населеніемъ, постоянно распадающимся на все большее количество отдѣльныхъ самостоятельныхъ хозяйствъ. Концентрація производства могла бы легко найти точку опоры *въ захватѣ земли господствующими классами*, развившемся къ X—XI в.в. въ Европѣ и къ XVI вѣку у насъ. Послѣ революціи и реформъ земля, по большей части, осталась въ рукахъ этихъ классовъ. Въ индустріи никогда не было и не могло быть явленія, подобнаго этому захвату: однако теперь средства производства въ индустріи сконцентрировались въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ въ сельскомъ хозяйствѣ, гдѣ большая часть ихъ во всѣхъ странахъ раздробилась между милліонами мелкихъ и среднихъ хозяевъ. Почему же въ сельскомъ хозяйствѣ не произошло такой концентраціи средствъ производства, когда политическія условія, создавшія концентрацію землевладѣнія, подготовили почву для этого процесса?..

Представители того направленія въ экономической литературѣ, къ которому принадлежитъ пишущій эти строки, склонны относить всѣ недостатки крупно-капиталистическаго хозяйства, не дающіе ему развиваться въ земледѣліи,—къ послѣдней половинѣ этого термина, т. е. на счетъ отрицательныхъ качествъ земледѣльческаго капитализма. По ихъ

мнѣнію, крупное хозяйство *вообще* въ земледѣліи даетъ такія же преимущества для организаціи производства, какъ и въ индустріи, но „капитализмъ, при наличныхъ хозяйственныхъ условіяхъ и является той слабой стороной крупнаго хозяйства, которая парализуетъ ея техническія преимущества. Сильной стороной мелкаго хозяйства даннаго историческаго момента... является именно отсутствіе въ немъ чертъ капиталистическаго хозяйства, и это даетъ ему силу не только бороться, но до извѣстной степени, даже побѣждать крупное, при всѣхъ своихъ органическихъ порокахъ и техническихъ несовершенствахъ. *). Первый, обратившій вниманіе на смѣшеніе понятій крупнаго и капиталистическаго хозяйства, былъ В. Черновъ, отмѣтившій путаницу, возникшую, благодаря этому въ разсужденіяхъ Каутскаго. Выводъ г. Чернова таковъ: „кооперація, обобщеніе труда и собственности все въ большихъ и большихъ размѣрахъ развертываетъ передъ нами безконечно растущую цѣпь выгодъ и преимуществъ, но *капиталистическая* форма этого обобщенія не даетъ многимъ изъ нихъ проявиться или парализуетъ ихъ своими своеобразными невыгодами, которыхъ было чуждо хозяйство, когда его еще не угнетала власть денегъ и капитала". Такимъ образомъ, добавляетъ Карышевъ, крупная кооперація безъ капиталистической формы предпріятія—таково, повидимому, рѣшеніе вопроса, вытекающее изъ приведенныхъ соображеній". Самъ Карышевъ цѣликомъ присоединяется къ взгляду В. Чернова. „Не трудно видѣть, что всѣ аргументы противъ крупнаго хозяйства, въ сущности имѣютъ въ виду лишь разные виды затрудненій, которыя встрѣчаетъ капитализмъ въ примѣненіи къ сельскому хозяйству" (стр. 161).

Особенно широко развилъ идею о непригодности капиталистическаго и преимущества крупнаго коллективнаго хозяйства въ земледѣліи г. Сухановъ въ недавно появившейся работѣ: „къ вопросу объ эволюціи сельскаго хозяйства". Авторъ склоненъ весь характеръ эволюціи распредѣленія въ сельскомъ хозяйствѣ, т. е. выяснившуюся тенденцію къ дроблению хозяйствъ, объяснять исключительно неспособностью земледѣльческаго капитализма не только не

*) Н. Карышевъ. Изъ литературы вопроса о крупномъ и мелкомъ сельскомъ хозяйствѣ, стр. 167.

организовать производство, но даже бороться изъ-за рабочихъ рукъ съ индустріальнымъ капитализмомъ. Въ тѣхъ районахъ, гдѣ индустрія развита сильнѣе—тамъ земледѣльческій капитализмъ выраженъ болѣе слабо, т. к. рабочіе предпочитаютъ уходить изъ деревень въ города, гдѣ заработная плата выше. „По мѣрѣ развитія промысловой дѣятельности производящаго населенія какой-нибудь мѣстности, значеніе въ ней крупныхъ земледѣльческихъ хозяйствъ и земледѣльческаго капитализма понижается“ (стр. 345). Поэтому индустріализація народнаго хозяйства неизбѣжно приводитъ къ паденію земледѣльческаго капитализма. „Неблагопріятныя для предпринимательскаго капитала свойства земледѣльческаго производства не позволяютъ сельско-хозяйственнымъ предпринимателямъ довести экономическій уровень рабочихъ до нормальнаго въ странѣ экономическаго уровня пролетаріата: рабочіе обращаются къ инымъ сферамъ приложенія труда и заставляютъ предпринимателей искать иныхъ сферъ приложенія капитала“ (стр. 401).

Такимъ образомъ крупное хозяйство не организуется въ земледѣліи, только благодаря неспособности къ этому земледѣльческаго капитализма: естественныя же условія производства указываютъ на „громадныя преимущества *крупнаго* земледѣлія—по существу своему и по характеру тѣ же самыя, что и въ индустріи“ (стр. 82).

Мы лично придерживаемся нѣсколько иного взгляда на этотъ вопросъ, что должно быть извѣстно читателю, ознакомившемуся съ первой частью нашего труда. Но г. Пѣшехоновъ въ своей рецензіи на эту книгу (Русск. Богатство 1909 г. № 8) послалъ намъ упрекъ въ той же провинности, какую обнаружилъ В. Черновъ у Каутскаго: въ смѣшеніи понятій крупнаго и капиталистическаго хозяйствъ. Поэтому мы постараемся въ дальнѣйшемъ изложеніи возможно тщательно разграничить эти понятія.

Сдѣлать это намъ довольно легко: земледѣльческое *капиталистическое* хозяйство появляется только въ XVII в. въ Англіи, въ XVIII в. на континентѣ Европы и въ началѣ XIX в. у насъ, вмѣстѣ съ развитіемъ народнаго и международнаго рынка. Крупное капиталистическое хозяйство, будучи по своей природѣ товарнымъ, немыслимо безъ образованія рынка. Но крупное хозяйство *вообще* и въ коллективной и въ индивидуальной формѣ вполнѣ воз-

можно и при отсутствіи рынка и исторія свидѣтельствуетъ, что обѣ формы крупнаго хозяйства существовали, *но лишь на первыхъ ступеняхъ хозяйственной эволюціи.* Слѣдовательно, мы можемъ разсмотрѣть причины образованія и паденія крупнаго и капиталистическаго хозяйства въ отдѣльныхъ формахъ.

Коллективно-крупное хозяйство, въ видѣ ли, просто, тотемической группы, въ видѣ ли рода или крупной семьи, или артели товарищей-складниковъ, сябровъ, постоянно сопутствовало тѣмъ стадіямъ хозяйственной жизни, которыя соотвѣтствуютъ *до*-земледѣльческому фазису и періоду самаго экстенсивнаго переложнаго земледѣлія. Охотники бродятъ группами; кочевники путешествуютъ по степямъ мелкими и крупными родами; на нашемъ сѣверѣ въ XVI—XVIII в. в. на югѣ въ Малороссіи въ XVII и въ половинѣ XVIII в., въ западномъ Польшѣ въ XV в. еще очень распространены коллективныя формы хозяйства, основанныя на семейномъ или товарищескомъ началѣ. Сейчасъ, въ общинѣ уральскаго казачьяго войска сохраняются коллективныя формы рыболовства и сѣнокошенія.

Германцы, въ эпоху Цезаря, вели обработку земли родовыми группами: „земля не только составляла собственность племени, но и обработка земли производилась совмѣстно родами, а не отдѣльными лицами, сопряженныя съ огромнѣйшими усиліями, при отсутствіи сколько-нибудь удовлетворительныхъ орудій, вырубки и выкорчеваніе дремучихъ лѣсовъ мыслимы были лишь соединенными силами многихъ“ *).

Съ окончательнымъ переходомъ на земледѣліе, съ вытѣсненіемъ перелога паровой зерновой системой заканчивается эра преобладанія крупнаго коллективнаго хозяйства. Его разложеніе начинается съ осѣданіемъ на землю: племена разлагаются на роды, роды на мелко-родовыя группы, (сложныя семьи—задруги). сложныя семьи замѣняются товариществами сябровъ; товарищества распадаются на отдѣльныя семьи.

То же самое происходитъ и съ крупнымъ индивидуальнымъ хозяйствомъ. Въ началѣ среднихъ вѣковъ, когда на-

*) Кулишеръ. Лекціи по исторіи экономическаго быта Западной Европы, стр. 5.

копленіе с.-хоз. капитала было такимъ легкимъ, благодаря войнамъ, данямъ и внѣшней торговли, мы еще видимъ, что орудія производства—живой и мертвый инвентарь—скопляются въ рукахъ князей и бояръ. На этой почвѣ иногда, при безграничномъ земельномъ просторѣ, возникаютъ крупныя хозяйства: княжескія стада достигаютъ 4000 гол. лошадей; на гумнахъ у нихъ оказывается 900 скирдъ хлѣба. Князьямъ и боярамъ, содержавшимъ многочисленныя дружины, было основаніе заводить свое крупное хозяйство: дружины изъ 1700—3-хъ тысячъ душъ, какъ у Шимана Варяга, или Родіона Несторовича требовали очень большого количества земледѣльческихъ продуктовъ для прокормленія. Препятствіемъ широкому развитію крупныхъ индивидуальныхъ хозяйствъ служила подвижность военно-служилаго класса и князей, наиболѣе рѣзко проявлявшаяся въ кіевскую и отчасти въ удѣльную эпоху. Однако, и крупныя индивидуальныя хозяйства, которыя образовались въ *до*-земледѣльческомъ фазисѣ, исчезаютъ съ развитіемъ земледѣлія; вмѣсто того, чтобы распахивать землю *для себя*, древніе крупные владѣльцы скота и орудій предпочитаютъ сдавать ихъ въ наемъ мелкимъ владѣльцамъ. Крупное хозяйство ведется только въ звѣроловномъ промыслѣ и бортничествѣ: князья расхватываютъ себѣ „бобровые гоны“ и рыбные „ѣзы“, бортные „ухожаи“ и прочіе „лакомые куски тогдашней народной экономіи“. Съ уничтоженіемъ этихъ лакомыхъ кусковъ, исчезаютъ слѣды крупнаго хозяйства, сохраняясь только въ монастыряхъ, которые не могутъ быть принимаемы въ разсчетъ, т. к. организація и благоустройство покоятся на религіозномъ чувствѣ народныхъ массъ—т. е. на чисто психологическихъ основахъ.

Только съ экономической дифференціаціей областей, съ образованіемъ внутренняго и внѣшняго рынка возрождается въ расширенныхъ размѣрахъ индивидуальное крупное хозяйство, коллективное же еще до сихъ поръ представляетъ далекій идеалъ.

Почему же эти формы крупнаго хозяйства разлагаются съ переходомъ на земледѣліе, т. е. съ дальнѣйшей эволюціей производства? Для индивидуально-крупнаго хозяйства отвѣтъ ясенъ: во 1-хъ—благодаря подвижности служилаго класса землевладѣльцевъ, во 2-хъ—и это гораздо важнѣе

—вслѣдствіе трудности транспорта и тогдашней дешевизны громоздкихъ зерновыхъ продуктовъ.

Но для коллективной организаціи мелкихъ потребительно-трудовыхъ хозяйствъ этихъ причинъ не существовало: и тогда и теперь, при общинной и при подворно-черезполосной формѣ землепользованія, мы не можемъ найти причинъ, препятствующихъ крестьянамъ перейти къ коллективному хозяйству, если только онѣ не лежатъ *въ технико-экономическихъ условіяхъ производства.* Вѣдь ясно для каждаго, какія измѣненія затраты труда, капитала и времени происходятъ отъ раздробленности мелкихъ индивидуальныхъ хозяйствъ, сколько мѣста тратится на межи, сколько лишнихъ лошадей, сохъ и плуговъ приходится держать, сколько лишнихъ конюшенъ амбаровъ, хлѣвовъ строить и пр. Малокультурность средневѣковаго и современнаго крестьянства здѣсь не причемъ, древніе складники—сябры, были, надо полагать, еще менѣе культурны.

Вѣроятно, большую роль въ разложеніи рода, задруги, артели играли психологическія эмоціи—ростъ сознательности личности, напримѣръ. Но мы не можемъ останавливаться на психологическихъ элементахъ эволюціи, хотя бы ихъ значеніе и было велико. Наша задача—выяснить—какія *экономическія* условія заставили трудовую массу раздробить и индивидуализировать свое хозяйство при переходѣ на земледѣліе и препятствовали возникновенію крупно-коллективныхъ организацій. Препятствія эти слѣдующія.

1) *Пространство*—т. е. территоріальные размѣры каждаго хозяйства. Производство неразрывно связано съ землей. При развитіи производительности земли, для того, чтобы съ единицы площади получать возрастающее количество продуктовъ, надо увеличивать на эту площадь затраты труда. Человѣческій трудъ, какого бы рода онъ ни былъ, сводится, какъ извѣстно, въ конечномъ счетѣ, къ механическому движенію. Вся сельско-хозяйственная работа сводится также къ движенію по землѣ. Съ интенсификаціей производства неразрывно связано *увеличеніе количества передвиженій по площади*: охотникъ проходитъ не по всей площади, а лишь по небольшой части ея, въ пастушескомъ хозяйствѣ эта часть увеличивается, а въ земледѣліи человѣкъ за сохой, бороной и косой, шагъ за шагомъ, проходитъ всю площадь и, чѣмъ интенсивнѣе система земледѣлія,

тѣмъ большее количество разъ. Понятно, что при необходимости совершать возрастающее количество передвиженій по обработкѣ поля, уходу за растеніями, наконецъ, по уборкѣ и перевозкѣ тяжестей, размѣры обрабатываемой территоріи должны сокращаться. Когда при переложномъ земледѣліи съ 3—5 десятинъ собиралось 30—40 пудовъ урожая—неважно, что усадьба находится въ 2—3 верстахъ отъ поля: но, когда, при плодосмѣнѣ съ одной десятины свозится отъ 200 до 1000 и болѣе пудовъ зерна, соломы, корнеплодовъ, да наваливаются сотни и тысячи пудовъ удобренія—при такомъ разстояніи, издержки по транспорту поглотятъ весь доходъ. „Въ Германіи, уже на разстояніи полутора километровъ... чистый доходъ поглощается повышенными издержками производства“ *).

Издержки по транспорту тяжестей, растущія по мѣрѣ интенсивности, представляютъ *созданіе непродуктивныя затраты труда*—и этими издержками, въ значительной степени обусловливается территоріальное сокращеніе размѣровъ хозяйствъ, все равно, мелкихъ или крупныхъ, трудовыхъ или капиталистическихъ. Рошеръ говоритъ: „чѣмъ больше затрачивается на землю труда и капитала, тѣмъ затруднительнѣе должны дѣйствовать переходы рабочихъ, дальняя перевозка навоза, доставка жатвы...

Поэтому, уже въ самой природѣ интенсивнаго сельскаго хозяйства заключается вполнѣ достаточное основаніе, почему большія, какъ и среднія и мелкія сельско-хозяйственныя единицы вмѣстѣ съ прогрессомъ всего народнаго хозяйства, имѣютъ тенденцію уменьшаться въ размѣрахъ“.

„Въ величинѣ поля производства уже заключается моментъ, который *удорожаетъ* производство и поэтому дѣйствуетъ, какъ тенденція къ уменьшенію площади: тенденція, сила которой увеличивается вмѣстѣ съ необходимостью изъ данной земли извлечь большее количество продуктовъ“ (Давидъ).

„Ростъ количества средствъ производства и затраты труда, при ограниченности поля ихъ приложенія, есть законъ развитія сельскаго хозяйства, вполнѣ противоположный развитію индустріи—онъ повелъ во многихъ странахъ

*) Конрадъ. Сельское хозяйство и аграрная политика, ч. I, стр. 40. М. 1910.

къ прогрессивному уменьшенію *размѣровъ* и увеличенію *числа* сельско-хозяйственныхъ предпріятій, насколько при этомъ являлись руководителями технико-экономическія соображенія“ (Зерингъ).

„Необходимость уменьшенія среднихъ размѣровъ хозяйства, вытекающая изъ роста его интенсивности есть общепризнанная въ настоящее время истина, отрицаемая развѣ только по недоразумѣнію“ (Булгаковъ).

Число цитатъ можно было бы, по желанію, увеличить и прибавить къ перечисленнымъ авторамъ, напримѣръ, даже Каутскаго. Но оставимъ цитаты; возьмемъ факты: въ Австраліи на одно хозяйство приходится въ среднемъ 290 гектаровъ, въ Канадѣ 173,3, Соединенныхъ Штатахъ 58,6, Россіи 18,7, во Франціи 8,7, Германіи 7,8, Японіи 0,8. У насъ въ Россіи на югѣ и востокѣ, гдѣ земледѣліе экстенсивнѣе, средніе размѣры площади крестьянскихъ хозяйствъ выше и постепенно сокращаются по направленію къ сѣверу и западу. Эта тенденція къ дробленію площади при интенсификаціи, вполнѣ ясна для всякаго, занимавшагося исторіей и статистикой сельскаго хозяйства. И намъ хотѣлось бы, чтобы авторы, столь настаивающіе на преимуществахъ крупнаго *некапиталистическаго* хозяйства, обратили бы подобающее вниманіе на роль и значеніе пространства въ земледѣліи. Непроизводительныя затраты по транспорту ограничиваютъ постоянно суживающимися рамками территорію каждаго отдѣльнаго хозяйства любого типа, и современная техника пока не находитъ способа перешагнуть черезъ эти рамки.

2) *Усложненіе труда.* Въ сельскомъ хозяйствѣ примѣненіе техническаго раздѣленія труда (сложнаго сотрудничества) развито очень слабо. Въ индустріи техническое раздѣленіе труда неуклонно ведетъ къ *концентраціи* средствъ производства. Чтобы всѣ расчлененные пріемы труда были цѣлесообразно выполнены, необходимо, чтобы они производились по одному опредѣленному плану, подъ однимъ руководствомъ. Чѣмъ проще каждый пріемъ, тѣмъ онъ становится производительнѣе, т. к. тѣмъ быстрѣе идетъ движеніе руки человѣка или машины. Простота достигается усиленнымъ расчлененіемъ пріемовъ; усиленное расчлененіе ведетъ къ тому, что процессъ производства одного и того же продукта охватываетъ все большую группу людей и

машинъ, занятыхъ въ немъ, а т. к. эта группа должна работать для одной цѣли, то и происходитъ концентрація производства подъ однимъ управленіемъ по одному плану.

Въ сельскомъ хозяйствѣ техническое раздѣленіе труда не идетъ далѣе „общественнаго производства въ малыхъ размѣрахъ“, объединяющаго группы людей изъ 4—6 и не болѣе 10—15 человѣкъ. „Если бы цѣлая крестьянская община была объединена въ одну большую группу, то *при громадномъ числѣ работъ*, ее все-таки пришлось бы раздѣлить на такія небольшія организованныя группы“ (Давидъ). Усложненіе труда, сопряженное съ постояннымъ переходомъ отъ одного процесса труда къ другому—отъ вспашки къ бороньбѣ, окапыванью, полкѣ и т. д., съ поля въ хлѣвъ, на гумно, въ садъ, огородъ—не даетъ возможности образовать большія группы рабочихъ, занятыхъ различными упрощенными пріемами одного и того же процесса. Если упрощеніе труда ведетъ къ концентраціи производства, то усложненіе приводитъ къ обратнымъ результатамъ къ *дробленію* и индивидуализаціи производства.

Крупное производство въ земледѣліи, какъ мы уже указывали въ первой части—не фабрика, не общественное производство въ крупныхъ размѣрахъ, а индивидуальное производство въ крупныхъ размѣрахъ—не органическое цѣлое, а всегда аггретатъ и потому всегда можетъ быть по произволу увеличено или уменьшаемо“ (Зомбартъ). Площадь крупнаго имѣнія, почти безъ всякаго ущерба для производства можетъ быть разрѣзана на площади среднихъ и мелкихъ размѣровъ. А пусть кто-нибудь попробуетъ разрѣзать фабрику на куски—и получатся куски мертваго тѣла, а не отдѣльные жизнеспособные хозяйственные организмы.

Съ переходомъ на земледѣліе сокращается значеніе простого сотрудничества—столь важнаго элемента въ до-земледѣльческомъ хозяйствѣ.

Крупныя задружныя хозяйства перестаютъ быть нужными и чѣмъ чаще плугъ врѣзывается въ землю, тѣмъ быстрѣе разрушаются основанныя на необходимости простого сотрудничества крупно-коллективныя хозяйства. Каждый осѣдаетъ на свою полосу: если эту полосу станутъ пахать десять человѣкъ, вмѣсто одного—никакого толка, кромѣ излишне-потраченнаго труда, не получится. Простому сотрудничеству, какъ и сложному, въ земледѣліи остается очень мало мѣста—

разныя „помочи“, „супряги“, совмѣстные покосы вовсе не обязательны, т. к. не вытекаютъ, какъ при охотѣ, рыболовствѣ, рубкѣ лѣса изъ технической структуры этихъ промысловъ, и представляютъ временное явленіе, основанное на случайной нуждѣ единичныхъ хозяйствъ или на томъ принципѣ, что „гуртомъ идетъ веселѣе работа“.

Въ индустріи производство концентрируется вокругъ большихъ громоздкихъ машинъ, стоящихъ неподвижно на одномъ мѣстѣ. Сельско-хозяйственныя машины малы, легки, подвижны, должны носиться по полю съ маленькой группой рабочихъ. До сихъ поръ рабочая сила скота почти не поддается вытѣсненію механической. Теперь съ развитіемъ автомобильнаго дѣла и съ появленіемъ аэропланов изобрѣтено множество маленькихъ, дешевыхъ и легкихъ двигателей внутренняго сгоранія, которымъ, быть можетъ, суждено замѣнить лошадей по крайней мѣрѣ въ транспортномъ дѣлѣ. Но ихъ небольшая величина и дешевизна, дающія имъ доступъ въ сельское хозяйство, въ то же время показываютъ, что концентраціи производства эти двигатели во всякомъ случаѣ не произведутъ.

3) Есть еще одна общая причина, благодаря которой укрупнѣніе производства въ индустріи связано съ ростомъ производительности труда и которой нѣтъ мѣста въ сельскомъ хозяйствѣ. Извѣстно, что въ индустріи, съ укрупнѣніемъ производства, сокращаются издержки на единицу продукта: постройка дома вдвое большей вмѣстимости требуетъ не вдвое большихъ, а меньшихъ затратъ, устройство котла вдвое большихъ размѣровъ обходится не вдвое дороже, а нѣсколько меньше. „Эта зависимость имѣетъ такой всеобщій характеръ, что она не можетъ не вытекать изъ какихъ-либо общихъ законовъ природы. И дѣйствительно, зависимость эта есть не что иное, какъ необходимое послѣдствіе геометрическаго закона соотношенія объема и поверхности: объемы паровъ растутъ, какъ кубы радіусовъ, а поверхности— какъ квадраты радіусовъ—чѣмъ больше тѣло, тѣмъ меньше приходится поверхности на единицу объема, откуда слѣдуетъ, что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда полезное дѣйствіе тѣла находится въ соотношеніи съ его *объемомъ*, а стоимость производства—съ его *поверхностью* (что является наиболѣе частымъ случаемъ въ хозяйствѣ) увеличеніе объема производимыхъ тѣлъ должно, при прочихъ равныхъ условіяхъ,

уменьшить стоимость даннаго полезнаго эффекта... Въ этомъ заключается основное техническое преимущество крупнаго производства надъ мелкимъ“ (Туганъ-Барановскій op cit. стр. 154).

Для крупнаго сельско-хозяйственнаго предпріятія это преимущество почти не существуетъ, т. к. сельское хозяйство имѣетъ дѣло не съ объемами, а съ *площадями*. Даже постройки, употребляемыя для сельскаго хозяйства, одноэтажны; машины малы, вслѣдствіе этого не только исчезаетъ экономія затратъ на ихъ сооруженіе, но и полезное дѣйствіе ихъ становится относительно болѣе дорогимъ.

Вотъ три особенности сельскаго хозяйства: связь съ пространствомъ, усложненіе труда, вмѣсто раздѣленія, и производство на площади, которыя не даютъ хода крупному хозяйству, ни въ капиталистической, ни въ коллективной его формѣ и которыя влекутъ хозяйства къ систематическому дробленію вмѣстѣ съ ходомъ аграрной эволюціи. Дробится только *территорія* хозяйствъ: остальныя средства производства—живой трудъ, орудія, скотъ, возрастающія на единицу площади, по мѣрѣ интенсификаціи, могутъ и не дробиться, а даже нарастать, если сокращеніе территоріи каждаго хозяйства идетъ медленнымъ темпомъ, въ зависимости отъ медленнаго уплотненія населенія. Если же дробленіе территоріи идетъ быстрымъ темпомъ, какъ, напримѣръ, у насъ, благодаря мобилизаціи земли, разрушающей крупномѣстное землевладѣніе, замѣняя его трудовымъ крестьянскимъ—дробятся и средства производства, и среднее число рабочихъ лошадей на одно хозяйство сократилось у частныхъ владѣльцевъ (по даннымъ военно-конской переписи) за 1888—91 до 1904—6 г.г. на 5,3% (съ 3,77 гол. до 3,57 гол.).

Значеніе пространства, иначе говоря, непроизводительныхъ затратъ на передвиженіе—главный стимулъ, побуждающій хозяйства сжиматься по мѣрѣ интенсификаціи. Наряду съ усложненіемъ труда, съ утратой простымъ сотрудничествомъ его продуктивности, необходимость сжимать территорію своихъ хозяйствъ, заставляетъ разлагаться крупноколлективное хозяйство древности, основанное на семейно-родовомъ или товарищескомъ началѣ. Стоитъ представить себѣ только, во сколько сотъ разъ увеличиваются передвиженія на единицѣ площади при переходѣ отъ звѣроловнаго

и пастушескаго быта къ земледѣлію и отъ перелога къ плодосмѣну, чтобы понять всю настоятельную необходимость сжиманія по мѣрѣ интенсификаціи земледѣлія; и не даромъ площадь самаго экстенсивнаго австралійскаго хозяйства въ настоящее время равна 290 гектарамъ, а самаго интенсивнаго японскаго—0,8 гектарамъ—т. е. менѣе австралійскаго въ 300 слишкомъ разъ.

При переходѣ на земледѣліе разлагается не только крупно-коллективное трудовое хозяйство, но исчезаютъ и зачатки не трудового крупно-индивидуальнаго, боярскаго и княжескаго хозяйства. Это хозяйство возрождается на почвѣ феодальнаго землевладѣнія въ товарно-капиталистической формѣ, при проявленіи внутренняго и внѣшняго рынка для земледѣльческихъ продуктовъ. Поэтому, современное крупно-капиталистическое хозяйство отличается качествами, присущими, во 1-хъ) вообще крупному хозяйству; во 2-хъ) капиталистической его формѣ и 3) зависящими отъ сохранившихся въ средѣ крупныхъ землевладѣльцевъ феодальныхъ традицій.

1) Интенсификація производства, какъ мы показали, неразрывно связана съ сокращеніемъ территоріи каждаго отдѣльнаго хозяйства. Отсюда, всякое крупное хозяйство, при прочихъ равныхъ условіяхъ, должно быть *экстенсивнѣе* мелкаго, прежде всего потому, что большая экстенсивность уменьшаетъ непроизводительныя издержки по транспорту тяжестей и вообще, по передвиженіямъ рабочихъ на площади.

2) Большая экстенсивность системы земледѣлія, присущая крупному хозяйству, какъ таковому, усиливается тенденціей *капиталистическаго* хозяйства сокращать затраты труда и капитала на единицу площади. И въ Европѣ, и въ Россіи, чѣмъ крупнѣе хозяйство, тѣмъ меньше приходится на единицу площади скота, орудій производства, тѣмъ меньше въ немъ распахана земля, меньшая доля отведена подъ высокія садовыя и огородныя культуры. И наоборотъ, большая площадь находится подъ лѣсами или заброшена подъ выгоны и пустоши, наконецъ, въ Европѣ въ крупныхъ хозяйствахъ и урожайность ниже. Сокращеніе затратъ труда результатъ стремленія капиталистовъ получить большій *чистый доходъ*. „Особенность крупнаго хозяйства—сравнительно большій уровень чистой доходности (это указывалось

еще физіократами и Артуромъ Юнгомъ). Послѣдовательное проведеніе доктрины чистаго дохода логически приводитъ къ желательности крупныхъ размѣровъ хозяйства" (Фортунатовъ op. cit. стр. 12). Мелкое хозяйство, благодаря своей большой трудо и капитало-интенсивности (по отношенію къ площади) получаетъ, обычно большій *валовой* доходъ. „Мелкое хозяйство, при прочихъ равныхъ условіяхъ, даетъ большіе урожаи и большій валовый доходъ съ единицы площади" (Ibidem стр. 15).

Пока уровень сельско-хозяйственнаго производства въ данной странѣ, въ данномъ районѣ еще не особенно высокъ, пока экстенсивная система не истощила еще естественнаго плодородія почвы, до тѣхъ поръ „сбереженія" затратъ труда и капитала въ крупно-капиталистическомъ хозяйствѣ даютъ ему преимущество передъ мелкимъ. Но эти же „сбереженія"—палка о двухъ концахъ: на другомъ концѣ они отражаются въ видѣ пониженнаго развитія производительности земли. И вотъ, когда сельское хозяйство начинаетъ прогрессировать, когда приходится на единицу площади усиливать затраты—капиталистическое хозяйство оказывается неспособнымъ къ этому и начинаетъ разлагаться и падать. Обыкновенно главной причиной упадка капиталистическаго хозяйства въ послѣднюю четверть XIX в. въ Европѣ выставляютъ паденіе цѣнъ. Интенсифицировать производство якобы возможно только при повышеніи цѣнъ. Однако, паденіе цѣнъ не помѣшало крестьянскому хозяйству Германіи, Даніи, отчасти Франціи обнаружить признаки быстраго сельско-хозяйственнаго процесса. Съ другой стороны крупное хозяйство начало падать, въ нѣкоторыхъ странахъ еще *до* пониженія цѣнъ.

Въ предыдущей главѣ мы видѣли, что, послѣ освобожденія крестьянъ, рынокъ сталъ быстро развиваться, хлѣбныя цѣны, особенно съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ, сильно возросли *), а тѣмъ не менѣе, русское помѣщичье хозяйство, достигшее къ концу крѣпостной эпохи значительнаго развитія, проявило симптомы упадка, симптомы гораздо болѣе рѣзкіе, чѣмъ послѣ 80-хъ гг., когда цѣны на хлѣбъ, вообще, повышались значительно менѣе, а въ нѣкоторые періоды клонились къ паденію. То же самое мы видимъ въ

*) См. у Лященко „Очерки аграрной эволюціи" стр. 255.

Пруссіи, гдѣ остатки крѣпостного права сохранились до 1848 г.: до 1870-хъ гг. хлѣбныя цѣны постоянно повышались, а между тѣмъ число имѣній свыше 150 гектаровъ сократилось на 10%.

Слѣдовательно, основная причина кризиса капиталистическаго хозяйства—не паденіе цѣнъ; паденіе цѣнъ раскрыло только его слабыя стороны, губившія земледѣльческій капитализмъ и до кризиса. Вѣдь въ индустріи систематическое пониженіе цѣнъ составляетъ постоянное явленіе: однако промышленные капиталисты, расширяя производство, увеличивая массу производимыхъ продуктовъ, т. е. сумму валового дохода, достигаютъ, при меньшемъ процентѣ большей суммы чистаго дохода Почему-же земледѣльческіе капиталисты не могутъ увеличивать суммы валового дохода, какъ дѣлаютъ крестьяне и этимъ путемъ бороться съ пониженіемъ цѣнъ и уровня прибыли?

Слабость земледѣльческаго капитализма, есть въ то же время первопричина его экстенсивности—*недостатокъ живого человѣческаго труда*. Пока существовало крѣпостное право, помѣщики были обезпечены даровымъ трудомъ въ достаточной степени и крупнопомѣстное хозяйство процвѣтало въ Россіи и въ Пруссіи; какъ только крѣпостного работника смѣнилъ—наемный, началося кризисъ этого хозяйства. Переходъ съ дарового на оплачиваемый трудъ сразу повысилъ издержки Стремясь сократить эти издержки, помѣщики старались меньше прибѣгать къ найму рабочихъ, меньше содержать скота, и эти „сбереженья“ отразились на господскихъ поляхъ, которыя во многихъ мѣстахъ запустѣли и начали порастать бурьяномъ. Помѣщичьи имѣнія *обезлюдѣли*, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда потребовалось вести болѣе интенсивное хозяйство, т. е. когда понадобилось большее количество труда, т. к. при интенсификаціи, живой трудъ не вытѣсняется машинами, а наоборотъ, „чѣмъ выше интенсивность, тѣмъ меньше машинной работы“ (Давидъ).

Почему же земледѣльческій капитализмъ страдаетъ отъ недостатка живого труда? Почему же избыточныя рабочія руки, которыя выбрасываетъ на рынокъ крестьянство въ такомъ большомъ числѣ, уходятъ въ индустрію, переселяются за океанъ, въ Сибирь или просто остаются въ крестьянскомъ хозяйствѣ, составляя тамъ зачастую ненужный балластъ? Во-первыхъ, потому, что капиталистъ не въ состояніи дать

такой высокой заработной платы, какую можетъ дать крупный промышленникъ. Въ этомъ отношеніи г. Сухановъ правъ: развитіе производительности труда въ индустріи идетъ быстрѣе, и это даетъ возможность предпринимателямъ поднимать заработную плату выше того уровня, до котораго она можетъ подняться въ сельскомъ хозяйствѣ. Поэтому въ странахъ съ развитой индустріей всюду сокращается количество сельско-хоз. рабочихъ—и на континентѣ Европы и въ Англіи, и въ Соединенныхъ Штатахъ.

Но въ Россіи индустрія развита слабо; избытокъ крестьянскихъ рабочихъ рукъ настолько великъ, что въ погонѣ за лишнимъ десяткомъ рублей сотни тысячъ отхожихъ рабочихъ проходятъ многія тысячи верстъ—очевидно, что положеніе г. Суханова, по крайней мѣрѣ, къ чисто земледѣльческимъ районамъ Россіи, неприложимо: „развитіе промысловъ“ можетъ обусловить паденіе земледѣльческаго капитализма только въ тѣхъ районахъ, гдѣ это развитіе существуетъ. Притомъ г. Сухановъ изучаетъ это явленіе въ предѣлахъ крестьянскаго хозяйства. Въ частно-владѣльческомъ же хозяйствѣ, у насъ въ Россіи на первый планъ выступаетъ другая причина—*небольшіе размѣры сельско-хозяйственнаго капитала, по отношенію къ площади земледѣлія* [*]). Въ предыдущей главѣ мы показали на данныхъ военно-конскихъ переписей, что лучше оборудованное живымъ инвентаремъ западно-русское дворянское землевладѣніе меньше потеряло земель при пореформенной мобилизаціи. Мы, конечно, не утверждаемъ, что у нашего дворянства вообще было мало капиталовъ: но лишь небольшая часть этихъ капиталовъ пошла на производительные расходы, большинство же денежныхъ средствъ было растрачено на „спокойствія жизни“.

Какъ бы тамъ ни было, но и въ Россіи, и въ Европѣ, и въ Америкѣ, въ однѣхъ странахъ рѣзче, въ другихъ слабѣе, проявляется одна общая черта земледѣльческаго капитализма—слабые запасы труда и капитала на единицу площади. *Размѣры землевладѣнія у капиталистовъ шире вещественныхъ средствъ производства*—поэтому земледѣльческій

*) Противъ теоріи г. Суханова говоритъ тотъ фактъ, что въ такой промышленной странѣ, какъ Германія, сельско-хозяйственныхъ рабочихъ гораздо больше, чѣмъ въ Россіи.

капитализмъ вынужденъ брести въ хвостѣ эволюціи производства *), тогда какъ промышленный капитализмъ гордо шествуетъ во главѣ развитія производительныхъ силъ. Отсюда выводъ: если признать и сущностью аграрной эволюціи развитіе производительности земли, то капитализмъ служитъ *тормазомъ* этой эволюціи.

Если крупное хозяйство страдаетъ отъ недостатка живого труда, то, на другомъ концѣ лѣстницы, мелкое и особенно парцельное хозяйство, наоборотъ, страдаетъ отъ *перенасыщенія* этимъ трудомъ. Даже сторонникъ мелкаго хозяйства Гертцъ находитъ, что „особенно терпитъ отъ колоссальной растраты труда, вызываемой парцельной системой европейскаго землевладѣнія, мелкое хозяйство". Запасы труда въ немъ слишкомъ велики, при данномъ уровнѣ производства, и владѣльцамъ парцельныхъ участковъ приходится или растрачивать даромъ свои силы или искать имъ продуктивнаго примѣненія на сторонѣ. Только въ пригородныхъ районахъ, или мѣстностяхъ съ высокими культурами, огородничество, садоводство, виноградарство могутъ поглотить избыточный запасъ труда въ парцельномъ хозяйствѣ и тогда оно процвѣтаетъ. Вообще же, крестьянскія хозяйства, недостаточно обезпеченныя землей, т. е. такія, у которыхъ запасы труда и капитала превышаютъ площадь ихъ приложенія при данной системѣ хозяйства, оказываются такими же неустойчивыми, какъ крупно капиталистическія.

Кромѣ основного недостатка крупно-капиталистическаго хозяйства—слабыхъ запасовъ труда и капитала, это хозяйство получило въ наслѣдіе отъ феодально-крѣпостной эпохи нѣкоторыя черты, которыя сохраняются до сихъ поръ, особенно у насъ въ Россіи. Кадры землевладѣльцевъ и сейчасъ состоятъ изъ дворянъ-потомковъ военно-служилаго класса. Во всѣ времена дворяне тяготѣютъ къ казенной службѣ—отсюда развивается *абсентеизмъ*. Другая психологическая

*) Де Лаверно говоритъ: „для культуры важно не то, чтобы собственность была велика, но, чтобы она была *богата*, что далеко не одно и то же .. Въ рукахъ 1000 собственниковъ, которые имѣютъ каждый только по 10 гектаровъ, но по 1000 франковъ на гектаръ, земля будетъ вдвое продуктивнѣе, чѣмъ въ рукахъ одного человѣка, который имѣетъ 10000 франковъ, но издерживаетъ только по 500 франковъ на гектаръ" (цит. по Булгакову т. I стр. 63). Мелкое хозяйство и есть именно *богатое* хозяйство, а крупное—бѣдное.

черта землевладѣльцевъ дворянъ — ихъ неразсчетливость. Очень часто они жалуются на недостатокъ капитала, но въ каждой странѣ дворянство получило въ видѣ жалованья, ренты, ссуды — милліарды, которые уплыли на широкую жизнь, и теперь дворянство стонетъ подъ бременемъ задолженности, растущей съ каждымъ годомъ и заставляющей наиболѣе слабыхъ разставаться съ родовыми землями. Психологическія черты дворянства неистребимы; и пока оно существуетъ, если не юридически, то фактически, какъ привиллегированное сословіе, до тѣхъ поръ на крупномъ землевладѣніи будутъ сказываться эти отрицательныя черты, влекущія его къ систематическому самоуничтоженію. Въ Россіи еще недавно уничтожено крѣпостное право: дворянскія традиціи еще такъ свѣжи и сильны—и въ результатѣ нигдѣ нѣтъ такой быстрой ликвидаціи крупнаго землевладѣнія, какъ у насъ...

Итакъ, крупное хозяйство вообще и крупно-капиталистическое въ частности, не можетъ занять твердой позиціи въ сельско-хозяйственной сферѣ: во 1-хъ, вслѣдствіе органическихъ условій производства, во 2-хъ, вслѣдствіе экстенсивности земледѣльческаго капитализма, и въ 3-хъ, благодаря феодальнымъ традиціямъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Крупно-коллективное и крупно-индивидуальное хозяйство исчезаетъ на зарѣ аграрной исторіи, съ переходомъ населенія на земледѣліе. Крупно-капиталистическое хозяйство, само по себѣ, никогда бы не образовалось, если бы политическіе факторы не создали крупнаго землевладѣнія.

Образовавшись наканунѣ побѣднаго шествія капитализма въ индустріи, земледѣльческій капитализмъ менѣе, чѣмъ черезъ сотню лѣтъ послѣ своего возникновенія, обнаружилъ признаки хроническаго упадка. Обреченный, по своей природѣ, брести въ хвостѣ аграрной эволюціи, онъ не въ состояніи привлечь и прокормить на своей обширной и пустынной территоріи возрастающіе съ каждымъ поколѣніемъ милліоны трудовыхъ земледѣльцевъ. Поэтому, земледѣльческій капитализмъ представляетъ временное явленіе, возникшее на почвѣ посторонніхъ для сельскаго хозяйства факторовъ и исчезающее на извѣстной ступени сельско-хозяйственнаго развитія; а милліоны трудовыхъ земледѣльцевъ, оставаясь самостоятельными хозяевами, создаютъ противоположный процессъ эволюціи и распредѣленія—*дробленіе* земли.

Дробленіе земли подъ вліяніемъ роста населенія.

Статистическія данныя устанавливаютъ фактъ дробленія хозяйствъ подъ вліяніемъ возрастающей плотности земледѣльческаго населенія.

	Удобной земли на 1 чел. земледѣл. населенія.	% площади въ хозяйствахъ.			Средній размѣръ хоз. въ гектар.
		До 20 гект.	20—256	Св. 256	
Новая Зеланд. (1906 г.)	91,0	1,1	17,8	81,1	206,9
		До 20 гект.	20—104	Св. 104	
Соедин. Штаты (1906 г.)	4,40	5,8	47,2	44,0	58,6
		До 20 гект.	20—120	Св 120	
Великобритан. (1895 г.)	2,82	15,0	57 6	27,4	25,5
		До 14,85 гект.	14,85—59.4	Св. 59,4	
Данія (1905 г.) . . .	2,70	16,6	50,8	32,6	15,6
		До 21,8 гект.	21,8—109	Св. 109	
Россія (1905 г.) . . .	2,59	40,9	22,3	36,8	18,7
		До 20 гект.	20—100	Св. 100	
Германія (1907 г.) . .	1,95	48,6	29—3	22,1	7,8
		До 10 гект.	10—40	Св. 40	
Франція (1892 г.) . .	1.81	25,5	29,0	45,5	8,7
		До 20 гект.	20—100	Св. 100	
Бельгія (1902 г.) . . .	1.31	61,7	25,0	3,4	6,0 *)

Несмотря на развитіе въ способахъ группировки, на таблицахъ ясно видно возрастаніе площади у мелкихъ хо-

*) Составлена по Заку „Соціально-политич. таблицы вып. III, 1910 г.

левъ и сокращеніе ея у крупныхъ, по мѣрѣ уплотненія населенія. Исключеніе представляетъ Россія, гдѣ площадь у нижней и, особенно, у верхней группы относительно велика, а средняя представлена слабо, что зависитъ отъ недавняго происхожденія крупно-капиталистическаго землевладѣнія, не успѣвшаго еще раздробиться и перейти въ разрядъ среднихъ.

Такимъ образомъ, уплотненіе населенія—статистическій фактъ. Фактъ этотъ—результатъ закономѣрнаго хода аграрной эволюціи и существованіе его подтверждается не только данными географическаго характера, но и *историческими* матеріалами, разсмотрѣнію которыхъ было удѣлено нами много вниманія въ предыдущихъ главахъ. Всякому, знакомому съ современной постановкой аграрнаго вопроса въ наукѣ, долженъ быть ясенъ мотивъ, заставляющій насъ концентрировать свое вниманіе именно на этомъ пунктѣ. Мотивъ этотъ—стремленіе опрокинуть фактами, ни на чемъ не основанное, но тѣмъ не менѣе глубоко вкоренившееся убѣжденіе, что при „натуральномъ“ строѣ хозяйственныхъ отношеній распредѣленіе земли и прочихъ средствъ производства было гораздо болѣе равномѣрнымъ, чѣмъ теперь. Такъ какъ эволюція распредѣленія въ средѣ частныхъ владѣльцевъ зависитъ отъ политическихъ факторовъ, то вопросъ сводится къ изученію формъ распредѣленія преимущественно *въ крестьянской средѣ*. Въ этой области историческіе факты, приведенные нами, позволяютъ установить слѣдующія главныя положенія.

1) Распредѣленіе земли и прочихъ средствъ производства въ крестьянской средѣ, никогда не было равномѣрнымъ.

2) Неравномѣрность въ распредѣленіи въ прежнее время была большей, чѣмъ теперь. Съ ходомъ исторіи наблюдается дробленіе болѣе крупныхъ хозяйствъ.

3) Въ рѣдко населенныхъ районахъ разслоенность крестьянства во всякую эпоху, выражена рѣзче, чѣмъ въ населенныхъ болѣе густо.

Европейскіе историки менѣе обращали вниманія на разслоенность крестьянства въ древности, чѣмъ русскіе. Русскіе, болѣе заинтересованные вслѣдствіе споровъ, идущихъ между народниками и марксистами, переносили иногда этотъ интересъ и на европейскую почву: въ работахъ

проф. Лучицкаго по исторіи французскаго крестьянства и г. Граната—англійскаго,—мы находимъ статистическія данныя, свидѣтельствующія, прежде всего, что и въ Европѣ, въ древности, крестьянскія хозяйства не были равновеликими. Въ концѣ XII в. въ 5 центральныхъ графствахъ Англіи было:

	% дворовъ.
Безземел. и до 5 акровъ (2 гек.)	— 33,8
5 — 9 (2 — 4)	— 10,6
10 — 19 (4 — 4)	— 33,8
20 — 30 (8 —12)	— 2[illegible],4
Св. 30 (Св. 12)	— 0,4

Это—въ средѣ крѣпостныхъ 10581 дворовъ. Въ средѣ свободныхъ держателей Фригольдеровъ, которые подсчитаны г. Гранатомъ, въ числѣ—2816 дворовъ находилось:

Безземел. и до 5 акровъ	53,4%
6— 9	— 13,2
10—19	— 16,4
20—30	— 10,6
Св. 30	— 6,4

Наконецъ, подсчетъ въ части описей крѣпостныхъ крестьянъ 1189 г. (3930 дв.) даетъ:

Беззем. и до 5 акровъ	—28,9%
6— 9	— 29,4
20 30	— 26,9
Св. 30	— 14,8

Въ общемъ, г. Гранатъ считаетъ, что процентъ безнадѣльныхъ дворовъ и съ минимальнымъ для того времени надѣломъ (до 2 гектаровъ) достигалъ одной трети. „Для цѣлой трети населенія своя земля можетъ имѣть только вспомогательное и часто ничтожное значеніе, главнымъ же источникомъ средствъ долженъ быть трудъ по найму: за нѣсколько вѣковъ до возникновенія капитализма въ странѣ уже существовалъ обширный классъ наемныхъ рабочихъ и съ развитіемъ обрабатывающей промышленности, оставалось лишь перевести этихъ безнадѣльныхъ крестьянъ изъ

деревни въ городъ, побудивъ ихъ окончательно порвать слабую связь, которая у нихъ была съ землей". [1]) Верхній слой—владѣльцевъ свыше 30 акровъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ былъ также довольно великъ и достигалъ, судя по послѣдней таблицѣ, въ болѣе раннюю эпоху XI- в. почти 15% всѣхъ дворовъ. Очевидно, даже въ довольно густо населенной по тому времени Англіи, притомъ въ центральныхъ ея частяхъ, разслоеніе было довольно значительно.

Второе положеніе, выведенное нами на основаніи русскихъ и, главнымъ образомъ, малорусскихъ данныхъ, подтверждается въ трудѣ проф. Лучицкаго, основанномъ на подсчетѣ историко-статистическаго матеріала во Франціи. Сводки цифръ, приводимыхъ имъ въ этомъ трудѣ [2]), по 2 описямъ 3-хъ общинъ даютъ такіе процентные итоги.

	% дворовъ.	
	Въ 1569 г.	1779 г.
Безземельныхъ огородн. и имѣвшихъ до 1 манкоде [1]).		
коде—	59,0	49,2
1— 5	20,2	32,5
5—15	13,5	13,2
15—30	4,5	3,2
Св.—30	2,8	1,8

За 210 лѣтъ въ распредѣленіи земли и этихъ общинъ произошелъ тотъ же типъ дробленія, который мы наблюдали въ Черниговской губ., сравнивая данныя Румянцевской описи съ современными, и который носитъ названіе *нивеллировки*. Нивеллировка, какъ мы знаемъ изъ послѣдней главы, происходитъ при небольшемъ повышеніи и при слабомъ пониженіи средней обезпеченности. То же самое произошло и въ этихъ общинахъ, по словамъ проф. Лучиц-

---

1) И. Гранатъ. Къ вопросу объ обезземеліи крестьянства въ Англіи стр. 16

2) И. В. Лучицкій. Вопросъ о крестьянской поземельной собственности во Франціи и продажѣ національныхъ имуществъ. Кіевъ 1894 г.

1) Манкоде (mencaude) мѣра земли=42 arel 91 centiareso,=43 гектара.

каго. „Какъ можно судить по собраннымъ мною даннымъ, оказывается, что, хотя и въ сравнительно небольшихъ размѣрахъ, крестьянская собственность *увеличилась* въ теченіе двухъ столѣтій. Вмѣстѣ съ тѣмъ ясно видно, какъ въ то же время она все болѣе и болѣе мельчала, какъ росло число собственниковъ, владѣвшими всѣ меньшими и меньшими участками" (стр. 99). Во Франціи XVII—XVIII в. в. наблюдалась довольно значительная разслоенность крестьянъ. „Съ одной стороны, выдѣляется, какъ указываетъ Бернье—классъ крупныхъ крестьянскихъ владѣльцевъ, крестьянской аристократіи, появляется рядомъ съ gentilhome и honnete homme (avasseur) „который гордится не столько своими предками, сколько своими внуками"—насмѣшка надъ нимъ—и который постепенно прибираетъ къ рукамъ земли сеньоровъ и становится quasi-сеньоромъ изъ крестьянъ. А съ другой стороны мы находимъ въ XVII—XVIII в. в. обширную категорію мелкихъ собственниковъ: въ Бретани большинство имѣло менѣе 5 и даже 1—2 гектара 146 процентовъ". (Кулишеръ лекціи стр. 195).

Установить на историческихъ фактахъ принципъ эволюціи распредѣленія въ крестьянской средѣ—одна изъ главныхъ задачъ нашей работы. Распредѣленіе у частныхъ владѣльцевъ зависитъ отъ политическихъ факторовъ и не можетъ служить показателемъ той естественной *органической* эволюціи, которая возникаетъ подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ производительныхъ факторовъ. Только на крестьянствѣ мы можемъ наблюдать явленія эволюціи распредѣленія въ „чистомъ видѣ" безъ посторонннихъ примѣсей, насколько это вообще доступно при изученіи соціально-экономической среды: только здѣсь легче всего провѣрить теоретическія положенія, вытекающія изъ анализа эволюціи производства.

Основное теоретическое положеніе, построенное на приведенныхъ выше соображеніяхъ—интенсификація производства должна повести къ сокращенію территоріальныхъ размѣровъ каждаго отдѣльнаго хозяйства, иначе говоря—*къ дробленію площади между возрастающимъ числомъ отдѣльныхъ самостоятельныхъ хозяйствъ.*

Въ до-земледѣльческомъ фазисѣ на кв. милѣ помѣщаются нѣсколько человѣкъ, соединенныхъ вмѣстѣ съ примитивными орудіями и скотомъ въ одно хозяйство. При переходѣ

на экстенсивное земледѣліе, на томъ же пространствѣ уже скопляется нѣсколько сотъ человѣкъ, при интенсивной системѣ нѣсколько тысячъ, съ соотвѣтственнымъ количествомъ средствъ производства, которыя вслѣдствіе специфическихъ условій сельско-хозяйственной эволюціи (значенія пространства, усложненіе труда, слабости капитализма) препятствующихъ концентраціи, распадаются сначала на десятки, а потомъ на сотни и даже на тысячи отдѣльныхъ хозяйствъ.

Эта формула слишкомъ схематична, и если бы реальная дѣйствительность строилась только по ней, то всѣ хозяйства, образовавшіяся въ каждый отдѣльный моментъ эволюціи, были бы *равновеликими*. Напримѣръ, если при переложномъ земледѣліи, на квадратной милѣ оказалось 150 человѣкъ съ 30 сохами и 60 головами рабочаго скота, то, раздѣлившись на 30 хозяйствъ, каждое бы имѣло по $^1/_{30}$ мили земли, 5 человѣкъ, одной сохѣ и парѣ головъ рабочаго скота: при трехпольи, при сгущеніи до 500 чел. въ каждомъ изъ образовавшейся сотни хозяйствъ было бы тоже одинаковое количество земли, людей, орудій и скота. Какъ ни несуразна подобная картина эволюціи распредѣленія, но именно въ такомъ видѣ представляется она въ эпоху „натуральнаго строя“ большинству экономистовъ. По ихъ мнѣнію, только капитализмъ внесъ въ крестьянскую среду дифференцирующее начало и разложеніе крестьянъ на слои различной экономической силы—явленіе настоящей эпохи.

Три положенія, выставленныя нами выше, устанавливаютъ діаметрально противоположную схему эволюціи распредѣленія: крестьянскія хозяйства не только никогда небыли равновеликими, но въ прежнія эпохи, при рѣдкомъ населеніи и экстенсивныхъ системахъ дифференціація народныхъ массъ и концентрація земли и средствъ производства достигали максимальнаго развитія; по мѣрѣ уплотненія населенія и интенсификаціи сельскаго хозяйства распредѣленіе становится болѣе равномѣрнымъ.

Первое изъ этихъ положеній—что крестьянскія хозяйства никогда не были равновеликими—достаточно полно и основательно доказывается фактическимъ матеріаломъ, приведеннымъ въ предыдущихъ главахъ. Мы знаемъ, что въ кіевскую эпоху были смерды, имѣвшіе своихъ холоповъ, и такіе, которые сами рядились въ холопы: въ удѣльную и московскую эпохи въ центрѣ, и на сѣверѣ, и на югѣ и во

стоѣ максимальные земельные участки превышали минимальные въ десятки разъ. То же самое мы видѣли и въ крѣпостную эпоху и въ настоящее время: всегда существовали въ крестьянствѣ богатые и бѣдные, полные пролетаріи и полупролетаріи-бобыли, подсусѣдки, казаки, половники и форменные капиталисты — „могутные", дворы, пользовавшіеся пролетарскимъ трудомъ.

Но для насъ важнѣе было обосновать второе положеніе—сглаживаніе дифференціаціи съ ходомъ аграрной эволюціи Это положеніе допускаетъ двоякаго рода формулировку. 1) точную и детальную: въ до-земледѣльческомъ фазисѣ крестьяне были болѣе разслоены, чѣмъ въ періодъ переложнаго земледѣлія, въ этомъ періодѣ болѣе, чѣмъ при трехпольи, т. е. распредѣленіе средствъ производства въ крестьянской массѣ выравнивается съ каждой новой системой сельскаго хозяйства, съ каждымъ періодомъ аграрной эволюціи. Для такой детальной формулы историческихъ фактовъ намъ не хватаетъ: историческій методъ придется пополнить *географическимъ анализомъ*, которому и будетъ посвящена третья часть нашего труда. У насъ нѣтъ никакихъ историческихъ матеріаловъ для полнаго количественнаго опредѣленія слоевъ, въ *до*-земледѣльческомъ, звѣроловномъ и пастушескомъ хозяйствѣ. Періодъ переложнаго земледѣлія и захватнаго права (*Faustrecht*) хорошо освѣщенъ съ этой стороны Румянцевской описью, захватившей, впрочемъ, только его конецъ. Для начала трехполья на сѣверѣ мы имѣемъ данныя Иванова по тогдашнему югу—Никашевскаго: но данныя Иванова касаются только земледѣлія-промысла, стоявшаго на сѣверѣ въ тѣни; данныя Никашевскаго касаются искусственно подобранныхъ „промѣточныхъ" сведеній. Всѣ остальные матеріалы не полны, отрывочны и для точной формулировки недостаточны. 2) Поэтому мы выставили выше болѣе неопредѣленную и общую формулу: неравномѣрность распредѣленія въ прежнее время была большей, чѣмъ теперь, и болѣе крупныя хозяйства подвергались сильному раздробленію. Эту формулу подтверждаютъ, безъ всякаго исключенія, всѣ изложенныя нами историческія матеріалы, которые, въ своей совокупности, представляютъ для нея достаточно солидное основаніе.

Теперь спрашивается, чѣмъ объясняется, какъ постоянная разслоенность трудовыхъ массъ, существовавшая во всѣ

эпохи, такъ и сокращеніе ея къ настоящему времени? Вѣдь, одной эволюціей производства эта разслоенность, какъ мы говорили, не можетъ быть объяснена: эволюція производства *дробитъ* территорію, но не размываетъ и не нивеллируетъ крестьянскія хозяйства...

Основа крестьянской неоднородности—во всякую эпоху – семья. Въ каждой деревнѣ существовала и существуетъ цѣлая гамма семействъ, начиная, отъ сложныхъ семей изъ 20—30 душъ и кончая одинокими бобылями и бобылками. Неоднородность семейнаго состава—главный базисъ имущественной неоднородности. Сложныя семьи, съ большимъ количествомъ рабочихъ—сильныя физически коллективныя ячейки—и въ экономическомъ отношеніи являются наиболѣе мощными хозяйственными организмами. Любой статистическій сборникъ, въ которомъ есть группировки по семейному составу, показываетъ, что, съ ростомъ семьи, обезпеченность средствами производства возрастаетъ еще быстрѣе: чѣмъ крупнѣе семья, тѣмъ больше на душу приходится земли, посѣвовъ, скота, рабочаго инвентаря и т. д. Но крупно-крестьянскія хозяйства отличаются тѣми же отрицательными качествами, какъ и крупно-капиталистическія: наличность земледѣльческаго труда и капитала на *единицу площади* у нихъ меньше, чѣмъ у остальныхъ группъ. На этотъ фактъ мы указывали въ сборникѣ „Борьба за землю“, гдѣ собрали данныя по нѣсколькимъ десяткамъ уѣздовъ (см. таблицы №№ 12 и 13 приложенія), Беремъ для иллюстраціи оттуда данныя по Полтавской и Екатеринославской губ.

На 100 десятинъ посѣва.

Полтавской губ. 14 уѣзд.		У кр. по 1 десят.	1—2	2—3	3—6	6—9	9—15	15—25	25—50	Св. 50
Казаки	Плуговъ. Гол. раб. скота. .	11	12	15	16	12	9	5	4	3
		63	48	47	43	39	33	26	21	19
Крестьяне	Плуговъ. Гол. раб. скота. .	9	10	12	14	12	9	6	4	4
		59	46	47	43	39	33	28	23	22

Десятинъ пашни на 1 работника.

Екатерин. уѣздъ.	Дворъ. до 1 десят.	1—3	3—5	5—10	10—15	15—20	20—25	Св. 25
	0,1	1,3	2,4	4,6	5,8	6,9	7,8	25,3

Крупная семья—хозяйство стремится, такъ же какъ и капиталистическое „сберегать“ затраты труда и капитала на единицу площади, только, конечно, въ иной пропорціи. При экстенсивныхъ системахъ эти „сбереженія“ даютъ крупнымъ семьямъ не малыя преимущества: особенно эти преимущества проявляются въ до земледѣльческомъ фазисѣ, когда такъ развиты формы простого сотрудничества. Исторія и показываетъ намъ, что сложныя семьи—задруги царятъ повсюду на этихъ ступеняхъ развитія—разныя дворища, печища, артели сябровъ, состоящія изъ десятковъ членовъ. Захватное право, господствующее въ переложномъ періодѣ земледѣлія, также способствуетъ тому, что „семьянистыя“ и „могутныя“ хозяйства, подобно князьямъ, разбираютъ „лакомые куски народной экономіи“—звѣроловныя и рыбопромышленныя угодья, лучшіе и обширнѣйшіе участки земли Справедливо замѣчаетъ г. Масловъ: „при земельномъ просторѣ богатому есть гдѣ развернуться, завести большое хозяйство“ („Агр. воп.“ т. I, изд. 3-е, стр. 451). Поэтому мы предполагаемъ, что максимальная *концентрація* средствъ производства существовала на первыхъ ступеняхъ развитія. въ пастушескомъ хозяйствѣ въ рукахъ такихъ крупныхъ и сильныхъ мелко-родовыхъ группъ сосредоточивался скотъ, при переложномъ земледѣліи—земля.

Эта концентрація, насколько позволяютъ судить данныя Румянцевской описи, сопровождалась чаще всего процессомъ *„дифференціаціи“*, т. е. нарастаніемъ на другомъ полюсѣ группировки—чисто пролетарскаго и полупролетарскаго слоя безземельныхъ и малоземельныхъ хозяйствъ. „Скудныя“ и „одинокія“ хозяйства не были въ состояніи бороться со своими могущественными сосѣдями и отчасти, подъ давленіемъ политическихъ факторовъ—податного гнета, господства права сильнаго, иногда въ зависимости отъ развитія торговли и промышленности, какъ на сѣверѣ, иногда благодаря нуждѣ въ кредитѣ и ростовщическимъ операціямъ,

„оскудѣвали", „обмолодали", „одолжали", теряли послѣдніе достатки и шли въ бобыли, половники, подсосѣдки.

Румянцевская опись захватила конецъ „займянщины": крупныхъ семей, имѣвшихъ болѣе 4-хъ работниковъ м. п. оставалось 4—5,5%—все-таки, впятеро болѣе, чѣмъ сто лѣтъ спустя. Еще раньше, когда можно предполагать, что такихъ семей было больше—концентрація средствъ производства, вѣроятно, достигала большихъ размѣровъ.

Но вотъ населеніе окончательно переходитъ на земледѣліе; исчезаютъ звѣроловныя угодья; вмѣстѣ съ до-земледѣльческими промыслами уничтожаются выгоды простого сотрудничества, которое замѣняется усложненіемъ индивидуальнаго труда. Съ переходомъ на урегулированную зерновую систему, съ уничтоженіемъ захватнаго права, по всей Европѣ, (М. Ковалевскій указываетъ и на Азію) проходитъ полоса семейныхъ, и сябринныхъ раздѣловъ, каждая *простая* семья получаетъ свои отдѣльныя полосы на нѣкогда общихъ участкахъ. Появляются опредѣленныя нормы подворныхъ участковъ; въ Германіи—гуфа, во Франціи—манза, въ западной Руси и Польшѣ—волока, Новгородской области—обжа, въ Замосковьи—выть. Поэтому, дальнѣйшій процессъ дробленія площади связанъ не только съ разложеніемъ крупныхъ семей, сколько вообще съ возрастаніемъ населенія. Конечно, возрастаніе населенія фактически выражается тоже въ дробленіи семей: каждая семья недостаетъ въ своемъ составѣ до извѣстнаго предѣла, потомъ распадается на двѣ, три части; но этотъ круговоротъ нарастанія и раздѣленія семей не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ массовымъ разложеніемъ сложныхъ семей—задругъ, которое происходитъ въ эпоху окончательнаго осѣданія на землю въ исторіи каждаго народа.

Въ процессѣ нарастанія и дробленія семей—хозяйствъ площадь каждаго отдѣльнаго хозяйства то увеличивается, (путемъ покупокъ и аренды при частномъ владѣніи и передѣловъ по душамъ при общинномъ), то падаетъ вновь, но, въ общемъ, понемножку *растетъ*. Каждое новое поколѣніе, увеличивая число семей—хозяйствъ, тѣмъ самымъ заставляетъ ихъ потѣсниться. Въ очень интересной статьѣ г. Яснопольскаго (къ вопросу о движеніи крестьянскаго землевладѣнія) описана исторія одного крестьянскаго общества въ М. Борисполѣ Переяславскаго уѣзда (подворниковъ) за

1861—1901 гг. Въ 1864 г. въ этомъ обществѣ было 70 дворовъ съ 251,9 дес., въ 1901 г.— 90 дв. изъ 279 дес. На одинъ дворъ приходилось въ 1863 г. 3,6 дес. Въ 1901 г.—30,3 дес. убыло на 14,6%. Изъ 90 дворовъ, бывшихъ въ наличности въ 1901 г., 21 дв. принадлежали къ *первому* поколѣнію, т. е. дѣлились, съ 1863 г. они увеличили за 38 лѣтъ свой земельный фондъ съ 53 до 60,5 дес. Изъ прочихъ дворовъ 17 мелкихъ исчезло, продавъ свои земли (всего 24,4 дес.—по 1,7 дес.); подверглись семейнымъ раздѣламъ 38 дворовъ съ 1886,8 дес.: средній размѣръ 4,0 дес. указываетъ, что хозяйства, подвергшіяся раздѣлу, было *сильными крестьянами*, по мѣстному масштабу. Они разбились на 61 хозяйство, изъ которыхъ до 1901 г. сохранилось 53 съ 145,6 дес., а 8 исчезло, благодаря браку съ чужими.

Въ теченіе второго поколѣнія эти 53 хозяйства увеличили свое землевладѣніе до 190,2 дес.. но все-таки, у нихъ и въ 1901 г. было по 3,6 дес., т. е., площадь каждаго хозяйства, сравнительно съ первымъ поколѣніемъ, убавилась на 26,7%.

Такимъ образомъ, каждое отдѣльное хозяйство, возрастая въ своемъ семейномъ составѣ, стремилось расширить свое землевладѣніе. „Съ переходомъ къ новому поколѣнію сразу все падаетъ: переполняются низшіе разряды, а хозяйства, выбившіяся наверхъ—всѣ исчезаютъ. Но снова начинается Сизифова работа: опять низшія группы карабкаются наверхъ, снова возникаютъ болѣе зажиточныя хозяйства... чтобы снова низвергнуться внизъ, можетъ быть еще глубже съ переходомъ къ новому поколѣнію“.

Вотъ коротенькая иллюстрація того пути, которымъ происходитъ органическій процессъ дробленія площади хозяйствъ въ крестьянской средѣ. Въ предыдущей главѣ мы установили, что дробленіе выражается въ процессѣ двоякаго типа: въ видѣ односторонней *подвижки внизъ*, т. е. сокращенія верхнихъ и возрастанія нижнихъ пролетарскихъ слоевъ или въ видѣ двухсторонней *нивеллировки*, сокращенія крайнихъ —верхнихъ, и нижнихъ слоевъ, и возрастанія за ихъ счетъ среднихъ.

Историческіе факты указываютъ, что, въ зависимости отъ разныхъ причинъ, главнымъ образомъ отъ колебаній средней обезпеченности даннымъ средствомъ производства, или отъ колебаній общаго уровня благосостоянія, возникаетъ

тотъ или другой типы процессовъ. Если происходитъ рѣзкое пониженіе уровня обезпеченности—оно сопровождается сильной подвижкой внизъ. Такъ было у насъ во второй половинѣ XVI вѣка и въ смутное время, когда процентъ безпахотныхъ бобылей поднялся выше 40, такъ было въ Германіи, послѣ тридцатилѣтней войны, во Франціи передъ революціей, въ Англіи въ XVI столѣтіи: такъ было на нашихъ глазахъ (въ группировкахъ по рабочимъ лошадямъ) послѣ неурожая 1891—2 гг. Всякое народное бѣдствіе—политическій гнетъ, неурожай, кризисъ экстенсивной системы, а также перенасыщенность земли населеніемъ при данной системѣ отражаются на крестьянскомъ хозяйствѣ въ видѣ всеобщаго оскудѣнія и сопровождаются во всѣ времена общей „подвижкой внизъ"—появленіемъ массы крестьянскаго пролетаріата и полупролетаріата, при чемъ и „капиталисты" страдаютъ больше всѣхъ. Устойчивѣе другихъ слоевъ переносятъ бѣдствіе средне-крестьянскія хозяйства; когда проходятъ бѣды, эти слои выступаютъ на арену, и ихъ роль и значеніе, повидимому, растутъ съ ходомъ исторіи. Румянцевская опись, французскія данныя, и нѣкоторые изъ матеріаловъ, приведенныхъ въ предыдущихъ главахъ, показываютъ, что въ группировкахъ *по пахатной землѣ*, сравниваемыхъ черезъ вѣковой промежутокъ времени, преобладаетъ процессъ *нивеллировки*. Нивеллировку мы и считаемъ наиболѣе нормальнымъ типомъ процесса эволюціи крестьянскаго хозяйства.

Экономическія соображенія убѣждаютъ насъ, что дробленіе, при нормальныхъ условіяхъ, не должно заходить дальше того предѣла, за которымъ слѣдуетъ перенасыщеніе площади трудомъ и капиталомъ. Какъ только въ нижнихъ группахъ является это перенасыщеніе—онѣ становятся неустойчивыми. Малѣйшій толчекъ—и онѣ летятъ внизъ, теряютъ сначала инвентарь и скотъ, а потомъ и землю, какъ это случилось съ 14 малоземельными хозяйствами въ деревнѣ, описанной г. Яснопольскимъ. Малоземельныя хозяйства—обыкновенно малонаселенныя. Кадры ихъ составляются или изъ молодыхъ семей, только что отщепившихся отъ старыхъ, или изъ упавшихъ, оскудѣвшихъ хозяйствъ высшихъ группъ. Если они жизнеспособны, то, при благопріятныхъ условіяхъ, они поднимутся до уровня среднихъ; при неблагопріятныхъ—они превращаются въ чисто пролетар-

скія, т. е. и въ томъ и въ другомъ случаѣ не представляютъ устойчиваго, постояннаго явленія. Превратившись въ пролетарскія, они должны искать заработка на сторонѣ или переселяться и на чужбинѣ заводить новое хозяйство, т. к. земледѣльческій капитализмъ можетъ поглотить лишь небольшую часть крестьянскаго пролетаріата. Такимъ путемъ крестьянское населеніе избавляется отъ избыточной своей части, а среднія хозяйства всасываютъ въ себя оставшуюся землю.

Вотъ почему мы считаемъ нормальнымъ явленіемъ, при дробленіи площади, процессъ *нивеллировки*, т. е. разложеніе крупныхъ и исчезновеніе мелкихъ хозяйствъ. Ненормальна слабая обезпеченность трудомъ и капиталомъ у верхнихъ группъ; ненормально перенасыщеніе этими элементами у нижнихъ: нормально *среднее* хозяйство, обезпеченное въ уровень съ размѣрами своей хозяйственной площади, въ уровень, опредѣляемый степенью интенсивности земледѣлія въ данной мѣстности, въ данный моментъ; эти „гармоническія" хозяйства и берутъ верхъ въ борьбѣ за существованіе.

Нивеллировкѣ благопріятствуетъ систематическое повышеніе общаго уровня хозяйственнаго благосостоянія: на единицу площади увеличивается количество средствъ производства и, главнымъ образомъ, среднія хозяйства быстро прогрессируютъ, что мы видимъ въ Германіи и отчасти въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ, впрочемъ, и средне-крестьянскіе участки слишкомъ малы. Въ Россіи подробный разборъ въ предыдущей главѣ показалъ, что съ конца 80-хъ и до 1900-хъ г.г. господствовалъ затяжной кризисъ трехполья, усиливавшій неурожай до степени массовыхъ голодовокъ, отъ которыхъ крестьянское хозяйство очень долго не могло оправиться. Аграрный кризисъ, вмѣстѣ съ тяжелыми политическими условіями, создалъ, какъ мы видѣли, массовое оскудѣніе, не перешедшее въ окончательную пролетаризацію только потому, что крестьянскому пролетарію было некуда податься. „Появилось огромное число безлошадныхъ хозяйствъ, тѣмъ не менѣе не бросавшихъ земледѣлія и засѣвавшихъ клочки въ 1—2 десятины. Эти неустойчивыя хозяйства, не знающія, куда приложить лишнія рабочія руки, съ нѣкоторымъ улучшеніемъ экономическихъ условій, на которое намекаютъ послѣднія военно-конскія переписи,

быть можетъ, частью перейдутъ въ разрядъ среднихъ, быть можетъ, другая часть ихъ составляетъ теперь кадры переселенцевъ, толпами рванувшихся въ Сибирь; можетъ быть, они преобладаютъ въ составѣ тѣхъ „крѣпкихъ и сильныхъ" хозяевъ, которые укрѣпляютъ за собой земли, съ тѣмъ, чтобы ихъ продать: по крайней мѣрѣ, на это указываетъ средній размѣръ выдѣленныхъ участковъ—по 7 съ небольшимъ десятинъ на дворъ, въ полтора раза меньшій нормальнаго крестьянскаго надѣла. Въ четвертой и послѣдней части нашего труда мы надѣемся, если позволятъ обстоятельства, подойти ближе къ этому вопросу.

Итакъ, естественная органическая эволюція распредѣленія, создающаяся подъ вліяніемъ производственныхъ факторовъ, — *дробленіе* площади между возрастающимъ числомъ хозяйствъ, принимающее, при нормальныхъ условіяхъ развитія народнаго хозяйства, форму нивелляровки.

В. Дифференцирующее вліяніе политическихъ факторовъ и капитализма.

Предыдущее изложеніе показываетъ, что размѣры землевладѣнія въ отдѣльныхъ хозяйствахъ всегда расходятся съ размѣрами хозяйственныхъ средствъ: въ крупно-капиталистическихъ и крупно-крестьянскихъ хозяйствахъ размѣры землевладѣнія превышаютъ наличные запасы труда и капитала, необходимые для поддержанія земледѣлія на средней ступени интенсивности въ данный моментъ, мелкія парцельныя хозяйства перенасыщены наличнымъ трудомъ и капиталомъ. Въ индустріи подобнаго расхожденія нѣтъ и не можетъ быть: тамъ формы и размѣры предпріятій обязательно связаны съ формами и размѣрами собственности на средства производства. Крупная собственность въ индустріи—фабрика непремѣнно требуетъ и крупнаго хозяйства, мелкая собственность—мастерская—мелкаго. Расширяя или сокращая свою собственность въ индустріи, предприниматель долженъ соотвѣтственно расширять или сокращать свое производство.

Но владѣлецъ латифундій совершенно свободенъ въ выборѣ размѣровъ своего хозяйства: онъ можетъ ограничиться обработкой огорода въ полъ-десятины, можетъ не

обрабатывать ни пяди земли, но можетъ разрабатывать и всю площадь. Это несоотвѣтствіе размѣровъ землевладѣнія и хозяйства, наблюдаемое въ повседневной дѣятельности, объясняется тѣмъ, что земля не есть *продуктъ человѣческаго труда, а даровое дѣло природы и доступна непосредственному захвату.* Формы земельнаго захвата, какъ онѣ рисуются въ исторіи разбиваются на двѣ категоріи: 1) на всеобщій, неорганизованный, свободный захватъ, развивающійся при переходѣ населенія съ *до*—земледѣльческихъ промысловъ на переложное земледѣліе, при существованіи и господствѣ крупной семьи и волостной общины—слѣдовъ родового быта и племенной организаціи общества. 2) На организованный *политическій* захватъ земли со стороны господствующихъ классовъ, достигающій значительнаго развитія на слѣдующей ступени с.-хоз. эволюціи, при переходѣ съ перелога на трехполье, когда населеніе окончательно осѣдаетъ на землю и земледѣліе становится господствующимъ промысломъ.

Обѣ формы захвата вносятъ въ эволюцію распредѣленія земли *дифференцирующее* начало. Первая форма, связанная съ неограниченнымъ земельнымъ просторомъ и отсутствіемъ частной собственности на землю, исчезаетъ при уплотненіи населенія и разложеніи крупныхъ семей; вліяніе слѣдовъ политическаго захвата велико еще въ настоящее время. Политическіе факторы надолго повернули эволюцію распредѣленія, идущую по направленію къ наибольшей уравнительности, въ противоположную сторону—максимальной дифференціаціи.

Насколько велико значеніе политическихъ факторовъ въ исторіи распредѣленія—видно изъ того, что на ихъ почвѣ происходитъ *образованіе классовъ*, тогда какъ въ индустріи—образованіе классовъ есть результатъ органической эволюціи производства.

Общеизвѣстно, какъ появился классъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Когда трудовое населеніе осѣло на землю, всенародное ополченіе могло быть созываемо только изрѣдка, въ самыхъ экстренныхъ случаяхъ. Уже въ 1103 г въ Кіевской Руси дружинники указываютъ на неудобства похода весной, когда смерды заняты полевыми работами. Въ Европѣ, гдѣ земледѣліе распространилось на нѣсколько вѣковъ ранѣе, къ IX вѣку совершенно исчезла крестьян-

ская пѣхота. „Земледѣлецъ не могъ уходить на войну, иначе—какъ это было въ эпоху Карла Великаго и позднѣе, хозяйство его приходило въ упадокъ и онъ разорялся". (Кулишеръ). Непрерывныя войны заставляютъ монарховъ организовать кадры людей, спеціально занятыхъ военнымъ дѣломъ; содержать ихъ при натуральномъ строѣ и пустыхъ денежныхъ кассахъ было нечѣмъ, кромѣ земли, сосредоточенной въ большихъ массахъ у королей, имѣвшихъ право владѣнія на всѣ завоеванныя и пустопорожнія земли—отсюда и возникаетъ раздача земель дружинникамъ въ частновладѣніе. Поэтому, въ сельскомъ хозяйствѣ, классы создаются гораздо раньше, чѣмъ въ индустріи и при совершенно противоположныхъ условіяхъ—именно тогда, когда, по мнѣнію Бюхера, „не существуетъ никакого народно-хозяйственнаго раздѣленія труда, а, слѣдовательно, никакихъ профессій". Какъ разъ въ это время возникаетъ разграниченіе, по крайней мѣрѣ, двухъ профессій—военной и земледѣльческой, и классъ военныхъ обмѣниваетъ свои услуги королю и народу на право кормиться за счетъ земледѣльческаго класса.

Такимъ образомъ, главное условіе образованія классовъ и сословій въ сельскомъ хозяйствѣ—*война*, а затѣмъ организація управленія государствомъ. „Война, говоритъ Зиберъ, служитъ отправной точкой процесса образованія сословія, но сверхъ того и постояннымъ условіемъ дальнѣйшаго его развитія" (собр. соч. т. I стр. 125). У насъ на сѣверѣ въ XVII в. не было военно-служилаго класса—не было и политическаго захвата земель и крѣпостного права. По словамъ лучшаго изъ современныхъ историковъ сѣвера г. Богославскаго, сказаннымъ на диспутѣ при защитѣ его диссертаціи, причину сохраненія крестьянствомъ сѣвера свободы „надо усматривать въ томъ, что сѣверъ былъ застрахованъ отъ враждебныхъ нападеній, почему здѣсь и не было почвы для развитія помѣстнаго служилаго класса, который затѣмъ закрѣпостилъ бы сельское населеніе".

Военный господствующій классъ, вмѣстѣ съ Церковью, создаютъ институтъ частной земельной собственности въ Европѣ и въ Россіи. Въ Европѣ „раньше, чѣмъ общинныя земли успѣли превратиться въ индивидуальную собственность, возникла частная земельная собственность на другія категоріи земель, на пустопорожнія земли, или земли, от-

мятыя у другихъ племенъ“ (Кулишеръ, лекціи, стр. 21). Церковь, какъ у насъ, „ставится на равную ногу съ королемъ—въ пользу нея можно завѣщать свое имущество помимо наслѣдниковъ. Въ Кіевской Руси первыми частными собственниками земли сдѣлались князья, потомъ монастыри, за ними бояре и прочіе дружинники. Разобравши завоеванныя и пустыя земли, господствующіе классы феодаловъ и духовенства, при помощи королей или простымъ насиліемъ, или по добровольному согласію *) мелкихъ землевладѣльцевъ разбираютъ и земли, принадлежащія волостной общинѣ или отдѣльнымъ крестьянамъ. Происходитъ концентрація земельной собственности и въ Англіи; тамъ, гдѣ до завоеванія сидѣло десять или двѣнадцать свободныхъ, водворяется одинъ нормандскій баронъ или аббатъ“ (Виноградовъ), а къ концу періода Каролинговъ и во Французской монархіи, какъ мелкое равномѣрное распредѣленное землевладѣніе, такъ и общины мелкихъ землевладѣльцевъ исчезаютъ“. (Кулишеръ). Къ X—XI ст. въ Европѣ крупныя помѣстья становятся господствующимъ явленіемъ: монастырскія помѣстья въ 300 гуфъ (свыше 4 тыс. дес.) считались мелкими, въ 1—2 тыс. гуфъ (до 25 тыс. дес.) средними, а въ 3—8 тыс. (до 100 тыс. дес.)—крупными. Свѣтскія владѣнія были также очень велики.

Слѣдующій періодъ XII—XV в. в. характеризуется въ Западной Германіи, Франціи, Англіи нѣкоторымъ дробленіемъ владѣній. Болѣе всего сократились королевскіе домены, но раздробились и владѣнія монастырей и свѣтскія помѣстья. Монастырскія имѣнія въ 300 гуфъ считались уже крупными такъ же, какъ и свѣтскія владѣнія съ 20 крестьянскими держателями (тогда, какъ раньше нормальны были *даренія* въ 100 и 150 держателей). Въ этотъ періодъ въ Англіи, западной части Франціи произошло постепенное раскрѣпощеніе крестьянъ, въ Германіи, наоборотъ, крѣпостное право усилилось.

Въ третій періодъ съ XVI в. до эпохи французской революціи въ Англіи крестьяне обезземеливаются, и ихъ

*) Добровольная передача земель—commendatio — сильнымъ владѣльцамъ была распространена въ ту эпоху всеобщаго насилія. Соціальныя условія ранняго средневѣковья въ Европѣ не допускали существованія класса „мелкихъ“, „бѣдныхъ“, „свободныхъ“, т. е. людей безсильныхъ“. Павловъ-Сильванскій доказалъ, что она существовала и въ Россіи.

земли переходятъ къ лендлордамъ. Во Франціи сеньоры также расхватываютъ остатки свободныхъ общинныхъ угодій. Передъ революціей господствующимъ классамъ юридически принадлежала вся земля, фактически, въ пользованіи крестьянъ оставалось, по разнымъ источникамъ отъ $^1/_3$ до $^2/_3$ удобной земли. Во Франціи и въ Западной Германіи крѣпостное право смѣнилось вѣчно-арендными отношеніями (чиншемъ). Франція и вся Западная Германія представляютъ собой страны сеньоріальнаго, основаннаго на крестьянскихъ платежахъ аграрнаго строя, восточная Германія и далѣе—Польша и Россія являются государствами съ помѣщиками—сельскими хозяевами, имѣющими самостоятельное хозяйство. Характерную черту первыхъ составляетъ мелкое крестьянское хозяйство, уплачивающее оброкъ, вторыхъ—крупныя помѣщичьи хозяйства, обрабатываемыя барщиннымъ трудомъ. (Кулишеръ, стр. 201) Въ восточной Германіи—пожалованія и самовольные захваты быстро расширили дворянское землевладѣніе — поэтому и до сихъ поръ, особенно на крайнемъ востокѣ, здѣсь сосредоточенъ цвѣтъ юнкерства. Еще въ 1882 г. хозяйства свыше 100 гектаровъ занимали въ 7 восточныхъ провинціяхъ 42% всей площади, тогда какъ во всей Германіи—только 24,4%, несмотря на то, что послѣ 1848 г. до 70-хъ гг. крупныя владѣнія Пруссіи сократились на 16%.

Такимъ образомъ, исторія помѣщичьяго землевладѣнія Европы проходитъ три періода: первоначальной концентраціи, послѣдующаго дробленія и новой концентраціи, продолжающейся на континентѣ Европы до революціи и реформы, положившихъ предѣлъ дальнѣйшему расширенію. Въ Россіи мы находимъ тѣ же три періода: въ удѣльную эпоху—кратковременный расцвѣтъ политическаго феодализма и первоначальная концентрація землевладѣнія; въ Московскую эпоху—эпоху сословной монархіи земли раздаются въ помѣстья, подобно ленамъ Западной Европы. Общая территорія дворянскаго землевладѣнія разрослась очень сильно—приблизительно до 25—30 млн. дес., но средніе размѣры дворянскихъ владѣній нѣсколько уменьшились. Съ конца XVII в. абсолютная монархія и связанный съ ней фаворитизмъ съ одной стороны расширяютъ, съ другой укрупняютъ, концентрируютъ помѣщичье землевладѣніе: передъ реформой дворянскія земли въ 44 губ. охватывали 105 млн. десятинъ,

изъ которыхъ, судя по числу душъ, 81,4% принадлежало въ 1835 г. владѣльцамъ свыше 100 душъ, т. е. не менѣе 1000 десятинъ—концентрація, невиданная нигдѣ въ Европѣ, кромѣ Англіи.

Мы много мѣста удѣлили анализу вліянія политическихъ факторовъ и въ первой части, и въ предшествующихъ главахъ, и историческая роль ихъ намъ кажется достаточно выясненной для читателя; поэтому мы не считаемъ нужнымъ много распространяться о нихъ въ заключеніи. Основной выводъ по этому вопросу будетъ таковъ: политическіе факторы, пока они доминировали въ народно-хозяйственной жизни, вносили въ эволюцію распредѣленія земли *дифференцирующее* начало. Раздѣляя населеніе на классы и сословія, предоставляя однимъ классамъ землю, власть надъ народной массой и даже ея даровой трудъ, отнимая у этой массы всѣ права и значительную долю средствъ существованія, политическіе факторы, создавали экономическую дифференціацію такого огромнаго масштаба, съ которой едва можетъ сравниться современная дифференціація въ индустріи. Помѣщичье землевладѣніе, а въ странахъ съ развитой барщиной и хозяйство, расширялось, укрупнялось, концентрировалось, т. е. обнаруживало процессъ *подвижки вверхъ*; крестьяне, вслѣдствіе политическаго гнета, *экспроприаціи* землевладѣнія, а потомъ и землепользованія, въ концѣ концовъ, начали разоряться, нищать, обнаруживать *подвижку внизъ*: пропасть между обоими сословіями расширялись до того момента, пока отнятое, сжатое въ средствахъ существованія до послѣдней степени крестьянство не выдержало и не взорвалось, какъ взрываются пары въ перегруженномъ ими котлѣ.

XIX в. и, главнымъ образомъ вторая его половина, характеризуется все возрастающимъ обратнымъ процессомъ *дробленія крупнаго землевладѣнія* и хозяйства во всѣхъ странахъ Европы, въ Россіи и въ Соединенныхъ Штатахъ. Въ первой части нами были приведены цифровыя данныя, подтверждающія всеобщность дробленія, наблюдаемаго и въ капиталистическихъ странахъ съ сильнымъ развитіемъ индустріи и въ странахъ, гдѣ индустрія и капитализмъ развиты слабо, въ странахъ съ экстенсивнымъ и въ странахъ съ интенсивнымъ земледѣльческимъ хозяйствомъ. Новѣйшія данныя по Германіи (1907 г.) и Англіи (1905 г.) не только

подтверждаютъ фактъ дробленія, но и констатируютъ его замѣтное усиленіе. Такъ, площадь хозяйствъ свыше 100 гектаровъ сократилась въ Германіи за 1882—95 г. г. относительно на1,3%, а въ 1895—1907 г.г. уже на 8,3%—почти въ семь разъ болѣе; въ Великобританіи абсолютное число хозяйствъ свыше 120 гектаровъ въ 1885—95 г.г. убавилось на 600, а въ 1895—1905 г.г.—на 900. Фактъ дробленія въ европейскихъ странахъ показываетъ, что крупное землевладѣніе и хозяйство, созданное не тѣмъ путемъ, какимъ оно образовалось въ индустріи—путемъ естественной эволюціи производства, ведущей неизбѣжно къ концентраціи, благодаря технико-экономическимъ преимуществамъ крупныхъ хозяйствъ, а *вопреки* органической эволюціи, начинаетъ распадаться, какъ только политическіе факторы, его создавшіе, исчезаютъ съ исторической арены. Теперь спрашивается, каковы основныя причины, создающія такое повсемѣстное дробленіе крупныхъ хозяйствъ?

Самое яркое явленіе народно-хозяйственной жизни въ послѣднее время—развитіе индустріи, обмѣна и капитализма. О роли обмѣна мы уже высказывались въ этой главѣ: говорили и о земледѣльческомъ капитализмѣ: но мы не еще затронули вліяніе *промышленнаго* капитализма, а между тѣмъ г. Сухановъ въ своей большой и содержательной работѣ выставляетъ на первый планъ именно нивеллирующее вліяніе промышленнаго капитализма на земледѣліе. Поэтому позволимъ себѣ нѣсколько остановиться на этомъ вопросѣ.

Промышленный капитализмъ, по мнѣнію г. Суханова, губитъ капитализмъ земледѣльческій тѣмъ, что отнимаетъ у него рабочія руки, т. е. лишаетъ его производительнаго значенія. Г. Сухановъ знаетъ, что большая плотность населенія и связанная съ ней интенсификація земледѣлія также участвуютъ въ уничтоженіи земледѣльческаго капитализма, но онъ думаетъ, что ихъ роль второстепенна, и притомъ интенсификація *совпадаетъ съ индустріализаціей*. Г. Сухановъ, какъ и г. Масловъ, оба—убѣжденные сторонники факта паденія производительности труда въ сельскомъ хозяйствѣ и оба, независимо одинъ отъ другого, вывели, что этотъ фактъ является стимуломъ для общественнаго раздѣленія труда, для перехода части населенія къ занятію индустріей. „Переходъ къ болѣе интенсивному земледѣлію, го-

ворить г. Сухановъ, немыслимъ безъ перехода части населенія къ неземледѣльческимъ занятіямъ... Поэтому, интенсификація земледѣлія есть именно такое условіе, которое имѣетъ внутреннюю связь съ развитіемъ промысловъ и „всякая интенсивная мѣстность есть мѣстность промысловая“. Отсюда выводъ: „условія, внутренне связанныя съ развитіемъ промысловъ, оказываютъ рѣшающее вліяніе на земледѣльческій капитализмъ“ (стр. 364). Вслѣдствіе факта паденія производительности труда, условія земледѣльческаго капитализма, вообще, очень неблагопріятны: онъ можетъ держаться лишь до тѣхъ поръ, пока населеніе рѣдко, пока система земледѣлія экстенсивна, т. е. болѣе производительна, что позволяетъ капиталисту оплачивать трудъ рабочихъ относительно хорошо (напр., въ Америкѣ и у насъ въ Малороссіи) и пока на сцену не появляется промышленный капитализмъ. Когда же этотъ послѣдній, рука объ руку съ интенсификаціей земледѣлія, появляется на исторической аренѣ —земледѣльческій капитализмъ умираетъ. „Земледѣльческій капитализмъ и ему поэтому умираетъ съ ростомъ индустріи, что неблагопріятныя его свойства не позволяютъ ему обезпечить своимъ рабочимъ нормальный уровень вознагражденія труда капиталомъ и удержать въ своемъ распоряженіи рабочую силу, перетекающую въ индустрію“ (стр. 374). Разъ индустрія является могильщикомъ земледѣльческаго капитализма, то въ странахъ съ болѣе развитой индустріей и съ болѣе интенсивнымъ хозяйствомъ—т. е., вообще стоящихъ на высшихъ ступеняхъ развитія производительныхъ силъ, земледѣльческій капитализмъ долженъ быть менѣе развитъ, чѣмъ въ странахъ экстенсивныхъ, со слабымъ развитіемъ капитализма и вообще—съ низкимъ уровнемъ развитія производительныхъ силъ.

Въ странахъ большого развитія индустріи и болѣе высокаго уровня производительныхъ силъ... земледѣльческій капитализмъ долженъ играть еще меньшую роль и долженъ разрушаться болѣе интенсивно, чѣмъ въ Россіи“ (стр. 388).

При самомъ поверхностномъ сопоставленіи съ фактами, мы убѣждаемся въ несостоятельности столь широкаго взгляда на рѣшающую роль индустріи въ сельско-хозяйственныхъ отношеніяхъ. Прежде всего, не совсѣмъ правиленъ взглядъ г. Суханова, что интенсификація связана съ индустріализаціей. Мы указывали въ первой части—и это указаніе по-

вторяется г. Масловымъ, въ новой его работѣ,—что есть страны съ экстенсивнымъ хозяйствомъ и широко развитой индустріей (Соединенные Штаты, нѣкоторые штаты Австраліи) и страны съ интенсивнымъ хозяйствомъ и слабо развитой индустріей (Китай). Въ болѣе тѣсныхъ предѣлахъ Европы интенсификація чаще совпадаетъ съ индустріализаціей, но и здѣсь не всегда и не вездѣ. Мы затрудняемся установить какое-либо точное мѣрило степени интенсивности земледѣлія для всѣхъ странъ: пусть будетъ имъ урожайность главныхъ хлѣбовъ Европы—пшеницы и ржи.

% неземледѣльческаго населенія.		Урожайность пшеницы (килогр. на 1 гектаръ). *)
Великобританія	87,6	2163.
Бельгія	78,9	2264.
Германія	68,1	1998 (ржи 1572).
Франція	58,2	1284.
Данія	52,0	2927 (ржи 1704)
Италія	40,6	935.
Россія	25,1	602 (ржи 685).

Конечно, можно привести сильныя возраженія противъ нашего опредѣленія степени интенсивности земледѣлія только по урожайности: климатическія условія, почва, вообще постоянные природные факторы измѣняютъ урожайность независимо отъ степени интенсивности; мы не могли взять урожайность за рядъ лѣтъ (см. примѣчаніе): по одному (или двумъ) хотя бы главнымъ хлѣбамъ, урожайность опредѣляется не полно и т. д. Но мы не утверждаемъ, что наша табличка точно характеризуетъ степень интенсивности земледѣлія: мы приводимъ ее только какъ *предостереженіе* автору отъ черезчуръ поспѣшныхъ широкихъ и важныхъ выводовъ, не провѣренныхъ строгимъ фактическимъ анализомъ.

Тѣмъ не менѣе, мы все-таки допускаемъ, что хотя не полное и не повсемѣстное совпаденіе индустріализаціи и

*) Вычитано по Заку: данныя за 1908 и 1907 г. г.; конечно, неправильно высчитывать урожайность по одному году, но другихъ данныхъ сейчасъ нѣтъ у насъ подъ руками. Неземледѣльческое населеніе взято по проценту самодѣятельнаго. Въ Россіи же, вслѣдствіе неправильности учета самодѣятельности (самостоятельности) всего населенія.

интенсификаціи существуетъ *), но не потому, чтобы—между ними была какая-либо причинная связь, а потому, что въ европейскихъ условіяхъ оба явленія появились одновременно послѣ рѣзкаго и быстраго роста населенія въ концѣ XVIII и началѣ XIX в. Ростъ населенія заставилъ земледѣльческую его часть интенсифицировать, сельское хозяйство и доставилъ еще ранѣе накопленному капиталу рабочія руки (см. Зомбарта). По самые процессы эволюціи сельскохозяйственнаго производства и распредѣленія, развитія индустріи проходятъ *независимо другъ отъ друга*, поскольку они не связаны общимъ подъемомъ науки, культуры, техники, производительныхъ силъ вообще.

Зато главный выводъ г. Суханова, что аграрный капитализмъ убиваетъ индустрію, совершенно не выдерживаетъ фактической повѣрки. Въ брошюрѣ „земельный переворотъ въ Россіи“ мы сравнивали аграрный капитализмъ Россіи и Германіи и изъ этого сравненія желающіе могутъ убѣдиться, что въ промышленной Германіи аграрный капитализмъ болѣе развитъ, чѣмъ въ земледѣльческой Россіи: идя далѣе на западъ, мы видимъ, что въ Англіи индустріализмъ до сихъ поръ еще сильнѣе, чѣмъ въ Германіи, но и земледѣльческій капитализмъ здѣсь болѣе могущественъ. Вообще, сравнивая процентъ внѣ-земледѣльческаго населенія со степенью развитія земледѣльческаго капитализма, получаемъ:

	% внѣземледѣл. населенія.	% крупныхъ хозяйствъ.	% площади у нихъ.
Великобританія	87,6	(свыше 120 гект.)—3,6	27,4
Бельгія . . .	78,9	(„ 109 „)—0,2	3,4
Новая Зеландія	74,3	(„ 400 „)—5,3	73,0
Германія. , .	68,1	(„ 100 „)—0,5	24,1
Соедин. Штаты	64,1	(„ 200 „)—2,7	34,9
Австрія . . .	41,8	(„ 100 „)—1.3	—
Россія . . .	25,1	(„ 109 „)—0,9	36,7

Какое причудливое сочетаніе странъ даетъ фактическая повѣрка теоріи г. Суханова! Новая Зеландія, по проценту

*) Такъ на приведенной табличкѣ, если выбросить Бельгію и Данію, получится систематическое паденіе урожайности вмѣстѣ съ пониженіемъ процента неземледѣльческаго населенія.

внѣ-земледѣльческаго населенія, стоитъ рядомъ съ Бельгіей, Соединенные Штаты съ Германіей; въ Новой Зеландіи крупные хозяева захватили 73% площади, а въ Бельгіи только 3,4. Никакой, рѣшительно, правильности сопоставленіе степени развитія индустріи съ относительнымъ числомъ земледѣльческихъ капиталистическихъ хозяйствъ не даетъ и не можетъ дать. Между тѣмъ, сопоставивъ размѣры земледѣльческихъ предпріятій съ полностью населенія, мы увидали выше между рядами цифръ очень тѣсную, вполнѣ отчетливо выраженную зависимость.

Если географическая повѣрка подрываетъ выводы г. Суханова, то окончательно разбиваетъ ихъ исторія. По теоріи автора земледѣльческій капитализмъ долженъ разрушаться быстрѣе тамъ, гдѣ сильнѣе идетъ индустріализація — т. е. въ Европѣ быстрѣе, чѣмъ въ Россіи. Наше предыдущее изложеніе говоритъ, какъ разъ наоборотъ, что нигдѣ крупное землевладѣніе и хозяйство не исчезаетъ такъ быстро, и оно всей тяжестью напираетъ на помѣстное землевладѣніе и хозяйство. Разрушаться земледѣльческій капитализмъ сталъ сейчасъ же послѣ реформы, когда индустрія развивалась сравнительно слабо, а послѣ 80-хъ г. г., когда начался расцвѣтъ индустріи, это разрушеніе (по отношенію къ хозяйству, а не землевладѣнію) пошло болѣе медленнымъ темпомъ. То же самое наблюдалось и въ Пруссіи.

Намъ кажется, что выводы автора, съ которыми до извѣстной степени, мы не можемъ не согласиться, страдаютъ излишней преувеличенностью вслѣдствіе не критическаго отношенія къ „факту“ паденія производительности труда. Анализируя этотъ „фактъ“, мы пришли къ выводу, что производительность труда падаетъ въ концѣ всякой экстенсивной системы, но въ интенсивныхъ системахъ, планомѣрно развивающихъ всѣ стороны производительныхъ силъ природы, производительность труда не падаетъ, а растетъ, что доказывается уже точными статистическими данными. Крупное капиталистическое хозяйство менѣе всякаго другого приспособлено къ интенсификаціи, во 1-хъ, вслѣдствіе своей большой протяженности.

Даже Каутскій сознается, что въ сельскомъ хозяйствѣ расширеніе площади предпріятія ведетъ къ увеличенію потери въ матеріалахъ, тратѣ силъ, средствъ и времени для перевозки матеріаловъ, къ затрудненію надзора и т. п. Во

2-хъ)—крупно-капиталистическое хозяйство стремится получить наивысшій процентъ чистаго дохода, а это легче всего добиться при помощи экстенсификаціи хозяйства.

Такимъ образомъ, для крупнаго капиталистическаго хозяйства отрѣзанъ путь развитія производительности труда, при помощи интенсификаціи: оно вынуждено оставаться болѣе экстенсивнымъ, и эта экстенсивность дѣлаетъ его неустойчивымъ при малѣйшихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, которыя и создавались въ Европѣ, благодаря паденію цѣнъ. Паденіе цѣнъ обозначаетъ сокращеніе процента чистаго дохода: съ этимъ сокращеніемъ можно бороться талько увеличеніемъ валового дохода, т. е. интенсификаціей, а крупное хозяйство къ интенсификаціи приспособлено гораздо меньше, чѣмъ мелкое: поэтому оно и гибнетъ въ борьбѣ разныхъ хозяйствъ за землю.

Въ Россіи, переживающей кризисъ экстенсивнаго трехполья, конечно, невозможно говорить, что мелкое хозяйство развиваетъ производительность труда болѣе, чѣмъ крупное, и этимъ побиваетъ его. Здѣсь, какъ часто бываетъ при ломкѣ старой системы земледѣлія (такъ было въ Европѣ сто лѣтъ назадъ) нѣкоторыя крупныя хозяйства даже идутъ во главѣ реформы сельско-хоз. производства. Но, въ общемъ, нигдѣ размѣры землевладѣнія такъ не расходятся съ размѣрами хозяйства, и въ то время, какъ крестьяне страдаютъ отъ избытка конской рабочей силы, т. е. отъ избытка, земледѣльческаго капитала, у частныхъ владѣльцевъ дворянъ *на 100 десятинъ землевладѣнія приходится одна рабочая лошадь, у купцовъ еще меньше.* Вооруженные избыточными запасами труда и капитала наши крестьяне, для которыхъ борьба за землю есть борьба за существованіе, при всемъ своемъ невѣжествѣ и отсталости, побѣждаютъ крупное землевладѣніе, лишенное главнаго орудія борьбы. И до тѣхъ поръ, пока хоть отчасти, размѣры крупнаго землевладѣнія у насъ не сравняются съ размѣрами хозяйства—до тѣхъ поръ, надо полагать, крупное землевладѣніе будетъ разрушаться такъ же быстро, какъ и теперь; потомъ, если политическія условія не измѣнятся, это разрушеніе пойдетъ болѣе медленнымъ темпомъ, такимъ, какимъ оно идетъ въ Западной Европѣ.

Итакъ, признавая извѣстное значеніе за развитіемъ промышленнаго капитализма, отвлекающаго населеніе въ

города и повышающаго заработную плату, мы не можемъ считать развитіе индустріи *уравнивающимъ* факторомъ для эволюціи распредѣленія въ сельскомъ хозяйствѣ. Какъ ни соблазнительна эта идея побить марксистовъ ихъ же оружіемъ, мы должны отказаться отъ нея во имя трезвой правды реальныхъ факторовъ. Не можемъ мы, конечно, согласиться и съ авторами марксистскаго направленія, которые признаютъ за капитализмомъ вообще (и за промышленнымъ и торговымъ въ частности) дифференцирующее значеніе,—просто потому, что мы считаемъ доказаннымъ несомнѣнный фактъ *дробленія* хозяйствъ каждый разъ при развитіи капитализма.

Однако, въ исторіи были моменты, когда кое-гдѣ, при рѣдкомъ населеніи и экстенсивномъ хозяйствѣ капитализмъ оказывалъ дифференцирующее вліяніе. Рельефный примѣръ этого вліянія даетъ намъ сѣверъ въ XVII и началѣ XVIII в. в.: тамъ не было военной опасности, не было и помѣщичьяго класса, но купеческій капиталъ, благодаря Бѣломорской торговлѣ, рыбнымъ и звѣринымъ промысламъ, былъ, по тому времени, довольно силенъ; купцы вторгались въ крестьянскую жизнь и дифференцировали массу, скупая землю у слабыхъ хозяевъ и превращая ихъ въ половниковъ. При господствѣ общинныхъ правъ, на югѣ и юго-востокѣ заводятся крупныя арендаторскія, а иногда собственническія хозяйства купцовъ; и теперь купеческія земли преобладаютъ на юго и сѣверо-восточныхъ окраинахъ. На далекомъ Западѣ Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ до сихъ поръ господствуетъ хищническое экстенсивное земледѣліе, царятъ гигантскія формы капиталистическаго типа. При уплотненіи населенія, при интенсификаціи земледѣлія капиталъ забрасываетъ ставшее для него ненужнымъ сельское хозяйство.

По своей природѣ, капитализмъ, какъ и политическіе факторы, вноситъ дифференцирующее начало въ сельскохозяйственныя отношенія. Пока ему выгодно входить въ эти отношенія—при экстенсивныхъ системахъ или при сильной нуждѣ въ кредитѣ (какъ было у насъ вскорѣ послѣ освобожденія, когда выкупная операція и прочія подати сразу увеличили денежную часть крестьянскаго бюджета)—онъ несетъ за собой дифференціацію. Но интенсификація земледѣлія, правильно поставленный кредитъ, дѣлаетъ для капитализма не интересной сельскохозяйственную сферу—онъ и исчезаетъ и съ его исчезновеніемъ вымираютъ тѣ ростки диффе-

ренціаціи, которые выросли подъ его непосредственнымъ вліяніемъ.

Конечно, въ прежнее время капитализмъ вліялъ на эволюцію распредѣленія гораздо слабѣе, чѣмъ политическіе факторы; слабѣе вліяетъ онъ и теперь, несмотря на то, что политическіе факторы, создавшіе дифференціацію, отошли въ прошлое и дѣйствуютъ сейчасъ больше по инерціи. Для сравненія значенія капитализма и политическихъ факторовъ, возьмемъ двѣ страны: Соединенные Штаты, гдѣ соціальнаго феодализма почти не было, т. к. исторія Штатовъ началась послѣ его паденія, и Россію — гдѣ политическіе факторы сохраняютъ до сихъ поръ наибольшую силу, и гдѣ капитализмъ наиболѣе слабъ. Такимъ образомъ, по этимъ странамъ мы можемъ сравнить отдѣльно въ наиболѣе чистомъ видѣ, силу капитализма и силу политическихъ факторовъ въ борьбѣ съ нивеллирующимъ началомъ уплотненія населенія, т. е. интенсификаціей земледѣлія.

Соединенные Штаты.

Районы.	Плотность населенія на кв. километръ	% фермъ свыше 400 гектаровъ
Сѣверо-атлантическ. . .	107,4	0,11
Южно-атлант.	33,0	1,07
Сѣверо центр.	29,7	0,23
Южно-центр.	18,9	1,13
Далекій Западъ	2,9	4,13

За исключеніемъ южныхъ атлантическихъ Штатовъ, гдѣ еще сохранились слѣды бывшихъ рабовладѣльческихъ плантацій, т.-е., гдѣ и въ Америкѣ сказалось вліяніе политическихъ факторовъ — крупно-капиталистическія фермы исчезаютъ по направленію съ запада на востокъ подъ давленіемъ *возрастающей плотности населенія*. Не то мы видимъ въ Россіи, если возьмемъ одни частновладѣльческія хозяйства.

Районы.	Плотность сельскаго населенія на 1 кв. в.	Процентъ площади влад., имѣющихъ свыше 500 дес.
Западно-малорос. . . .	60,1	76,3
Восточно-малорос. . . .	49,2	51,3
Земледѣльч. центр . . .	45,4	57,1
Литва и Бѣлорус. . . .	33,4	70,6
Московско-промышл. . .	29,6	72,4
Средне-волжск.	29,1	53,2
Новороссійскій.	25,1	73,9
Прибалтійскій.	22,0	89,1
Сѣверо-восточный . . .	13,6	98,5
Сѣверо-западный. . . .	12,6	65,7
Заволжье	9,9	85,2
Сѣверъ.	1,5	61,3

Никакой зависимости между плотностью населенія и количествомъ земли у крупно-капиталистическихъ владѣльцевъ нѣтъ: свыше 70% частновладѣльческой земли находится въ рукахъ владѣльцевъ болѣе 500 дес. и въ тѣхъ районахъ, гдѣ плотность населенія достигаетъ 60 человѣкъ на кв. в., и въ тѣхъ, гдѣ она менѣе 10 человѣкъ. Но мы легко установимъ причину концентраціи землевладѣнія въ разныхъ районахъ, если обратимся къ исторіи. Болѣе 70% площади крупныхъ владѣній оказывается въ *западныхъ* районахъ — западно-малорусскомъ, бѣлорусско-литовскомъ и прибалтійскомъ, гдѣ не такъ давно еще владѣльчествовали польскіе магнаты и тевтонскіе бароны, а также на нашихъ *южныхъ и восточныхъ окраинахъ*, начиная со средняго Поволжья, Заволжья, Новороссіи и кончая сѣверо восточнымъ, — районовъ перваго и второго поясовъ колонизаціи, гдѣ оставилъ до сихъ поръ неизглаженные слѣды фаворитизмъ императорско-дворянской эпохи.

Не только въ Россіи замѣтны слѣды политическихъ факторовъ; они велики еще и въ Европѣ; въ доказательство достаточно привести цифры арендующихъ хозяйствъ.

	Число арендующихъ хозяйствъ (въ тыс.).	Число не арендующихъ и ведущихъ хозяйство на собствен. землѣ (въ тыс.).
Великобританія.	459	61
Италія.	1436	1325
Германія (1895 г.). . . .	2607	2951
Бельгія.	598	232
Австрія	782	2054
Голландія	83	100
Франція	1406	4191
Итого . . .	7371	10914

Въ 7 государствахъ Европы число арендующихъ хозяйствъ доходитъ до 40,3%. У насъ, по разсчетамъ проф. Мануйлова, арендуетъ 37% крестьянскихъ дворовъ. Аренда наглядно показываетъ, насколько въ настоящее время еще расходятся размѣры собственности съ размѣрами хозяйства: двумъ-пятымъ всѣхъ хозяйствъ Европы не хватаетъ своей земли для мало-мальски продуктивнаго использованія наличныхъ запасовъ труда и капитала. Нужная этимъ хозяйствамъ земля находится въ рукахъ крупныхъ собственниковъ, не имѣющихъ достаточно запасовъ труда и капитала, чтобы самимъ оживить свои пустыри,

При современныхъ условіяхъ нельзя думать, что послѣдствія дѣйствовавшихъ до послѣдней эпохи политическихъ факторовъ скоро исчезнутъ съ лица земли. Но все-таки, несомнѣнно, что владѣнія, слабо оборудованныя трудомъ и капиталомъ по отношенію къ территоріи, въ иныхъ странахъ медленно, въ другихъ скорѣе *разрушаются* подъ вліяніемъ естественныхъ послѣдствій интенсификаціи сельскаго хозяйства.

Г. Общіе выводы. Основной принципъ эволюціи распредѣленія.

Общіе выводы изъ всего вышеизложеннаго мы можемъ уложить въ три элементарныхъ тезиса.

1) Основной принципъ эволюціи производства—*развитіе*

производительности земли, происходящее подъ вліяніемъ роста и умноженія населенія.

2) Развитіе производительности земли, въ силу естественныхъ условій производства и вслѣдствіе измѣненій въ семейномъ составѣ населенія, ведетъ къ *дробленію* земли и прочихъ средствъ производства между возрастающимъ числомъ отдѣльныхъ самостоятельныхъ хозяйствъ. Нормальный типъ дробленія—*нивеллировка*, не нормальный, возникающій при паденіи производительныхъ силъ страны—*подвижки внизъ*.

3) Политическіе факторы вносятъ въ этотъ органическій процессъ эволюціи распредѣленія *дифференцирующее* начало. Пока они обладаютъ достаточной силой, они выбиваютъ теченіе эволюціи изъ ея природнаго русла: когда они теряютъ значительную долю своей силы—эволюція распредѣленія начинаетъ опять итти нормальнымъ ходомъ.

Итакъ, мы считаемъ нормальнымъ типомъ эволюціи распредѣленія—*нивеллировку*.

Два крайнихъ полюса экономической группировки—крупно-капиталистическія и мелко-крестьянскія (парцельныя) хозяйства являются неустойчивыми; первые—вслѣдствіе слабыхъ запасовъ труда и капитала на единицу площади и въ силу экстенсивности своего производства, вторые—отъ перенасыщенія трудомъ и капиталомъ, не находящимъ продуктивнаго примѣненія на ничтожныхъ участкахъ. Крупно-капиталистическія хозяйства съ ходомъ аграрной эволюціи должны дробиться, переходить въ разрядъ—*мелко*-капиталистическихъ (среднихъ), какъ это происходитъ въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ, или поглощаться средне-крестьянскими хозяйствами, какъ въ Германіи. Мелко-крестьянскія должны или *расширить* площадь своего землепользованія на родинѣ покупкой или арендой, или переселеніемъ въ страны со свободной землей, т. е., такъ или иначе, но подняться на слѣдующую ступень, или окончательно разстаться съ землей и пополнить *кадры промышленнаго пролетаріата*.

Вотъ основныя положенія, вытекающія изъ всей нашей работы.

Направленіе эволюціи распредѣленія устанавливается реальными фактами дѣйствительности, комбинируемыми при помощи статистическихъ пріемовъ. Каждый фактъ, каждо-

явленіе въ соціально-экономической жизни есть результатъ сложнаго взаимодѣйствія различныхъ силъ, изъ которыхъ каждая, въ свою очередь, зависитъ отъ цѣлаго ряда другихъ силъ. При однихъ условіяхъ развиваются однѣ силы и порождаютъ данное явленіе, при другихъ условіяхъ—другія силы, создающія явленіе совсѣмъ иного порядка. Мы въ состояніи теперь, преимущественно, при помощи статистическаго метода, довольно точно сфотографировать то или иное явленіе, и эта фотографія является, въ нашихъ глазахъ, фактомъ, споритъ противъ котораго по *существу* нельзя; можно только спорить по поводу точности передачи явленія, т. е. оспаривать полноту и достовѣрность зарегистрированныхъ фактовъ и правильность примѣненныхъ при регистраціи пріемовъ. Если факты констатируютъ дробленіе и нивеллировку распредѣленія въ сельскомъ хозяйствѣ въ тотъ или иной историческій моментъ, можно доказывать, что эти факты не полны, не точны, т. е. неправильно передаютъ данное жизненное явленіе, но нельзя говорить, что это—не дробленіе, а концентрація, не нивеллировка, а дифференціація [1]).

Зато вопросъ о *причинахъ*, порождающихъ данное явленіе, въ виду ихъ многочисленности, сложности и трудной уловимости, подвергался, подвергается и будетъ подвергаться безконечнымъ словопреніямъ по существу, и только усовершенствованіе статистическаго метода, современемъ, освободитъ эти словопренія отъ субъективизма изслѣдователей, отъ котораго, конечно, теперь не свободенъ никто, въ томъ числѣ и пишущій эти строки. Каждый экономическій фактъ есть результатъ множественности причинъ: уловить ихъ—невозможно: изслѣдователь можетъ отмѣтить только главныя причины, дѣйствующія постоянно, а не случайно. Но въ томъ-то суть, что критерій ихъ значенія находится въ головахъ у авторовъ... Легко доказуемо, что та или иная причина *дѣйствуетъ* вообще на данное явленіе; но весь вопросъ въ томъ, *какъ* она дѣйствуетъ на него. Поэтому, единственное, что можно и должно требовать отъ автора при теоретическомъ объясненіи причинозависимостей дан-

[1]) Хотя подобные казусы и случались кое съ кѣмъ изъ нашихъ экономистовъ, отчасти, вир чемъ, благодаря неяснос.и. до сихъ поръ не установленной твердо, терминологіи процессовъ эволюціи распредѣленія.

наго явленія, — *чтобы исторія не расходилась съ уже констатированными фактами.* Въ этихъ рамкахъ мы и старались держать наши теоретическія построенія.

Современные экономисты выставляютъ слѣдующіе главные факторы, вліяющіе на эволюцію распредѣленія средствъ производства въ сельскомъ хозяйствѣ: 1) капитализмъ и обмѣнъ вообще—торговый и промышленный капитализмъ въ частности. 2) Технико-экономическія условія производства. 3) Населеніе—ростъ, уплотненіе населенія, его семейный составъ. 4) Общій уровень производительныхъ силъ страны (въ томъ числѣ культурное развитіе). 5) Политическіе факторы. 6) Психологическіе факторы.

Мы считаемъ изъ этихъ факторовъ наиболѣе важными и технико-экономическія условія производства, населенность, политическіе факторы и общій уровень производительныхъ силъ. Капитализмъ и обмѣнъ, по нашему мнѣнію, въ эволюціи распредѣленія не играютъ первенствующей роли. Что касается до психологическихъ факторовъ, то они лежатъ внѣ сферы компетенціи сельско-хозяйственной экономіи.

Производительные факторы, плюсъ населенность создаютъ естественную „органическую“ эволюцію распредѣленія, политическіе факторы отклоняютъ эту эволюцію отъ ея нормальнаго хода. Мы позволяемъ себѣ думать, что и въ индустріи *концентрація* происходитъ, благодаря специфическимъ свойствамъ производства — выгодности раздѣленія труда, увеличенія размѣровъ орудій и машинъ и пр. Капитализмъ въ индустріи есть *слѣдствіе* технико экономическихъ условій производства; будь эти условія другія, не могло бы создаться и крупно-капиталистической организаціи производства, какъ не можетъ она создаться въ сельскомъ хозяйствѣ. Наоборотъ, измѣнятся условія производства въ сельскомъ хозяйствѣ и здѣсь будетъ преобладать крупно-коллективное или крупно-капиталистическое хозяйство.

Въ русской литературѣ есть еще одинъ писатель, кладущій производительные факторы и населенность въ основу своихъ теоретическихъ построеній по вопросу объ эволюціи распредѣленія въ сельскомъ хозяйствѣ, и писатель этотъ *г. Масловъ, приходящій къ діаметрально противоположнымъ выводамъ* съ нами; по его мнѣнію—нормальная эволюція распредѣленія, при естественномъ развитіи производитель-

ныхъ силъ—*концентрація* и дифференціація, подобна таковой же въ индустріи, нивеллировка-же, которая якобы происходитъ въ Россіи, есть временный результатъ паденія производительныхъ силъ. Правда, въ послѣдней своей работѣ, онъ совершенно игнорируетъ вопросъ распредѣленія средствъ производства въ сельскомъ хозяйствѣ—этотъ жгучій, центральный вопросъ и теоріи, и программныхъ построеній, но онъ дѣлаетъ ссылку на свою прежнюю работу, изъ которой видно, что взгляды его ни на волосъ не поколебались. „Въ другомъ мѣстѣ, при анализѣ земледѣльческаго хозяйства, я пришелъ къ выводу, что сохраненіе мелкаго земледѣльческаго хозяйства возможно *только при отсутствіи въ немъ развитія производительныхъ силъ*, что развитіе производительныхъ силъ, какимъ бы путемъ оно ни происходило, въ видѣ ли техническаго прогресса или въ видѣ увеличенія производительности труда, благодаря естественнымъ условіямъ (какъ это происходитъ на окраинахъ) *приводитъ къ побѣдѣ капиталистическаго хозяйства*. То же мы видимъ и въ развитіи обрабатывающей промышленности“ (стр. 177) (курсивъ вездѣ нашъ. Н. О).

Какъ случилось, что г. Масловъ и мы, исходя изъ признанія первостепенной важности однихъ и тѣхъ же факторовъ эволюціи, пришли къ противоположнымъ выводамъ,—читатель можетъ подробно узнать изъ первой части нашего труда и изъ предшествующаго изложенія. Здѣсь мы изложимъ только вкратцѣ основныя тезисы автора и резюме нашей оцѣнки.

Основные тезисы автора таковы:

1) Главная тенденція хозяйственной дѣятельности человѣка одинакова въ с. хозяйствѣ и индустріи—экономія своей энергіи, т. е. стремленіе къ развитію производительности труда.

2) Интенсификація с. хозяйства, возникающая подъ вліяніемъ роста и уплотненія населенія, сопровождается *паденіемъ* производительности труда.

3) Человѣкъ борется съ паденіемъ производительности труда двумя средствами—экстенсификаціей сельскаго хозяйства посредствомъ разселенія по пустыннымъ областямъ и „техническимъ прогрессомъ“—улучшеніемъ орудій и машинъ.

4) Улучшенныя орудія и машины доступны только

крупному капиталистическому хозяйству; это хозяйство также обладаетъ всѣми преимуществами при экстенсивныхъ системахъ. Отсюда, при развитіи производительныхъ силъ, побѣждаетъ крупное хозяйство.

Эти тезисы неправильно характеризуютъ, по нашему мнѣнію, и эволюцію производства и эволюцію распредѣленія средствъ производства, и взаимно противорѣчивы:

1) Авторъ полагаетъ, что основная тенденція эволюціи сельскаго хозяйства и индустріи—*одинакова* развитіе производительности труда, при помощи „техники“, т. е. усовершенствованныхъ орудій. Такъ и учитъ К. Марксъ: „экономическія эпохи различаются между собой не тѣмъ, что производится, но *тѣмъ, какъ производится, какими орудіями труда*; орудія труда являются не только мѣриломъ развитія человѣческой рабочей силы, но также и показателемъ общественныхъ отношеній, при которыхъ производится работа“. Слѣдуя ученію Маркса, авторъ долженъ бы былъ изобразить этапы эволюціи производства въ сельскомъ хозяйствѣ по орудіямъ труда, техникѣ производства и сбыта. Въ индустріи онъ такъ и дѣлаетъ (см. ст. 224. „формы промышленности“). Въ эволюціи сельскаго хозяйства, однако, онъ изображаетъ не технический прогрессъ, не возрастающее раздѣленіе труда, а смѣну *системъ хозяйства*, которыя различаются, вопреки Марксу, не тѣмъ, *какъ* производится (техника до XIX в. была слишкомъ примитивна), а тѣмъ, *что* добывается на землѣ (см. главы первой части „системы хозяйства“). Такимъ образомъ, фактически, авторъ вскрылъ разницу между эволюціей индустріи—промышленности обрабатывающей и сельскаго хозяйства—промышленности *добывающей*. Смѣна системъ хозяйства—это развитіе производительности *земли*, интенсификація. Интенсификація ведетъ, по убѣжденію автора, къ *паденію* производительности труда. Отсюда выводъ: производительность труда въ сельскомъ хозяйствѣ или совсѣмъ не развивается, или развивается не такъ, какъ въ индустріи, т. е. сельское хозяйство и индустрія *подчинены различнымъ законамъ развитія*. Выводъ этотъ убійственъ для марксистской догмы; вотъ почему за принятіе „факта“ на г. Маслова обрушились его товарищи по направленію [1]).

---

1) Г. Сухановъ, дѣлающій вполнѣ логическіе выводы изъ этого „факта“, наглядно доказываетъ его убійственное значеніе для догмы.

2) Но „фактъ“ паденія производительности труда неправильно освѣщается авторомъ: производительность труда падаетъ *въ концѣ* каждой экстенсивной системы хозяйства, при истощеніи запасовъ природныхъ благъ; интенсивная система планомѣрно *развиваетъ* производительность труда. Неправильность взглядовъ автора вытекаетъ изъ того, что онъ признаетъ производительное значеніе только за механическими орудіями труда, но не признаетъ ея за другими элементами производства; удобреніемъ, усложненіемъ сѣвооборотовъ, улучшеніемъ сортовъ растеній и породъ скота, современной и умѣлой вспашкой, уходомъ за животными и растеніями и т. д.

3) Развитіе сельско-хоз. производства выражается въ его интенсификаціи: экстенсивныя системы—достояніе прошлаго, и каждая страна медленно или быстро, но интенсифицируетъ свое хозяйство.

Поэтому и крупное капиталистическое хозяйство, по существу болѣе приспособленное къ экстенсивнымъ системамъ (въ этомъ мы согласны съ авторомъ), есть достояніе *прошлаго*, исчезающее съ ходомъ аграрной эволюціи.

4) Абсолютно неправильно положеніе, что улучшенныя орудія и машины доступны только *крупному* капиталистическому хозяйству: maximum концентраціи, требуемой машинами,—площадь хозяйства *среднихъ* размѣровъ (если не считать парового плуга). Развитіе машинизма въ сельскомъ хозяйствѣ началось только въ XIX в., и во второй половинѣ этого вѣка во всѣхъ странахъ и экстенсивныхъ, и интенсивныхъ, и промышленныхъ, и земледѣльческихъ происходитъ не концентрація, а *дробленіе* крупныхъ капиталистическихъ хозяйствъ.

Много еще можно отыскать неправильностей и противорѣчій въ запутанныхъ теоретическихъ построеніяхъ автора. Но мы ограничимся этими: изъ нихъ видно, что теорія г. Маслова неправильна, въ 1-хъ, потому, что авторъ не желаетъ принимать въ разсчетъ *всѣхъ* главныхъ технико-экономическихъ условій производства, во 2-хъ—и это важнѣе всего—онъ не выполняетъ требованія, выставленнаго нами выше—не находитъ нужнымъ хоть слегка посчитаться съ реальными фактами. Если онъ не хочетъ, или не можетъ *самъ* работать надъ сырыми матеріалами—пусть воспользуется ими въ чьей-либо обработкѣ: но, пока онъ не

провелъ свою теорію черезъ горнило фактическаго анализа [1]), до тѣхъ поръ мы считаемъ дальнѣйшія словопренія совершенно безполезными.

Итакъ, пока г. Масловъ не провѣритъ свою теорію фактами, мы можемъ ее игнорировать и оставаться при своемъ мнѣніи, если мы поступаемъ правильно, считая технико-экономическія условія производства вмѣстѣ съ ростомъ населенія основными факторами эволюціи распредѣленія, то естественнымъ результатомъ этихъ факторовъ должны быть *дробленіе и нивеллировка* территоріальныхъ размѣровъ всѣхъ хозяйствъ данной мѣстности и соотвѣтственной пропорціи—остальныхъ средствъ производства. Земля и прочія средства производства должны стягиваться отъ краевъ къ серединѣ экономической группировки. Но середина эта—понятіе довольно обширное: оно охватываетъ цѣлую серію слоевъ различной экономической силы, которые можно свести въ двѣ главныя группы; средне-крестьянскихъ, чисто *трудовыхъ* хозяйствъ, не прибѣгающихъ къ найму посторонихъ рабочихъ, и группу мелко-капиталистическихъ или крупно-крестьянскихъ хозяйствъ—среднихъ, по общему масштабу смѣшаннаго, *полутрудового* типа, которыя къ рабочимъ силамъ своей семьи прибавляютъ наемныхъ батраковъ. На континентѣ Европы преобладающее положеніе начинаютъ занимать средне-крестьянскія хозяйства: въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ—мелко-капиталистическія фермы. Но и въ Англіи и въ Соединенныхъ Штатахъ число сельскохозяйственныхъ рабочихъ, сравнительно съ числомъ самостоятельныхъ хозяевъ, относительно сокращается: въ Англіи оно сокращается даже абсолютно (съ 870,8 тыс. въ 1881 г. до 631,7 тыс. въ 1901 г). Сокращеніе наемнаго труда въ Англіи падаетъ, вѣроятно, не только на крупныя, но и на среднія фермы, которыя, такимъ образомъ, увеличиваясь въ числѣ, (на 5,6 тыс. за 20 лѣтъ) становятся, *во типу, ближе къ трудовымъ хозяйствамъ.*

Оба типа хозяйствъ—для краткости, будемъ ихъ называть средними и мелкими, имѣютъ свои техническія преимущества и свои недостатки.

Передъ крупнымъ хозяйствомъ среднее имѣетъ громад-

[1]) Факты, приводимые въ его „Аграрномъ вопросѣ", крайне устарѣли, отрывочны, а порой и прямо невѣрны.

ныя преимущества въ сокращеніи пространства, которое, какъ мы указывали, является одной изъ главныхъ причинъ, препятствующихъ концентраціи и создающихъ процессъ дробленія хозяйствъ. Цѣлый рядъ непроизводительныхъ затратъ труда уменьшается съ сокращеніемъ территоріи хозяйства.

Среднее хозяйство болѣе крупнаго типа оборудовано запасами труда и капитала на единицу площади. Оно не несетъ тѣхъ расходовъ на администрацію, которые существуютъ въ крупномъ хозяйствѣ.

Сравнительно съ мелкими, среднее хозяйство сберегаетъ издержки, гдѣ это можно и нужно, болѣе раціонально используетъ орудія и машины; ему доступнѣе тѣ виды сотрудничества, которые возможны въ сельскомъ хозяйствѣ; на большей площади возможно большее разнообразіе культуръ; наконецъ, каждое среднее хозяйство сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ большую *массу* труда и капитала, которую ему легче направить въ извѣстный пунктъ въ нужную минуту.

Мелкое хозяйство, сравнительно со среднимъ, имѣетъ на единицу площади больше запасовъ труда и капитала: поэтому, при прочихъ равныхъ условіяхъ, оно является болѣе *интенсивнымъ*. Недостатки мелкаго хозяйства: безполезная растрата наличныхъ силъ и средствъ, меньшее разнообразіе культуръ, *изолированность* и разбросанность средствъ производства, абсолютно малыхъ по величинѣ, хотя и слишкомъ большихъ по отношенію къ площади.

Въ общемъ, какъ мы говорили въ первой части, мелкое хозяйство является самымъ интенсивнымъ, среднее наиболѣе выгоднымъ, т. е. мелкое индивидуальное хозяйство (при прочихъ равныхъ условіяхъ) развиваетъ maximum производительности *земли*, а среднее индивидуальное — maximum производительности *труда*. Достиженіе большей производительности земли и труда одновременно, возможно въ средне-коллективномъ хозяйствѣ, т. е. при соединеніи въ одну производительную кооперацію нѣсколькихъ десятковъ или нѣсколькихъ индивидуальныхъ хозяйствъ.

Такой представляется намъ, при современномъ уровнѣ техники, идеальная организація земледѣльческаго хозяйства; въ ближайшемъ будущемъ эта организація должна охватить двѣ стадіи сельско-хозяйственнаго производства, *связанныя*

непосредственно съ землей: обработку почвы и уходъ за растеніями и животными. На третьей стадіи сельско-хозяйственной индустріи, кооперація должна укрѣпляться, поскольку этого требуетъ техника производства. Обмѣнъ (бытъ, покупка) и кредитъ (мы имѣемъ въ виду рамки современнаго строя) требуютъ самыхъ крупныхъ организацій — вплоть до союзовъ, соединяющихъ милліоны людей.

Итакъ, по вопросу о развитіи хозяйственныхъ формъ, мы пришли къ убѣжденію, что закономѣрный ходъ аграрной эволюціи больше всего способствуетъ развитію среднихъ крестьянскихъ хозяйствъ трудового типа, но что при современныхъ технико-экономическихъ условіяхъ, еще большими преимуществами должна обладать *коллективная* организація этихъ хозяйствъ—производительная кооперація, не превышающая извѣстныхъ территоріальныхъ размѣровъ, предѣлъ расширенію которыхъ ставится повышеніемъ непроизводительныхъ затратъ труда на передвиженіе. Такая организація даже въ рамкахъ *современнаго строя* и будетъ, какъ мы полагаемъ, создаваться, если не у насъ, то въ Европѣ, когда культурное развитіе вольетъ въ психику крестьянства достаточно сильный потокъ соціальныхъ эмоцій.

Другіе экономисты, придерживающіеся, въ общемъ, одинаковыхъ съ нами принциповъ, но не принимающіе въ разсчетъ увеличенія непроизводительныхъ затратъ, съ расширеніемъ площади, считаютъ, что наиболѣе идеальной хозяйственной организаціей, опять-таки, съ точки зрѣнія технико-экономическихъ условій, является производительная кооперація максимально крупныхъ размѣровъ. Какъ видитъ читатель, весь споръ сводится только къ техническимъ условіямъ и рѣшительно никакихъ принциповъ не затрагиваетъ. Въ принципѣ мы лично ничего не имѣемъ и противъ коллективно-крупныхъ хозяйствъ; но мы находимъ, что, при современномъ уровнѣ техники, непроизводительныя затраты по передвиженію ставятъ извѣстный предѣлъ укрупненію. Какъ механическая энергія, протекая по проводамъ, теряется отъ тренія, и потеря эта возрастаетъ по мѣрѣ удлиненія пути отъ двигателя къ рабочей машинѣ, такъ теряется и человѣческая энергія отъ безполезнаго передвиженія по большимъ площадямъ.

Механическая энергія будетъ сохраняться, если изобрѣтутъ передачу энергіи безъ проводовъ, т. е. уничтожатъ

безполезное треніе; также и безполезная растрата человѣческой энергіи можетъ быть если не уничтожена, то сокращена—напримѣръ, транспорта при помощи техническихъ двигателей. И насколько будетъ сокращаться эта безполезная растрата энергіи, настолько возможно увеличивать территоріальные размѣры коллективныхъ хозяйствъ. Какъ бы тамъ ни было, но несомнѣнно одно: на нашихъ глазахъ вырастаетъ могущественное кооперативное движеніе. Крестьяне не только не отстаютъ, но даже зачастую, опережаютъ въ этомъ движеніи городской пролетаріатъ, Развитіе сельско-хозяйственной техники, въ широкомъ смыслѣ этого слова, заставляетъ кооперацію все глубже проникать въ нѣдра крестьянскаго хозяйства, и не такъ далекъ моментъ, когда кооперація, наконецъ, коснется до животворящаго источника всякаго бытія,—до всеобщей матери—земли.

Задачи текущей аграрной политики *).

Поступательное движеніе массы земледѣльческаго населенія на слѣдующую ступень аграрной эволюціи, начало котораго мы наблюдаемъ теперь въ Россіи, въ значительной степени,—процессъ стихійный, не зависящій отъ индивидуальной воли отдѣльныхъ лицъ, или коллективной воли правящихъ классовъ. Два основныхъ фактора создаютъ стихійную эволюцію: *уплотненіе* сельско-хозяйственнаго населенія и *развитіе рынка* для сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Въ русской экономической литературѣ теперь поднимается споръ о томъ, какой изъ этихъ факторовъ является первостепеннымъ. Одни авторы (г. Ляшенко, С. Н. Прокоповичъ) выдвигаютъ на первый планъ роль рынка, другіе (А. Н. Челинцевъ, А. Н. Скворцовъ) наиболѣе важнымъ факторомъ эволюціи считаютъ ростъ и уплотненіе земледѣльческаго населенія. Этотъ споръ, въ нынѣшнихъ условіяхъ, пріобрѣтаетъ не только теоретическое, но и практическое значеніе, такъ какъ отъ рѣшенія этого вопроса въ ту или другую сторону, въ значительной мѣрѣ, зависитъ построеніе организаціонныхъ плановъ крестьянскаго хозяйства, которое является первоочередной задачей общественной агрономіи. Тѣмъ не менѣе, обстоятельный анализъ значенія обоихъ факторовъ мы откладываемъ до второй части настоящаго труда, гдѣ, параллельно съ изложеніемъ другихъ условій развитія сельскаго хозяйства въ настоящій моментъ, онъ будетъ болѣе умѣстенъ. Сейчасъ же, не вдаваясь въ оцѣнку ихъ удѣльнаго вѣса, мы отмѣтимъ только тѣ стороны ихъ вліянія на с.-хозяйственную эволюцію, которыя имѣютъ наиболѣе существенное значеніе для выясненія основъ раціональной аграрной политики.

---

*) Введеніе къ III-му тому (обновленіе земледѣльческой Россіи и аграрной политики).

Человѣчество кормится отъ земли, продуктами земли. Земля сама, безъ воздѣйствія на нее со стороны человѣка, производитъ лишь очень ограниченное количество продуктовъ, которыхъ хватаетъ на пропитаніе только тогда, когда населеніе очень рѣдко. Чѣмъ больше растетъ и сгущается населеніе, чѣмъ больше ему нужно добывать изъ земли насущнѣйшихъ продовольственныхъ средствъ, тѣмъ больше затратъ капитала и труда ему приходится вкладывать въ одну и ту же площадь. Повышеніе затратъ на единицу площади—одно изъ главныхъ средствъ для увеличенія количества продуктовъ, получаемыхъ съ единицы площади, т. е. для *развитія производительности земли.* Но сельское хозяйство значительно отличается отъ индустріи тѣмъ, что въ немъ далеко не всякое увеличеніе затратъ сопровождается пропорціональнымъ развитіемъ производительности земли, т. е. человѣческій трудъ не съ одинаковой щедростью оплачивается природой. Въ одной изъ своихъ послѣднихъ статей*) А. Н. Челинцевъ указываетъ на три теоретически возможныхъ послѣдствія процесса сельско-хозяйственной эволюціи: 1) *увеличеніе* заработка каждаго хлѣбороба, 2) *сохраненіе* доходности сельскаго хозяйства на прежнемъ уровнѣ и 3) *уменьшеніе* заработка отъ земли на каждаго работника и ѣдока. „Въ послѣднихъ двухъ случаяхъ, говоритъ авторъ—пріобрѣтеніе несомнѣннаго сельско-хозяйственнаго прогресса (въ видѣ роста трудоемкости с. хозяйства и увеличенія продуктивности единицы хозяйственной площади) останутся въ скрытомъ видѣ, и мы имѣемъ дѣло тогда съ „*потенціальнымъ*“ прогрессомъ сельскаго хозяйства. Съ нимъ-то, въ большинствѣ случаевъ, и сталкивается наблюдатель сельскаго хозяйства въ Европейской Россіи“. Авторъ признаетъ, что въ Европейской Россіи ростъ и уплотненіе земледѣльческаго населенія, а, слѣдовательно, и увеличеніе затратъ труда и капитала на единицу площади, сопровождаются непропорціонально малымъ ростомъ продуктивности хозяйственной площади, въ силу чего заработокъ всѣхъ лицъ, участвующихъ въ производствѣ, уменьшается и крестьянское населеніе бѣднѣетъ. Чтобы „потенціальный“ стихійный прогрессъ сельскаго хозяйства сталъ явнымъ, т. е. чтобы онъ сопровождался не обѣдненіемъ, а обогащеніемъ

*) Въ трудахъ Вольно-экономическаго О—ва 1912 г. № 3-4, стр. 78.

массъ, необходимо, чтобы, параллельно съ ростомъ населенія и увеличеніемъ затратъ, происходилъ подъемъ производительности *труда*, т. е. каждая новая затрата оплачивалась соотвѣтственнымъ увеличеніемъ количества добытыхъ продуктовъ. *Производительность земли и производительность человѣческаго труда должны находиться въ состояніи устойчиваго равновѣсія—въ этомъ равновѣсіи и лежитъ ключъ къ гармоническому развитію производительныхъ силъ въ сельскомъ хозяйствѣ.*

Такимъ образомъ, для развитія производительныхъ силъ еще недостаточно одного уплотненія земледѣльческаго населенія и увеличенія затраты капитала и труда. Нужно, чтобы эти затраты производились *раціонально*, чтобы трудъ окупался соотвѣтственнымъ подъемомъ с.-хоз. продукціи. Правда, намъ могутъ возразить сторонники „закона“ убывающаго плодородія почвы, что нарушеніе равновѣсія между производительностью труда и производительностью земли есть естественный законъ природы, его же не прейдеши. Но, не вступая съ ними въ долгія и безплодныя теоретическія пререканія, мы думаемъ, что для современной русской дѣйствительности этотъ столѣтній споръ вполнѣ разрѣшимъ нижеслѣдующей табличкой.

	На 100 дес. обрабатываемой земли приходится сельскаго населенія. *)	Урожайность главныхъ зерновыхъ хлѣбовъ въ пудахъ (съ 1 дес.).
Европейская Россія	136	46
Великобританія	79	126
Германія	107	108
Франція	84	85
Австро-Венгрія	126	80

Въ Россіи, за отсутствіемъ данныхъ послѣднихъ лѣтъ, взята не площадь пашни, а площадь посѣва, но это мало

*) Для опредѣленія урожайности взяты среднія данныя 1901—1910 г.г. по всѣмъ государствамъ. Населеніе и площадь обрабатываемой земли: въ Россіи 1910 г., Германіи 1900—5 г.г., Франціи 1906—8, Великобританіи 1911, Австро-Венгріи 1900—8. Въ Великобританіи въ обрабатываемую площадь включены луга.

мѣняетъ дѣло, потому что въ Западной Европѣ площадь подъ парами очень невелика. Но, если мы даже прибавимъ площадь пара (приблизительно=$^1/_2$ посѣва) въ Россіи въ составъ обрабатываемой земли, то все-таки плотность сельскаго населенія по отношенію къ культивируемой территоріи (безъ лѣса и луга) у насъ составитъ 91 чел. на 100 дес., т. е. больше, чѣмъ въ Великобританіи и Франціи, между тѣмъ, какъ урожайность въ этихъ странахъ выше нашей въ 2—3 раза. Отсюда очевидно, что законъ „убывающаго плодородія“ нисколько не помѣшалъ западно-европейскимъ землевладѣльцамъ, параллельно съ производительностью земли, увеличить производительность своего труда, сравнительно съ нашей въ нѣсколько разъ, что доказывается большей урожайностью при меньшей плотности населенія (относительно обрабатываемой территоріи).

Этой разницы нельзя объяснить ни почвенными, ни исключительно климатическими условіями. Почвы во многихъ мѣстностяхъ Европы хуже нашего чернозема, а климатъ—если въ общемъ, на Западѣ болѣе благопріятенъ, то, все-таки, его вліяніе сравнительно съ другими факторами, является второстепеннымъ. Остается *раціонализація* стихійнаго процесса эволюціи, достигаемая общимъ подъемомъ агрикультуры и, въ частности, приведеніемъ системы хозяйства въ уровень съ плотностью земледѣльческаго населенія. Такъ утверждаетъ не кто иной, какъ одинъ изъ самыхъ ярыхъ защитниковъ „закона“ или „факта“ убывающаго плодородія—П. П. Масловъ. „Каждой данной плотности земледѣльческаго населенія должна соотвѣтствовать извѣстная система хозяйства. Только при этомъ условіи, рабочія руки сельскаго населенія могутъ быть использованы наиболѣе *производительно*. Если плотность земледѣльческаго населенія достигла такой степени, что наличными рабочими руками возможно засѣять, распахать и удобрить всю эксплоатируемую площадь земли, то наиболѣе производительной системой хозяйства является *интенсивная плодосмѣнная система*, т. к. при ней, съ данной площади земли получается наибольшее количество продуктовъ. Если, при такомъ плотномъ земледѣльческомъ населеніи, существуетъ экстенсивное хозяйство, напримѣръ, трехполье, то при немъ не только не используются всѣ наличныя трудовыя силы населенія, но и

урожайность можетъ падать, благодаря интенсивной эксплоатаціи земли и ея истощенію“ [1]).

Уплотненіе земледѣльческаго населенія заставляетъ его увеличивать затраты труда, чтобы получить съ той же площади земли большее количество продуктовъ. Но если при этомъ сохраняется въ основѣ старая экстенсивная система хозяйства—каждая новая затрата труда даетъ все меньшій эффектъ—оплачивается все дешевле; распаханная вдоль и поперекъ земля тощаетъ, народъ голодаетъ,—на извѣстной ступени наступаетъ кризисъ экстенсивной системы, сопровождающійся всеобщимъ оскудѣніемъ. Такой кризисъ русское крестьянство пережило въ большинствѣ районовъ, во второй половинѣ XIX вѣка. Съ конца этого вѣка, робко, неувѣренно крестьяне начинаютъ переходить къ болѣе интенсивнымъ способамъ земледѣлія. Концентрическими кругами, отъ сосѣда къ сосѣду, отъ деревни къ деревнѣ распространяется удобреніе, усовершенствованныя орудія, травосѣяніе, введеніе въ сѣвооборотъ, корнеплодовъ, кое-какіе улучшенные пріемы обработки земли—словомъ, отдѣльные клочки, обрывки интенсивной системы сельскаго хозяйства, но самой системы еще нѣтъ, ее необходимо *создать*, а для этого нуженъ стройный, продуманный организаціонный планъ крестьянскаго хозяйства, на изобрѣтеніе котораго сами крестьяне не способны, потому что отцы и дѣды ихъ этой наукѣ не научили. Даже въ предѣлахъ Россіи мы можемъ отчетливо обрисовать вліяніе болѣе интенсивныхъ и раціональныхъ системъ земледѣлія на производительность земли и труда. Раздѣлимъ всю Европейскую Россію, по направленію съ запада на востокъ, на 4 области, включивъ въ первую—Польшу и Прибалтійскій край, во вторую—западно-русскіе районы (Бѣлоруссію съ Литвой и Малороссію) въ третью—центральные (земледѣльческій и промышленный центръ) и, наконецъ, въ четвертую—восточныя, южныя и сѣверныя окраины, и сравнимъ въ границахъ этихъ областей системы земледѣлія, плотность населенія и урожайность (по даннымъ 1901—10 г. [2]).

---

[1]) Площадь кормовыхъ травъ, за неимѣніемъ позднѣйшихъ данныхъ, взята за 1901 г.

[2]) См. „Агрономическій журналъ № 2. стр. 42.

Распредѣленіе полевыхъ культуръ въ %.

	Зерновые хлѣба.	Корнеплоды, кормовыя травы, масличныя, бобовыя.	Сборъ зерновыхъ хлѣбовъ на 1 дес. въ пудахъ.	На 100 дес. посѣва сельскаго населенія.
Польша и Прибалтійскій край .	69,5	30,5	60,5	161
Западно-русскія области	84,3	15,7	52,8	176
Центральныя .	89,1	10.9	45,5	156
Восточныя, южныя и сѣверныя .	96,5	3,5	42,1	98

Наши западныя окраины—Польша и Остзейскій край уже разстались съ зерновымъ трехпольнымъ сѣвооборотомъ, и процентъ болѣе интенсивныхъ культуръ въ посѣвѣ у нихъ близокъ къ таковому же въ сосѣднихъ провинціяхъ Германіи. Благодаря такой относительно прогрессивной системѣ земледѣлія, несмотря на меньшую плотность и худшее, въ общемъ, качество почвы, урожай зерновыхъ хлѣбовъ въ этихъ областяхъ на 15% превышаетъ урожайность западно-русскихъ областей. Меньшая плотность указываетъ на меньшія затраты физическаго труда и повышеніе урожайности представляетъ, исключительно, результатъ болѣе раціональной агрикультуры.

Въ западно-русскихъ областяхъ еще преобладаютъ въ сѣвооборотѣ зерновые хлѣба: нѣкоторое повышеніе урожаевъ сравнительно съ центромъ (на 16%) объясняется, главнымъ образомъ, болѣе высокой плотностью, т. е. большими затратами труда (превышеніе плотности на 15,2%). Уплотненіе населенія идетъ въ уровень съ возрастаніемъ продукціи зерновыхъ хлѣбовъ.

Нашъ „оскудѣвшій“ центръ замѣтно отсталъ и отъ западной половины Россіи, и отъ восточныхъ окраинъ. При почти одинаковой плотности, какъ и на крайнемъ западѣ, урожаи центральныхъ областей, понижаются сравнительно съ нимъ, на 25%. Въ большинствѣ губерній еще сохраняется въ неприкосновенности зерновое трехполье; истощеніе почвы, естественное плодородіе которой не возстанавливает-

ся удобреніемъ достаточной силы, приводитъ къ тому, что при увеличеніи плотности, сравнительно съ южными и восточными областями, на 59%, урожайность здѣсь выше только на 8%; въ то время, какъ на юго-востокѣ на душу сельскаго населенія приходится 42 пуда сбора зерновыхъ хлѣбовъ, въ центральныхъ областяхъ—только 26 пудовъ. Это все—результатъ кризиса экстенсивной системы, истощенія почвы хищнической эксплоатаціей.

Но и на восточныхъ и южныхъ окраинахъ сравнительно высокая продуктивность земледѣльческаго труда, есть результатъ не человѣческаго искусства, а естественнаго богатства почвы, которое за послѣдніе годы сильно поколебалось.

Таковъ путь, по которому движется сельско-хозяйственная исторія Россіи: отъ хищнической эксплоатаціи почвы при, сравнительно, рѣдкомъ населеніи и экстенсивныхъ системахъ земледѣлія, черезъ кризисъ этихъ системъ, при непомѣрно возросшей плотности, и паденіе производительности труда,—къ возстановленію и развитію этой производительности, посредствомъ, во 1-хъ, примѣненія интенсивныхъ и раціональныхъ системъ хозяйства, во 2-хъ, *пріостановки дальнѣйшаго уплотненія земледѣльческаго населенія.*

На верхнемъ и нижнемъ концахъ той лѣстницы аграрной эволюціи, ступеньками которой являются отдѣльныя области Россіи, мы находимъ, сравнительно со срединой, повышенную производительность труда. Но тогда какъ на востокѣ эта производительность представляетъ временное неустойчивое явленіе, которое, въ ближайшемъ будущемъ неизбѣжно смѣнится ея паденіемъ, на западѣ повышеніе продуктивности труда происходитъ одновременно съ устойчивой эволюціей производительности земли, и, какъ можно заключить изъ опыта европейскихъ странъ, будетъ систематически прогрессировать. Въ центрѣ производительность крестьянскаго труда наиболѣе низка, и главная причина этого—несоотвѣтствіе между такъ быстро разросшейся за послѣднее полустолѣтіе населенностью и отсталой системой земледѣлія—этой несчастной „трехполкой“.

Теперь намъ ясна первая задача современной аграрной политики: она состоитъ въ *раціонализаціи* наблюдающагося сейчасъ стихійнаго устремленія крестьянъ къ ломкѣ старыхъ способовъ хозяйства, въ содѣйствіи имъ къ переходу на

болѣе интенсивныя системы земледѣлія, способныя возстановить нарушенное убыстреннымъ ростомъ населенія равновѣсіе между производительностью земли и производительностью человѣческаго труда. Для интенсификаціи земледѣлія одинъ необходимый элементъ—соотвѣтственная плотность, т. е. потребные запасы физическаго труда и отчасти капитала имѣются на лицо. Но одного этого элемента не достаточно. Переходъ къ интенсивнымъ системамъ, въ предѣлахъ странъ европейской культуры, обусловливается не только уплотненіемъ земледѣльческаго населенія, но и ростомъ городовъ и индустріи—т. е. *развитіемъ рынка.*

Въ интенсивномъ фазисѣ сельскаго хозяйства земледѣлецъ связывается съ рынкомъ, какъ покупатель продуктовъ индустріи и какъ продавецъ своихъ продуктовъ. Крестьянину, ведущему экстенсивное зерновое хозяйство, рыночные продукты нужны въ ограниченномъ количествѣ: ни сѣмянъ, ни навоза онъ не покупаетъ, соху, борону ладитъ самъ. Если размѣры его хозяйства, какъ напримѣръ, на югѣ и юго-востокѣ становятся относительно крупными—онъ пріобрѣтаетъ плуги и уборочныя машины—и только. Продаются же въ нормальной соціально политической обстановкѣ только излишки продуктовъ, остающихся за покрытіемъ собственныхъ нуждъ. Не то въ интенсивномъ хозяйствѣ: тутъ усиливается и покупка усовершенствованныхъ орудій, разныхъ сѣмянъ удобренія, и продажа своихъ продуктовъ. Свеклу, картофель, ленъ, множество второстепенныхъ торговыхъ растеній самый мелкій трудовой земледѣлецъ производитъ не только для себя, сколько на рынокъ. Туда же отвозитъ онъ и выкормленнаго теленка, свинью, птицу. И къ развитію мѣновыхъ отношеній его теперь вынуждаетъ уже не тяжелыя подати, не аренда и купля земель, какъ у насъ, а самый *типъ* хозяйства, характеръ сѣвооборота.

Однако не слѣдуетъ преувеличивать значенія рынка для земледѣлія, къ чему у насъ многіе имѣютъ большую склонность. Даже въ интенсивномъ фазисѣ, цѣлый рядъ средствъ производства и продуктовъ остается внѣ рыночнаго оборота: достаточно указать на такую промышленную страну, какъ Англія, гдѣ въ 1908 г. изъ всѣхъ произведенныхъ с.-хозяйственныхъ продуктовъ, оцѣниваемыхъ въ 125 милл. фунтовъ, на долю проданныхъ пришлось всего 46 милл. Двѣ трети продуктовъ ушли на кормъ скоту, поддержаніе пло-

дородія почвы и личное потребленіе. Пока продовольственные продукты будутъ вырабатываться на поляхъ, а не въ фабрикахъ, пока будетъ существовать трудовое хозяйство— до тѣхъ поръ сельско-хозяйственное производство не можетъ превратиться въ исключительно мѣновое, въ 1-хъ, потому, что потреблять продовольственные продукты самому производителю выгоднѣе, чѣмъ покупать ихъ на рынкѣ, во 2-хъ, потому, что въ сельскомъ хозяйствѣ есть цѣлый рядъ т. называемыхъ нерыночныхъ продуктовъ (навозъ, солома, отбросы, грубые корма), которые, въ силу своей громоздкости и дешевизны, на рынокъ попадаютъ очень рѣдко.

У насъ въ Россіи индустріализація населенія начала развиваться усиленнымъ темпомъ только въ XX столѣтіи: внутренній рынокъ еще не великъ, но ему приходитъ на подмогу рынокъ внѣшній, міровой. Благодаря этому послѣднему, доля с.-хозяйственныхъ продуктовъ, вовлекаемая у насъ въ рыночный оборотъ, въ общемъ и теперь совсѣмъ не такъ мала. По разсчетамъ г. Лященко, въ началѣ XX вѣка изъ 2, 1 милліарда пудовъ чистаго сбора продовольственныхъ хлѣбовъ, одинъ милліардъ—почти половина—поступалъ на рынокъ и не менѣе двухъ третей этого количества отчуждалось крестьянами. Цифра эта подтверждается данными грузооборота по желѣзнымъ дорогамъ и воднымъ путямъ, приведенными въ его послѣдней работѣ. Грузооборотъ замѣтно растетъ: среднее годовое количество хлѣбныхъ грузовъ въ 1895-99 г.г. равнялось 904 милл. пудовъ, 1900-4 г.г.— 1171 милл. въ 1905-9 г.г. — 1330 милл.—приростъ за 10 лѣтъ на 47%. Въ еще большей пропорціи возрастаетъ сбытъ другихъ с.-хозяйственныхъ продуктовъ. Какъ бы ни объяснять наблюдающуюся всюду дороговизну жизненныхъ припасовъ, она, во всякомъ случаѣ, свидѣтельствуетъ, что спросъ на нихъ превышаетъ предложеніе, и у насъ въ Россіи на лицо всѣ шансы возрастанія этого спроса. Города стали замѣтно расти, какъ увидимъ дальше, лишь послѣ революціи, и ростъ этотъ, несомнѣнно, представляетъ устойчиво прогрессирующее явленіе. Внѣшній рынокъ, непрестанно расширяющійся, благодаря еще болѣе интенсивному развитію индустріи и городовъ на западѣ Европы, въ настоящій моментъ повышаетъ требованія на с.-хозяйственные продукты еще потому, что Соединенные Штаты выказываютъ тенденцію къ сокращенію экспорта.

Однимъ словомъ, за рынкомъ дѣло не станетъ. Мировое богатство быстро накопляется, и живущіе въ городахъ люди не только сами увеличиваются въ числѣ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, растетъ ихъ собственный аппетитъ—они начинаютъ ѣсть больше и лучше. Въ количественномъ расширеніи рынка можно быть увѣреннымъ, поскольку глазъ экономистовъ можетъ охватить перспективы будущаго. Тутъ возбуждаетъ сомнѣніе только *качественное* соотношеніе между спросомъ и предложеніемъ. Если переходъ къ интенсивной системѣ требуетъ введенія въ сѣвооборотъ, положимъ, свеклы или льна, а на нихъ спроса нѣтъ—приходится отказаться отъ такого сѣвооборота. Но и эта коллизія въ дѣйствительности вовсе не такъ опасна.—Во 1-хъ, есть сотни другихъ сѣвооборотовъ—и дѣло агрономовъ выбрать изъ нихъ такіе, которые бы подходили и къ требованіямъ самихъ крестьянъ и къ запросамъ рынка и къ природнымъ особенностямъ данной мѣстности. Въ частности у насъ основная задача агрономіи теперь—развитіе скотоводства, сильно попятившагося, благодаря перепаханности угодій и преобладанію экстенсивной зерновой системы. А сбытъ продуктовъ скотоводства обезпеченъ всюду—было бы лишь хорошо оборудовано транспортное дѣло. Во 2-хъ, не только хлѣбъ и мясо, но и другіе с.-хозяйственные продукты могутъ всегда найти себѣ покупателей, если они достаточно транспортабельны, потому что с.-хозяйственная индустрія развивается, едва ли, не быстрѣе другихъ отраслей промышленности. Это ужъ дѣло нашей юной коопераціи—установить связь между производителемъ и потребителемъ. И, повидимому, теперь, послѣ того, какъ мелкій кредитъ нащупалъ подъ собой твердую почву, очередной задачей кооперативовъ становится организація сбыта.

Итакъ, благодаря тому, что небольшіе, сравнительно, размѣры внутренняго рынка, восполняются у насъ существованіемъ экспорта за границу—переходъ къ болѣе интенсивнымъ системамъ, съ этой стороны, вѣроятно, не встрѣтитъ большихъ препятствій. Не слѣдуетъ забывать, что у насъ недостаточно еще заполнены желудки самихъ производителей—крестьянской массы; при подъемѣ уровня благосостоянія, который позволитъ массѣ лучше питаться—совокупность этихъ желудковъ составитъ также внутренній весьма объемистый рынокъ. Словомъ, было бы что ѣсть, а ѣдоки

всегда найдутся. *Развитіе путей сообщенія* и *организація сбыта*—вотъ двѣ задачи текущей аграрной политики, разрѣшеніе которыхъ устраняетъ большую часть препятствій, возникающихъ для интенсификаціи земледѣлія съ стороны недостаточно развитыхъ рыночныхъ отношеній. Первая изъ этихъ задачъ возлагается на правительство, вторая—на нашу трудовую интеллигенцію, которая должна не только организовать сбытъ тамъ, гдѣ онъ еще не налаженъ, но и вступить въ борьбу съ арміей паразитарныхъ посредниковъ, въ сферѣ сбыта, уже организованнаго хищническимъ торговымъ капиталомъ.

Но слабое развитіе городской и промышленной жизни въ самой Россіи, заставляющее насъ восполнять недостатокъ внутренняго рынка болѣе сложными операціями заграничнаго экспорта, опять выдвигаетъ на первый планъ ту задачу соціальной аграрной политики, которая въ Европѣ разрѣшается естественнымъ путемъ, а у насъ стоитъ и будетъ стоять поперекъ дороги, ведущей къ развитію производительныхъ силъ всей страны, до тѣхъ поръ, пока, не разрѣшится тѣмъ или инымъ способомъ.

Въ Европѣ, гдѣ ростъ городовъ настолько интенсивенъ, что сельское населеніе въ главныхъ странахъ сокращается не только относительно, но и абсолютно—хотя, такъ же какъ и у насъ, происходитъ территоріальное дробленіе хозяйствъ, но самый *типъ* дробленія значительно отличается отъ того типа, который мы наблюдаемъ въ Россіи. Этотъ фактъ чрезвычайно важенъ для выясненія специфическихъ особенностей русской аграрной политики; поэтому позволимъ себѣ его иллюстрировать двумя таблицами % хозяйствъ.

Западная Европа *).

	Франція.	(% хозяйствъ).		
	Хоз. съ 1-5 гект.	5-20	20-40	Свыше 40 г.
1866 г.	56,3	30,5	8,4	4,8
1892 г.	52,8	35,1	8,1	4,0

*) Въ европейскихъ государствахъ мы отбросили крайнія мелкія парцельныя хозяйства, для которыхъ свой участокъ не столько источникъ заработка, сколько развлеченіе, отдыхъ отъ фабричной работы, или приварокъ для сельскихъ батраковъ въ крупныхъ имѣніяхъ.

Великобританія.

	Хоз. съ 0,4-2 гект.	2-20	20-120	Свыше 120 г.
1885 г.	25,7	44,1	26,5	3,7
1908 г.	21,2	45,6	29,7	3,5

Германія.

	Хоз. съ 1-5 гект.	5-10	20-100	Свыше 100 г.
1882 г.	57,4	30,9	9,5	2,2
1907 г.	54,1	35,0	8,9	2,0

Типъ дробленія въ этихъ странахъ выясняется посредствомъ вычисленія % измѣненій каждаго слоя.

Каждый слой относительно сократился (—) или увеличился (+)

	I	II	III	IV
Во Франціи. .	— 6,2	+15,1	— 3,6	—16,7
Въ Великобрит. .	—17,5	+ 3,4	+12,1	— 5,4
Въ Германіи . .	— 5,8	+13,3	— 6,0	— 9,1

Этотъ типъ мы, слѣдуя Н. Н. Черненкову, называемъ *ниселлировкой*. Крайніе слои—самыя мелкія и самыя крупныя хозяйства сокращаются въ числѣ—среднія увеличиваются: во Франціи и Германіи постепенно возрастаютъ среднія трудовыя хозяйства, въ Великобританіи—мелкобуржуазныя. Въ Россіи дробленіе носитъ совершенно иной характеръ. Вслѣдствіе особенностей русскихъ статистическихъ матеріаловъ, мы должны сопоставить отдѣльно крестьянскія и частновладѣльческія группировки.

Россія (Европейская)

Крестьяне.

60-е г. г. % ревизскихъ душъ съ надѣловъ до	2-хъ дес. 11,2	2-6 дес. 68,2	Свыше 6 дес. 20,6
1905 г. % дворовъ до съ надѣломъ	5 дес. 22,6	5-15 дес. 61,4	Свыше 15 дес. 16,0
Измѣненіе каждаго слоя въ %	+101,8	—10,0	—19,7

Частные владѣльцы.

(%хозяйствъ)

	До 50 дес.	50-200	200-500	Свыше 500
1877 г.	77,5	11,6	5,0	5,9
1905 г.	79,2	12,3	4,6	3,9
Измѣненіе каждаго слоя въ %	+2,2	+6,0	—8,0	33,9

Общую перегруппировку крестьянскихъ и владѣльческихъ хозяйствъ, взятыхъ вмѣстѣ, можно изучить по даннымъ военно-конскихъ переписей.

% хозяйствъ.

	Безъ раб. лош.	съ 1-2 лш.	3-5 лош.	6 и выше
1888-91 г. г.	28,2	58,7	11,3	1,8
1904-6 г. г.	32,9	58,5	7,4	1,2
Измѣненіе каждаго слоя въ %	+16,7	—0,3	—34,5	—50,0

Для того, чтобы очертить яснѣе типъ эволюціи, происходившей у насъ за послѣдніе полвѣка, мы захватили, насколько могли, самые длинные хронологическіе промежутки; при этомъ намъ пришлось прибѣгнуть къ нѣсколько грубоватымъ пріемамъ, но сущность дѣла отъ этого не мѣняется, такъ какъ типъ нашего русскаго процесса эволюціи общеизвѣстенъ и подтверждается безчисленнымъ множествомъ другихъ статистическихъ данныхъ. Это—тоже дробленіе, но дробленіе иного вида, чѣмъ въ Европѣ: оно называется *подвижкой внизъ*, нарастаніемъ малоземелья, деревенскимъ оскудѣніемъ, пауперизаціей. Болѣе крупныя хозяйства дробятся, распродаются, словомъ—сокращаются очень замѣтно: но на другомъ концѣ экономической лѣстницы еще быстрѣе нарастаютъ малоземельныя, безлошадныя, малосильныя хозяйства, и, благодаря этому, а также вліянію политическихъ факторовъ, какъ отошедшихъ въ исторію, такъ и дѣйствующихъ понынѣ, распредѣленіе земли у насъ менѣе равномѣрно, чѣмъ въ европейскихъ государствахъ.

Фундаментъ теперешняго крестьянскаго малоземелья былъ заложенъ при освобожденіи отъ крѣпостного права, когда 2—3 милліона ревизскихъ душъ получили меньше чѣмъ по десятинѣ каждая, а 1—2 милліона населенія вышло на нищенскій, дарственный надѣлъ. Далѣе малоземелье развивалось уже органически, вслѣдствіе естественнаго прироста, которому, за небольшой емкостью городовъ и промышленности, некуда было податься. Оберегая интересы крупнаго землевладѣнія и хозяйства, правительство долго либо препятствовало, либо вяло, неохотно, лишь по нуждѣ помогало малоземельнымъ, ищущимъ выхода въ переселеніи, въ арендѣ и куплѣ господскихъ земель. Малоземелье росло, ширилось, росло оскудѣніе, накоплялось всеобщее недовольство, и когда правительство, спохватившись, стало расширять эти выходы—было уже поздно для десятковъ милліоновъ скопившагося избыточнаго населенія они оказались слишкомъ тѣсными. Въ настоящій моментъ кадры малоземельныхъ у насъ, по самымъ скромнымъ разсчетамъ, напримѣръ, г. Прокоповича *), равняются 6, 2 милліонамъ дворовъ, не считая дворовъ вовсе безземельныхъ.

Если бы нравительство съ того момента, съ котораго и для него обнаружились тяжелыя экономическія послѣдствія освободительной реформы, т. е. съ начала 70-хъ годовъ, взялось энергично и умѣло за ихъ исправленіе; если бы переселеніе было поставлено широко, примѣрно, по образцу программы гр. Киселева, при Николаѣ I; если бы крестьянамъ, съ первыхъ же лѣтъ, былъ открытъ широкій кредитъ на покупку владѣльческихъ земель и другія хозяйственныя надобности; если бы, наконецъ, агрономическая помощь населенію измѣрялась не грошами, а рублями на десятину,— то, при наличности благопріятныхъ соціальныхъ условій даже при отсутствіи развитой индустріи, у насъ не было бы такой острой постановки аграрнаго вопроса. Теперь же, спустя 50 лѣтъ послѣ освобожденія, наша аграрная проблема, не измѣнившись въ своемъ содержаніи, только выросла и осложнилась...

Предыдущее изложеніе даетъ общія руководящія указанія относительно тѣхъ мѣропріятій, выполненіе которыхъ

*) См. „Аграрный кризисъ и мѣропріятія правительства“ стр. 15 Авторъ считаетъ малоземельными всѣхъ, имѣющихъ меньше 8 дес. надѣла

въ настоящій переходный моментъ аграрной эволюціи, возлагается на правящую власть и всѣхъ, кто принимаетъ какое-либо участіе въ разрѣшеніи аграрнаго вопроса. Мѣропріятія эти, способствующія развитію производительныхъ силъ, могутъ быть раздѣлены на *общія* и *спеціальныя*. Общія мѣропріятія касаются не одной какой-либо группы или слоя земледѣльческаго населенія, а всей массы хозяйствъ данной области. Къ нимъ относятся всѣ способы, указываемые современной агрономіей и экономической наукой, для общаго подъема производительныхъ силъ страны или данной мѣстности: широкія меліораціи, агрономическая помощь населенію, землеустройство, но не нынѣшнее правительственное — преслѣдующее въ сильной степени политическія задачи, а направленное только къ устраненію главныхъ преградъ къ интенсификаціи крестьянскаго земледѣлія—длинноземелья, узко—и мелкополосицы; устройство путей сообщенія, кооперативныя организаціи, мелкій кредитъ, раціональная таможенная и налоговая политика, и т. д. и т. д. Относительно всѣхъ этихъ мѣропріятій, подробный конкретный анализъ которыхъ будетъ данъ нами во 2-й части, большихъ разногласій ни у кого не возникало. Ихъ важное значеніе признавалось всегда и всѣми, хотя правительство до сихъ поръ всячески оттягивало ихъ осуществленіе, а общество мало интересовалось этой скучной матеріей. Теперь, когда при вступленіи въ интенсивный фазисъ, выполненіе общихъ агрикультурныхъ и экономическихъ мѣропріятій становится неизбѣжнымъ, оно опять-таки не возбуждаетъ большихъ сомнѣній и споровъ, потому что здѣсь мы смѣло можемъ идти по пути, проторенному западной Европой, приспособляясь только къ мѣстной природной и культурной обстановкѣ.

Но, какъ мы сейчасъ говорили, слабое развитіе городовъ выдвигаетъ у насъ спеціальную задачу—устраненіе крестьянскаго *малоземелья*, которая въ Западной Европѣ разрѣшается сама собой. Нѣкоторые ученые полагаютъ, что малоземелье можетъ быть компенсировано подъемомъ сельскохозяйственной продукціи; однако, въ русскихъ экономическихъ условіяхъ именно оно чрезвычайно тормозитъ развитіе производительныхъ силъ, по цѣлому ряду причинъ, изъ которыхъ, въ виду важнаго значенія этого пункта для

всего дальнѣйшаго изложенія, мы позволимъ себѣ перечислить наиболѣе существенныя.

1) Хозяйства, площадь которыхъ не покрываетъ насущнѣйшихъ личныхъ, хозяйственныхъ и культурныхъ нуждъ членовъ семьи, принуждены покрывать недоборъ заработками на сторонѣ. Въ малоземельныхъ слояхъ % промышленниковъ всегда выше, чѣмъ въ средне—и многоземельныхъ. Отъ этого происходитъ безплодная растрата труда крестьянъ*), вынужденныхъ за лишнимъ десяткомъ рублей уходить порой за тысячи верстъ. Въ земледѣльческихъ районахъ довольно много малоземельныхъ батрачатъ у сосѣднихъ помѣщиковъ. Но и тогда, когда малоземельный находитъ заработки вблизи своего дома, и когда—на другомъ краю Россіи—страдаетъ его собственное хозяйство, т. к. дома онъ можетъ работать лишь урывками, или заставляетъ работать не настоящихъ работниковъ, а подсобныя, вспомогательныя силы семьи: женщинъ, подростковъ, стариковъ. Если онъ не уходитъ на сторону и не батрачитъ вблизи, онъ втридорога арендуетъ по сосѣдству господскую пашню. Когда еще преобладали натуральныя формы аренды, малоземельный отрабатывалъ арендную плату раньше на господской пашнѣ, а на своей пропускалъ горячую пору пахоты и жнитва—земля высыхала, или хлѣбъ осыпался на корню. И теперь, натуральныя, самыя дорогія формы аренды остаются удѣломъ малоземельныхъ. Прибавимъ сюда еще безплодную растрату труда при длинныхъ переѣздахъ съ господской пашни на арендованную, съ арендованной на свою. При экстенсивномъ хозяйствѣ, при избыткѣ рабочихъ рукъ—никто не заботится объ этой безплодной растратѣ энергіи: время у всѣхъ „не купленное“. Переходъ къ интенсификаціи требуетъ бережнаго отношенія къ труду, требуетъ, чтобы трудъ и время использовались *рацiонально;* а малоземельный въ погонѣ за заработками на сторонѣ и арендой, не въ состояніи выполнить этого требованія.

Итакъ — первая причина задержки малоземельными хозяйствами развитія производительныхъ силъ—безплодная растрата избыточнаго труда. Въ погонѣ за лишнимъ кускомъ

*) Мы говоримъ объ отхожихъ заработкахъ: домашніе кустарные промыслы мало развиты въ черноземной полосѣ, болѣе всего страдающей отъ малоземелья.

хлѣба, цѣня ни во что избытокъ своего труда, не находящаго продуктивнаго приложенія у себя дома, малоземельные готовы продать его за ломаный грошъ. Рабочія руки—этотъ главный народно-хозяйственный капиталъ, творящій народное счастье—у насъ никому ненужная рухлядь.

2) Избытку рабочихъ рукъ, не используемому раціонально, соотвѣтствуетъ избытокъ земледѣльческаго *капитала*. Въ брошюрѣ кн. Кудашева „Аграрный вопросъ съ точки зрѣнія с.-хозяйственной техники", приводятся балансы доходовъ и расходовъ на десятину: въ хозяйствахъ меньше 6 дес. при экстенсивныхъ системахъ, чистый убытокъ на десятину равенъ 23 р. 45 к. при интенсивныхъ—11 р. 34 к., въ хозяйствахъ 6—20 дес. при первыхъ системахъ 2 р. 46 к. убытка, при вторыхъ—2 р. 51 к. прибыли; 20—50 дес.—3—5 руб. прибыли. Дальше съ увеличеніемъ размѣровъ хозяйства, прибыльность его опять понижается. Изъ этихъ разсчетовъ для насъ важны цифры колоссальнаго убытка въ малоземельныхъ хозяйствахъ, получающагося и при экстенсивныхъ и при интенсивныхъ системахъ. Эта убыточность происходитъ отъ слишкомъ большого скопленія земледѣльческихъ орудій, скота и построекъ, на небольшой площади. П. А. Вихляевъ массовыми вычисленіями вполнѣ подтвердилъ теоретическіе разсчеты кн. Кудашева. Рабочая сила одной лошади используется на площади въ 4—5 дес. посѣва, а такая площадь существуетъ лишь въ хозяйствахъ съ 8—10 дес. участкомъ. При 5—6 дес. достаточно одной лошади на два хозяйства. Въ такихъ мелкихъ хозяйствахъ было бы раціональнѣе поступить по примѣру корейцевъ, и китайцевъ, замѣняющихъ рабочій скотъ человѣческимъ трудомъ. Но такой способъ обработки раціоналенъ лишь при самыхъ интенсивныхъ системахъ, приближающихся къ огороднымъ; притомъ онъ низводитъ человѣка на уровень рабочаго скота. Европейскія и особенно американскія системы, наоборотъ, стремятся, насколько возможно, освободить человѣка отъ физическаго труда, замѣняя его трудомъ машинъ и скота. Въ этомъ же направленіи должна идти и наша с.-хозяйственная эволюція, если мы желаемъ, чтобы Россія не отставала отъ Европы,

3) Имѣя избыточный земледѣльческій капиталъ, малоземельные не могутъ въ то-же время тщательно обрабатывать землю, не только потому, что рабочія руки у нихъ

частью расходуются на сторонѣ, а дома остаются второстепенные работники, но и потому, что скотъ и орудія у нихъ плохія, мало продуктивныя въ работѣ. Даже въ Германіи малоземельные примѣняютъ гораздо меньше усовершенствованныхъ орудій, чѣмъ остальныя группы: въ группѣ 0,5—2 гект. % хозяевъ съ усовершенствованными орудіями равенъ 8,9%; въ группѣ 2—5 гект.—32,4%, въ 5—20—72,5%. Въ Херсонскомъ земскомъ складѣ (1907 г.) посѣвщиками до 5 дес. куплено 0,8% всѣхъ усовершенствованныхъ орудій, 5—7 дес.,—4,2%, 7—15—33,6 свыше 15—61, 4%. Къ этому прибавимъ, что многіе изъ малоземельныхъ совершенно не имѣютъ орудій и скота, работаютъ супрягой или наймомъ; владѣльцы скота, конечно, раньше обрабатываютъ свою землю, а потомъ участокъ безлошаднаго.

Правда, несмотря на все это, урожаи у малоземельныхъ нѣсколько выше, чѣмъ въ остальныхъ группахъ; но это незначительное повышеніе достигается цѣной огромныхъ затратъ человѣческаго и скотскаго труда.

4) Переходъ къ интенсификаціи малоземельныхъ крайне затрудненъ не только тѣмъ, что, за отсутствіемъ средствъ, они не могутъ пріобрѣтать сельско-хозяйственныя машины, улучшенный скотъ, сѣмена, минеральныя удобренія, но и потому, что многопольный сѣвооборотъ, являющійся основой интенсивнаго хозяйства, требуетъ, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ своего развитія, опредѣленнаго минимума земельной площади. По словамъ В. Г. Бажаева, „мы не можемъ не считаться съ доказаннымъ отрицательнымъ вліяніемъ даже и менѣе остраго малоземелья на всякій вообще агрикультурный прогрессъ“. Авторъ приводитъ въ примѣръ Волоколамскій у. Московской губ., „гдѣ наиболѣе малоземельныя мѣстности до сихъ поръ выдѣляются пятнами полнымъ отсутствіемъ введенныхъ въ сѣвооборотъ клеверныхъ посѣвовъ“. У малоземельныхъ наиболѣе нарушено правильное соотношеніе между пахотными и сѣнокосными угодьями, а чрезмѣрная распашка участковъ ведетъ къ сокращенію скотоводства.

Узко—и мелко-полосица, составляющая также одно изъ весьма существенныхъ препятствій для интенсификаціи, особенно развивается въ малоземельныхъ общинахъ, въ которыхъ общинно-передѣльный механизмъ функціонировалъ сравнительно слабо.

5) Къ препятствіямъ техническаго свойства присоединяется цѣлый ассортиментъ экономическихъ, которыя приводятъ къ полной невозможности накопленія какихъ-либо денежныхъ избытковъ, необходимыхъ для перехода къ интенсивному хозяйству. Малоземельные задолжены болѣе другихъ группъ; при этомъ, т. к. заимодавецъ, предоставляя кредитъ малообезпеченнымъ хозяевамъ, рискуетъ сильнѣе, онъ беретъ съ нихъ большій процентъ за рискъ. Имъ часто не хватаетъ хлѣба до новины, и они покупаютъ его зимой и весной по дорогимъ цѣнамъ; осенью же, для уплаты за аренду, по долгамъ, за повинности и т. п. они должны продавать его задешево.

Эти и цѣлый рядъ подобныхъ причинъ, въ связи съ малопроизводительными затратами труда и капитала, дѣлаютъ малоземельное хозяйство крайне убыточнымъ: малоземельные постоянно перебиваются съ хлѣба на квасъ, главныя ихъ заботы устремлены на погашеніе продовольственныхъ нуждъ и въ ихъ бюджетахъ преобладаютъ *личные*, а не хозяйственные расходы, при чемъ личные расходы направлены не на удовлетвореніе болѣе культурныхъ потребностей въ одеждѣ, жилищѣ и т. п., а на самую примитивную потребность въ пищѣ.

Многія изъ экономическихъ причинъ убыточности малоземельнаго хозяйства могли бы быть устранены кооперативными организаціями мелкаго кредита. Но, вслѣдствіе своей малой кредитоспособности, оскудѣвшіе элементы деревни неохотно принимаются въ члены кооперативовъ. Взявши изъ оффиціальнаго отчета по мелкому кредиту за 1907 г. группировки членовъ кредитныхъ товариществъ по лошадямъ и сопоставивъ ихъ съ соотвѣтственными группировками всѣхъ крестьянъ по военно-конскимъ переписямъ 1905 г.*), получаемъ:

	% членовъ кредитныхъ товариществъ.
Среди безлошадныхъ дворовъ. .	11,3
Съ 1 лошадью	17,8
2	24,2
3—4	19,7
5 и болѣе	16,8

*) по 3-мъ губерніямъ, Воронежской, Оренбургской, Уфимской.

Maximum членовъ кред. товариществъ оказывается не въ средѣ многолошадныхъ, а въ средней группѣ — двулошадныхъ. Безлошадные участвуютъ въ кооперацiяхъ въ $2^1/_2$ раза меньше двулошадныхъ, одно — и пятилошадные въ $1^1/_2$ раза.

6) Скудно питаясь, живя въ невозможныхъ гигiеническихъ условiяхъ, малоземельные отличаются сравнительно малой рождаемостью, высокой смертностью, а потому слабымъ естественнымъ приростомъ: приростъ у малоземельныхъ (получившихъ до 2-хъ десятинъ на ревизскую душу) вдвое меньше, чѣмъ у многоземельныхъ. Наоборотъ, калѣкъ и больныхъ и малоземельныхъ вдвое больше. Слабый приростъ, болѣзненность, увѣчность—все это признаки вырожденiя и какъ слѣдствiе его — пониженiя трудоспособности. Десятки милiоновъ людей задыхаются въ невыносимыхъ для мало-мальски культурнаго человѣка условiяхъ существованiя: какая это огромная потеря для нацiи, государства, для производительныхъ силъ страны!

7) Послѣднiй мазокъ этой неприглядной картины накладывается безграмотностью, некультурностью малоземельныхъ, которымъ, по иронiи судьбы, несмотря на огромные запасы избыточнаго труда, бываетъ часто некогда посылать дѣтей въ школы, не во что ихъ одѣть, не на что купить букваря, керосина для вечернихъ занятiй. Семьи малоземельныхъ не велики и на 8—9 лѣтнихъ ребятъ приходится возлагать присмотръ за домомъ и за младенцами, когда старшiе уходятъ на работу.

Приведенныя доказательства пониженiя производительности труда у малоземельныхъ, хотя и могутъ быть подтверждены обильнымъ фактическимъ матерiаломъ, въ сущности не нуждаются въ такомъ подтвержденiи. Каждый знаетъ, что малоземелье въ сельскомъ хозяйствѣ — синонимъ бѣдности; бѣдность же ведетъ къ большей задолженности, закабаленности, повышенной смертности, болѣзненности, калѣчности, некультурности, плохому качеству орудiй труда, погонѣ за сторонними заработками, вредящей собственному хозяйству. Съ другой стороны малоземельные, хотя и бѣдны, но, въ силу необходимости имѣть каждому лошаденку, соху, избушку, телѣгу—переобременены земледѣльческимъ капиталомъ, еще болѣе—рабочими руками и безплодно растрачиваютъ свои силы и средства. Если бы владѣлецъ помѣстья въ 10 тыс. дес. нагналъ въ свое имѣнье столько лю-

дей, скота, орудій, сколько ихъ имѣется у 2—3 тыс. „абсолютно“ малоземельныхъ, занимающихъ такую же площадь— онъ бы разорился въ одну недѣлю. Бѣдность и своеобразное богатство, неотвратимая „роскошь“, расточительность, связаны неразрывными узами съ малоземельемъ: только съ уничтоженіемъ „абсолютнаго“ малоземелья будетъ сброшена съ ногъ русскаго народа эта стопудовая гиря, мѣшающая ему свободно двигаться по пути с.-хозяйственнаго прогресса. И не только во имя идеаловъ высшей справедливости, не только ради подъема экономическаго уровня и культурности вѣчно голодныхъ, забитыхъ, невѣжественныхъ массъ— нѣтъ, ради свободнаго развитія производительныхъ силъ, одинаково необходимаго для народа и государства, одинаково признаваемаго всѣми партіями, всѣми направленіями— необходимо такъ или иначе покончить съ малоземельемъ. Достаточно указать, что по воронежскимъ массовымъ бюджетамъ, безземельные, и малоземельные не добираютъ на работника 30—50 руб. доходовъ, сравнительно со средними слоями, чтобы оцѣнить убыточность малоземелья для страны не менѣе, чѣмъ въ милліардъ рублей въ годъ.

Какъ же можно покончить съ малоземельемъ? Всматриваясь пристальнѣе въ эту задачу, мы находимъ въ ней не одинъ, а два пункта.

1) Какъ покончить съ малоземельемъ, уже накопившимся къ настоящему моменту.

2) Какъ предовратить дальнѣйшее нарастаніе малоземелья?

Примѣнивши къ соціальной аграрной политикѣ термины земской статистики, можно назвать первый пунктъ *основной* задачей этой политики, второй *текущей*. Стремясь къ тому, чтобы наше изслѣдованіе оставалось въ предѣлахъ мѣропріятій, практически осуществимыхъ даже при данной политической конъюнктурѣ, мы оставляемъ пока въ сторонѣ основную задачу.

Проблема *текущей* аграрной политики, въ сферѣ соціальныхъ отношеній, до сихъ поръ еще не подвергалась спеціальному изученію, а между тѣмъ, она несомнѣнно сохранитъ свое значеніе на много десятковъ лѣтъ впередъ, независимо отъ перемѣнъ политическаго режима, до тѣхъ поръ, пока по интенсивности развитія городской и промышленной жизни, мы не сравнимся съ современной Западной

Европой. Какъ слѣдуетъ изъ предыдущаго изложенія, она сводится къ пріостановкѣ процесса дальнѣйшаго нарастанія избытка земледѣльческаго населенія тамъ, гдѣ плотность населенія опередила систему хозяйства. А такъ какъ это явленіе произошло, какъ мы видали, по всей Европейской Россіи, за исключеніемъ, отчасти лишь крайняго запада, то весь естественный приростъ, равняющійся по даннымъ 1903-10 г. г, 1665 тыс. душъ ежегодно (въ предѣлахъ 50 руб.) слѣдуетъ признать безусловно избыточнымъ. Къ этому количеству необходимо прибавить еще тѣхъ малоземельныхъ, которые принадлежали къ кореннымъ земледѣльцамъ и ликвидируютъ теперь свои надѣлы, пользуясь закономъ 14 іюня. Число дворовъ, продающихъ надѣлы, даже по явно уменьшеннымъ оффиціальнымъ даннымъ, растетъ.

До 1 марта 1910 г. продали земли	129 тыс.	хоз.
„ 1 января 1911 г.	116 „	„
За весь 1911 г.	140 „	„

Въ два послѣднихъ года, въ среднемъ, продавало землю по 140 тыс. хозяйствъ. Допустимъ, что половина ихъ до ликвидаціи жила въ городахъ и къ земледѣлію никакого отношенія не имѣла. Вторая половина составитъ приблизительно около 350 тыс. душъ (у малоземельныхъ семьи относительно не велики). По этому разсчету, общая сумма minimum'а нарастающаго ежегодно избытка деревенскаго населенія, составитъ, кругло, два милліона душъ обоего пола.

Резюмируемъ теперь вкратцѣ основные выводы, вытекающіе изъ изложенныхъ выше соображеній.

1. Цѣлью современной аграрной политики является развитіе производительныхъ силъ въ сельскомъ хозяйствѣ Россіи. Подъемъ производительныхъ силъ достигается одновременнымъ гармоническимъ развитіемъ производительности земли и производительности земледѣльческаго труда. Сельское хозяйство Россіи стоитъ на низкомъ уровнѣ того и другого. Главнымъ средствомъ для развитія производительности земли у насъ является назрѣвшій переходъ къ интенсивнымъ системамъ хозяйства, для развитія производительности труда—устраненіе крестьянскаго малоземелья.

2. Переходъ къ интенсивнымъ системамъ, обусловли-

ваемый въ значительной мѣрѣ, стихійными факторами— уплотненіемъ населенія и развитіемъ рыночныхъ отношеній, облегчается и ускоряется сознательнымъ содѣйствіемъ правительства, мѣстныхъ общественныхъ учрежденій и всѣхъ культурныхъ элементовъ націи, могущихъ и желающихъ работать въ этомъ направленіи. Это—общая задача текущей повседневной аграрной политики, сходная, въ главныхъ чертахъ, съ соотвѣтственными задачами правящихъ и культурныхъ слоевъ общества въ Зап. Европѣ. Реальное значеніе этой политики, возможность сознательнаго вмѣшательства въ стихійный процессъ эволюціи растетъ по мѣрѣ интенсификаціи с.-хозяйственнаго производства.

3. Въ западной Европѣ дальнѣйшій приростъ земледѣльческаго населенія началъ пріостанавливаться въ моментъ перехода отъ зернового трехполья къ улучшеннымъ системамъ земледѣлія и окончательно замеръ съ воцареніемъ вполнѣ интенсивныхъ сѣвооборотовъ. Весь приростъ поглощался городами и эмиграціей и, благодаря этому, прогрессирующія системы хозяйства пришли въ необходимое для гармоническаго развитія производительныхъ силъ равновѣсіе съ переставшей расти плотностью населенія.

4. Чтобы достигнуть и такого же равновѣсія у насъ, необходимо ежегодно около 2 милліоновъ душъ малоземельныхъ крестьянъ, наименѣе приспособленныхъ къ интенсификаціи производства и развитію производительности труда, устраивать такъ или иначе внѣ своихъ крестьянскихъ надѣловъ.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи, посвященномъ всестороннему анализу современнаго положенія аграрнаго вопроса въ Россіи, мы удѣлимъ много вниманія разсмотрѣнію всѣхъ возможныхъ способовъ разрѣшенія этой послѣдней задачи.